

Ретро Испектива

Историко-архивный журнал

2012
№ 1

Петр Премудров.
Спаситель
Мотовилихи стр. 4

Шурочка Лихачева.
Дневник пермской
гимназистки стр. 61

Михаил Романов.
«Изъять
из обращения» стр. 53

«РЕТРОСпектива»
Историко-архивный журнал
Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, г. Москва.
Свидетельство ПИ № ФС77-35378
от 18 февраля 2009 г.
Право на издание и распространение
историко-архивного журнала «Ретроспектива»
безвозмездно передано ООО «Издательский дом
Бывальцева» ООО «Издательство «Вся Пермь»

№ 1, 2012 год

НОМЕР ПОДГОТОВЛЕН
ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЯ ПЕРМЬ»
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ,
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
ПЕРМСКОГО КРАЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Баяндина Нина Петровна,
руководитель отдела по связям с
общественностью краевого Законодательного
собрания, кандидат исторических наук
Белавин Андрей Михайлович, проректор по
научной работе и внешним связям Пермского
государственного педагогического университета,
доктор исторических наук, профессор
Кирьянов Игорь Константинович,
Председатель Общественной палаты Пермского
края,
декан историко-политологического факультета
ПГНИУ,
доктор исторических наук, профессор
Копылов Николай Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
Всемирной
и Отечественной истории МГИМО
(У) МИД РФ (г. Москва)
Лейбович Олег Леонидович, Пермский
государственный институт искусства и
культуры, доктор исторических наук, профессор
Лобанова Наталья Порфирьевна, директор
ГОУ «Государственный архив Пермского края»
Меркушева Елена Николаевна,
заместитель директора по науке ГУК
«Пермский краеведческий музей»
Мохов Виктор Павлович,
заведующий кафедрой государственного
управления и истории ПНИПУ,
доктор исторических наук, профессор
Нечаев Михаил Геннадьевич,
ПНИПУ, кандидат исторических наук, доцент

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Алексей Стаценко
тел. 8-912-980-56-62
e-mail: retrospektiva-red@yandex.ru

ДИРЕКТОР:
Дмитрий Лобанов
тел. 8-912-789-11-43
e-mail: retrospektiva_rd@mail.ru

ВЕРСТКА:
Валерия Зильберман
КОРРЕКТОР:
Ирина Филлипова

Редакция выражает благодарность
Государственному архиву Пермского края,
Пермскому краеведческому музею, Пермскому
государственному архиву новейшей
истории, Верещагинскому краеведческому
музею за предоставленные материалы

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Шабалин.
СПАСИТЕЛЬ МОТОВИЛИХИ.
О ДИРЕКТОРЕ ЗАВОДА ИМ. МОЛОТОВА
ПЕТРЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ ПРЕМУДРОВЕ..... 4

Александр Чашухин.
«ПРАВДА» УЧИТЕЛЯ НОВИКОВА..... 10

Алексей Глушаев.
ТЕЛЕВИЗОР... ИЛИ «ГРОБ ДУШИ»:
ПЕРМСКИЕ ПЯТИДЕСЯТНИКИ В 1960-Х ГОДАХ..... 16

Анна Кимерлинг.
КОРМИЛЕЦ БЕРЕЗНИКОВ:
СУДЬБА НАЧАЛЬНИКА ОРСА
БЕРЕЗНИКОВСКОГО АЗОТНО-ТУКОВОГО
ЗАВОДА МАТВЕЯ ДУГАДКО..... 21

Дмитрий Лобанов.
«ОТЕЧЕСТВО СВОЕ ОН ГРУДЬЮ ЗАЩИЩАЛ...».
ПЕРМЯКИ – УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1812 ГОДА..... 23

Андрей Бушмаков.
ОТ ПРОЕЗЖЕЙ ГРАМОТЫ К ПАСПОРТУ..... 29

Юлия Кашаева.
«ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ, Я ГРАЖДАНИН...»
ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАСПОРТА..... 35

Алексей Стаценко.
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ – ВЕРЕЩАГИНО..... 43

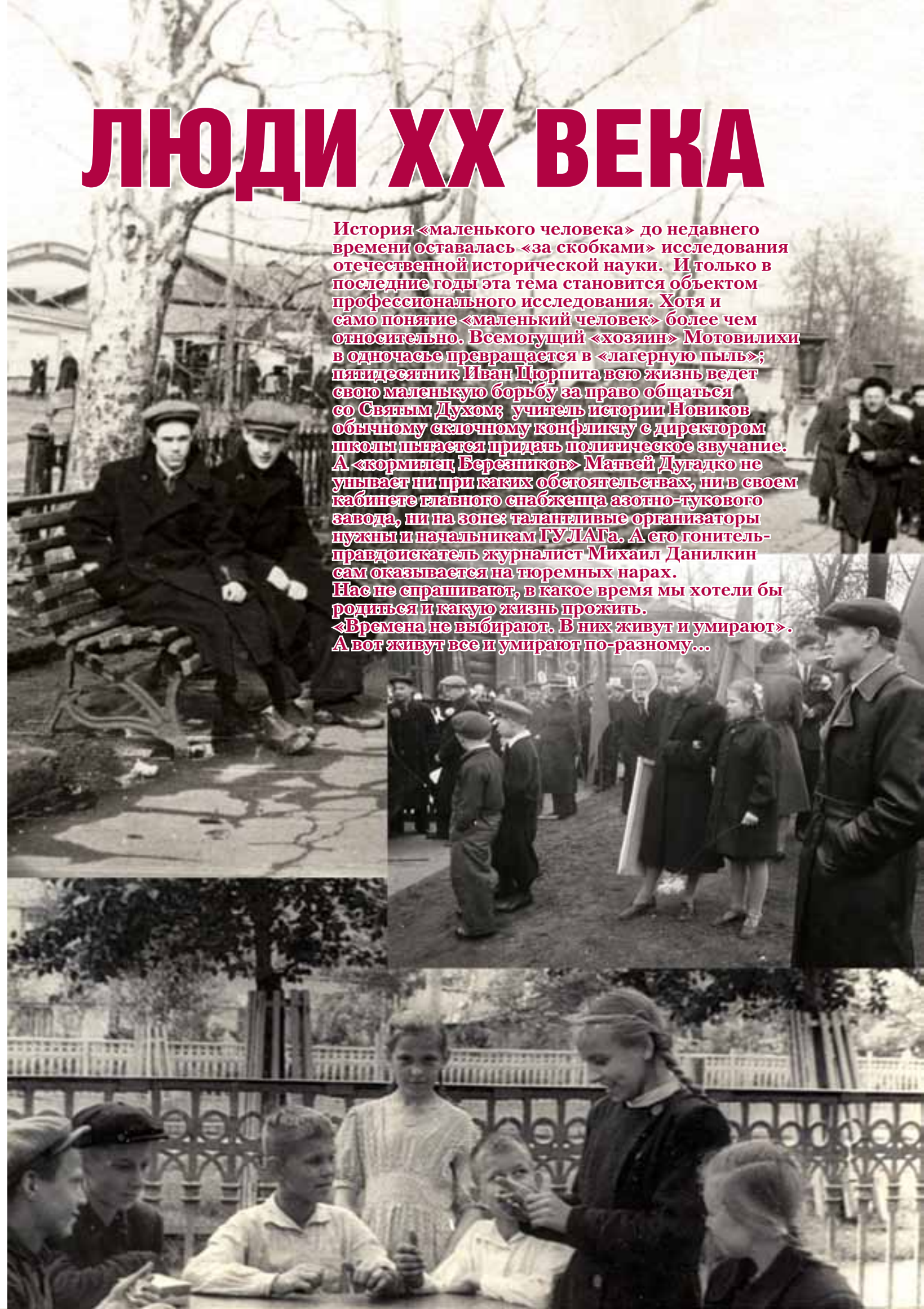
Лев Перескоков:
ИЗЪЯТЬ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ. ПЕРМСКАЯ КАТАСТРОФА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.... 53

Валерия Яковлева.
ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
ПО МОТИВАМ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА
АЛЕКСАНДРЫ ЛИХАЧЕВОЙ..... 61

Людмила Бортник.
«И ВОТ НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ...».
ИЗ ДНЕВНИКА ВОСПОМИНАНИЙ
СЕРАФИМЫ ПАВЛОВНЫ БОРТНИК:
1930–1940-е гг. 67

ЛЮДИ XX ВЕКА

История «маленького человека» до недавнего времени оставалась «за скобками» исследования отечественной исторической науки. И только в последние годы эта тема становится объектом профессионального исследования. Хотя и само понятие «маленький человек» более чем относительно. Всемогуший «хозяин» Мотовилихи в одночасье превращается в «лагерную пыль»; пятидесятник Иван Цюрпита всю жизнь ведет свою маленькую борьбу за право общаться со Святым Духом; учитель истории Новиков обычному склочному конфликту с директором школы пытается придать политическое звучание. А «кормилец Березников» Матвей Дугадко не унывает ни при каких обстоятельствах, ни в своем кабинете главного снабженца азотно-тукового завода, ни на зоне: талантливые организаторы нужны и начальникам ГУЛАГа. А его гонитель-правдоискатель журналист Михаил Данилкин сам оказывается на тюремных нарах. Нас не спрашивают, в какое время мы хотели бы родиться и какую жизнь прожить. «Времена не выбирают. В них живут и умирают». А вот живут все и умирают по-разному...

СПАСИТЕЛЬ МОТОВИЛИХИ

**О директоре завода им. Молотова
Петре Константиновиче Премудрове**

В перечне знаковых имен пермских деятелей, внесших свой вклад в развитие края и знакомых многим, редко можно услышать имя директора Мотовилихинского завода Петра Константиновича Премудрова. Его имя, вычеркнутое из истории в период большого террора 1930-х годов, так и осталось полузабытым. А между тем судьба Перми и в частности Мотовилихи без него была бы другой.

Среди пермских историков и краеведов нет единого взгляда на деятельность и личность Премудрова. Можно выделить две полярные точки зрения. Одна соотносится с публицистической традицией описания реабилитированных большевиков, пострадавших во время репрессий. С этой позиции Премудров предстает героем индустриализации, «крупным организатором производства», который превратил Мотовилихинский завод в передовое предприятие, не забывая о социальной сфере, заботился о рабочих. Его гибель во время сталинской чистки несправедлива и бессмысленна¹.

Историки, придерживающиеся другой точки зрения, описывают

Премудрова без героического ореола. Он предстает человеком, который использовал несовершенства административной экономики, ставил заводские и корпоративные интересы выше государственных. Арест Премудрова и последующий расстрел тесно связаны с его деятельностью и образом жизни².

Автор не собирается объяснять читателю, «как было на самом деле», задача очерка — помочь интересующимся историей читателям составить собственное представление о деятельности директора завода №172.

Биография Петра Константиновича Премудрова для того времени была почти безукоризненна. Родился в 1891 году в селе Илево Нижегородской губернии. Имел пролетарское происхождение. С юных лет работал на различных заводах. Член большевистской партии с 1912 года. Руководил двумя забастовками в Сормово. В 1920-е годы занимал должности директора завода «Новая Этна» в Нижнем Новгороде, председателя правления «Металло-синдиката» ВСНХ в Москве, председателя правления треста Краматорских заводов на Украине. Его считали крупным хо-

Петр Константинович Премудров.
Фото из фондов ПКМ

зяйственным и умелым руководителем. Формально Премудров принадлежал и к государственной элите — являлся членом ЦИК³.

С 1928 по 1930 год Премудров учился в Москве в Промакадемии — учебном заведении, в котором повышали свои технические знания директора заводов и фабрик. Здесь Петр Константинович, пожалуй, единственный раз в жизни, открыто проявил расхождение с генеральной линией партии. На партсобрании Промакадемии он выступил в защиту правых. Серьезных последствий для него этот эпизод не повлек. Премудров

не упорствовал в своих взглядах и подчинился партийной дисциплине, а вождю были нужны подготовленные кадры для проведения индустриализации.

После окончания Промакадемии (видимо, немного недочувшись), вооруженный новыми знаниями Премудров отправился на Урал. В ноябре 1930 года, по настоянию Л.М. Кагановича, он стал директором Молотовского артиллерийского завода №172. Предшественник нового директора, бывший левый оппозиционер В. Чекмарев, не смог ни модернизировать завод, ни свалить вину за отставание на вредителей и был снят, как и многие директора оборонных предприятий, не сумевшие приспособиться к изменившейся внутренней политике.

В главке считали, что завод, который возглавил Премудров, перспективный и его нужно готовить к закрытию. Действительно, заводская инфраструктура была крайне слаба, достаточно сказать, что предприятие не имело собственного водопровода и воду на производство доставляли женщины при помощи ведер и коромысел. Оборудование на заводе было устаревшее, и, как следствие, регулярно не выполнялся план. Однако Петр Константинович поставил вопрос о возможности реконструкции предприятия, и наркомат пошел ему навстречу.

В 1931 году Мотовилихинский завод получил заказ на производство пушки А-19, которая вскоре стала основной военной продукцией завода. Это было мощное 122-мм орудие, способное послать снаряд на 20 км. Пушка, позже усовершенствованная знаменитым конструктором Ф.Ф. Петровым, сыграла важную роль в победе в Великой Отечественной войне.

Производство современного оружия требовало и современной производственной базы. В течение 1932–1935 годов разрабатывается и начинает реализовываться генеральный план реконструкции завода. Возведены новые цеха: сталеплавильный, чугунолитейный, листопрокатный, термический и др., создано инструментальное и

Город Молотово. Пруд в городском саду. Фото Берланд

транспортное хозяйство, рентген-лаборатория. Появляется заводская инфраструктура: железнодорожные пути, водопровод, заводской транспорт. Начинают создаваться техническая и конструкторская база для разработки и освоения новых артиллерийских систем.

Взросшие возможности пушечного завода позволили центру навязывать предприятию выпуск мирной продукции. Сначала это были электрические драги для золотодобычи. В течение трех лет их было сделано пять экземпляров. Вторым большим непрофильным заказом стали паровые экскаваторы, потребность в которых в период первых пятилеток была очень велика. Оба проекта были выполнены, завод стал выдавать продукцию.

Вслед за преобразующимся заводом стал изменяться и город Молотово⁴. Недалеко от предприятия для его работников был построен Рабочий поселок с каменными трех-четырёхэтажными жилыми домами. Для инженерно-технического персонала возвели особое здание, которое по тем временам можно назвать элитным — Дом специалиста.

В новом районе построили и другие объекты, соответствующие представлениям того времени о комфорте и конструктивистской эстетике. Это четырехэтажная гостиница, фабрика-кухня, техническая станция, больница.

Середина 1930-х годов для Премудрова — время пика карьеры. Живет и развивается спасенный завод. Местные партийные руководители проявляют к нему знаки внимания. Фамилия «Премудров» знакома каждому мотовилихинцу. Полная власть на заводе и почитание со стороны ближайших сотрудников, в среде которых директора величают Петром Великим. Довольно работой Петра Константиновича и руководство наркомата. Это выражалось не только в финансировании завода, но и в ценных подарках его руководству. За хорошую работу в 1934 году нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе премировал 16 работников предприятия автомобилями марки «Форд». Премудрову же досталась машина класса люкс — «Линкольн».

«Линкольн» был официальным автомобилем американских президентов, в СССР на нем тоже ездила политическая элита. Это был красивый семиместный лимузин, в котором места для пассажиров были отделены от водителя стеклом. Сообщение между ними осуществлялось через микрофон. Надо полагать, подобный подарок был знаком особого внимания.

Еще одним знаковым событием стала публикация в 1935 году очерка, посвященного Премудрову. Созданный журналистом С. Дзюбинским текст был выполнен в соответствии с канонами

того времени. Премудров предстал перед читателями строгим и эффективным руководителем. Человеком без изъянов, человеком, которому нужно подражать. Благодаря этому очерку успешный директор стал превращаться в героя сталинского мифа, такого же, как, например, более известный Стаханов. Задача подобных текстов была не в том, чтобы показать сложность человеческого характера, а в том, чтобы создать идеальную фигуру-образец, в которой в концентрированном виде содержались одобренные властью качества: деловитость, энтузиазм, самоотречение т.п.

Дзюбинский постарался на славу. Его очерк — это рассказ об одном трудовом дне директора. Журналист создал образ руководителя, который почти не имеет личной жизни, все его время подчинено заводу и производству. «Большевики должны овладеть техникой!» — твердо сказал вождь. И большевик Премудров с упорством и волей, закаленными революционным подпольем, выпестованными партией Ленина — Сталина, овладевает техникой, чтобы строить социализм!».

Петр Константинович неутомимо руководит заводом, направляет работу подчиненных, продолжает овладевать новыми знаниями. Все это благодаря главному качеству — воле. «Нужна непоколебимая, твердая воля, которая ведет вперед и сметает препятствия, воля, которая воодушевляет и организует массы. Воля! Его, Петра Константиновича Премудрова, считают человеком сильной воли».

В очерке, конечно, не было подробностей о производимых заводом артефактах — эта информация являлась секретной, но все остальные достижения героя присутствовали. Это и экскаваторы, которые автор поэтично называет «металлическими слонами», и новый рабочий поселок, и директорский лимузин, и цирк, «которому рабочие дали имя Премудрова»⁵.

Присваивание имен местных начальников различным объектам было обычным делом и являлось элементом культовых практик но-

менклатуры 1930-х годов⁶. Так, например, в честь политического руководителя Уральской области И. Кабакова был назван пароход и населенный пункт. Не обошла новая тенденция и Премудрова. Благодаря своему влиянию на жизнь города Молотово он стал там, пожалуй, самой влиятельной фигурой. Его почитание вылилось не только в названии цирка и сравнении с Петром I, но и в особых церемониях, которыми подчиненные и зависимые люди подчеркивали статус Петра Константиновича. Вот, например, реконструкция встречи Премудрова на вокзале, выполненная О. Лейбовичем и А. Колдушко:

«В один из будничных дней 1936 года по Перми проследовала празднично украшенная автоколонна. Звучали оркестры. Тридцать отмытых машин — по всей видимости, весь исправный автопарк города — двигались строго на восток от железнодорожной станции к городу Молотово. Уличные зеваки, сбегавшиеся поглазеть на необычное зрелище, ожидали увидеть героев-летчиков или челюскинцев. Не случилось. В автомобилях сидели совсем другие люди. Сопровождаемый почетным эскортом, возвращался с сочинского курорта на место службы директор завода им. Молотова П.К. Премудров»⁷.

Вряд ли Премудров обладал каким-то особым тщеславием, культ личности региональных начальников в то время были обычным явлением. И проявлялись эти культы одинаково: портреты на митингах, славословия на собраниях, присваивание имен важным объектам и т.п. В этом смысле директор завода имени Молотова ничем не отличался от своих коллег-хозяйственников и партийных руководителей, которые все вместе подражали главному вождю — И.В. Сталину.

Вождь до поры смотрел сквозь пальцы на культовые практики подчиненных, но в 1937 году это стало для них одним из пунктов обвинения. Припомнили это и Петру Константиновичу. Припомнили тогда Петру Великому и все недочеты,

связанные с его непосредственной деятельностью в качестве руководителя производства. Речь идет о невыполнении плана и браке.

Уже довольно много было написано о нереалистичности планов первых пятилеток и хозяйственном хаосе, который породило административное управление экономикой. Директора заводов вынуждены были приспосабливаться к этой ситуации, выполняя иррациональные приказы центра. Например, с рациональной точки зрения производить на пушечном заводе экскаваторы абсурдно, и директора, попадавшие в подобные ситуации, надо полагать, эту абсурдность осознавали, но им напоминали о долге и большевистской воле, которая может преодолеть любые преграды. Перед руководителями вставал выбор: или отказаться

принимать правила игры с перспективой вместе с семьей потерять высокий статус и партбилет, или принять эти правила и войти в сталинский пантеон в качестве героя, который творит новый социалистический мир. Немаловажным, конечно, было и то, что вместе с символической наградой новые герои получали и вполне материальные выгоды в виде автомобилей, квартир и т.п.

Премудров принял правила игры. Уже в 1931 году в момент, когда решался вопрос о получении заводом заказа на артиллерийские системы А-19, на заводе ответственность за прорывы, так тогда называли срывы в выполнении плана, возложили на рабочих-вредителей — бывших эсеров, меньшевиков и «мясниковцев». Была проведена публичная показатель-

ная «порка» — расформировали партийную ячейку механического цеха №3 и полностью сменили цеховое руководство — «треугольник»⁸. Вряд ли Премудров был инициатором чистки, но как директор, несомненно, разделит ответственность за нее с местным партийным руководством.

Приказ наркомата о выпуске экскаваторов был встречен без особого сопротивления. Петр Константинович, видимо, понимал бесперспективность протестов. Заводу пришлось самостоятельно искать чертежи экскаваторов⁹, самостоятельно осваивать новый технологический процесс. Результат закономерен — высокий процент брака и рекламации от заказчиков.

Казалось бы, с выпуском основной продукции все должно быть по-другому, но нет, проблем с вы-

полнением военной программы было предостаточно. Во-первых, не выполнялся план. В 1935 году программа по основной продукции была выполнена на 57,8%, в 1936 году — на 53,9%¹⁰. Во-вторых, как и при производстве экскаваторов, военная продукция выпускалась с браком. Например, в 1935 году завод поставил заказчику 1651 снаряд на сумму 776 943 рубля 88 копеек. После получения продукции заказчик потребовал возврата денег, так как снаряды оказались бракованными. Проверка, проведенная по требованию Отдела вооружения УМС РККА, подтвердила наличие брака:

«1. 1-я полупартия испытание и переиспытание не выдержала, 2-я полупартия выдержала, но прочность на пределе.

2. Так как при испытании есть основательное предположение об утере баллистического законечника, НКАП считает со своей стороны необходимым произвести переиспытание на прочность посадки законечника при стрельбе на меткость.

3. Полученная меткость при 9 счетных выстрелах не удовлетворяет требуемой по техническим условиям»¹¹.

Премудров защищался, заявляя, что завод делал снаряды по чертежам заказчика. Спор, в конце концов, прекратил Отдел вооружения УМС РККА, который, нужно отметить, незадолго до описываемого конфликта пошел навстречу Премудрову, предложившему ускоренный вариант приемки военной продукции завода.

За что же Премудров и его подчиненные получали награды? Как и многие руководители той эпохи, он сумел приспособиться. Административная экономическая система оставляла лазейки. Одной из них была отчетность о выполнении плана. Завод №172 действительно освоил новый вид продукции — экскаваторы, и они действительно разошлись по стройкам СССР. Вопрос о качестве продукции возник позднее. Государственный контроль даже в тоталитарном обществе не всеведущ. Ну и, кроме того, всегда есть возможность свалить вину за качество на смежников, которые

Мотовилихинский завод, 1935 г.

поставили детали не того качества, или на железную дорогу, которая вовремя не доставила сырье, нужное для производства. Как верно заметили К. Титов и А. Шубин, выходов из подобной ситуации было два: либо рынок, заставляющий неэффективные предприятия выйти из конкурентной борьбы, либо террор, заставляющий людей работать из страха¹².

Репрессии, направленные против главных лиц Урала, приобрели массовый характер после ареста в мае 1937 года хозяина Свердловской области И.Д. Кабакова. Чтобы оправдать уничтожение целого социального слоя, центральная власть погрузила население в миф о тотальном предательстве политической и хозяйственной элиты. Кабаков в этом мифе был главой уральских заговорщиков — «правых», которые должны были организовать антисоветское восстание. Вслед за Кабаковым массовым арестам подверглись и нижние слои иерархии партийных и советских начальников, которые, попадая в руки уральских сотрудников НКВД, сознавались в подрывной деятельности и давали друг на друга показания. Были получены показания и на Премудрова, их дал член Свердловского обкома Г.Г. Ян, руководивший когда-то Молотовским горкомом партии.

Премудров был арестован в августе 1937 года, но первые нападки на него начались еще раньше. В конце января в связи с делом «Параллельного антисоветского троцкистского центра» на заводе прошло несколько партсобраний. Кроме требований расстрелять вредителей, на них было выражено недоверие руководящим работникам завода, в том числе Премудрову. В январе же были исключены из партии как троцкисты-двурушники и смещены с занимаемых должностей его ближайшие помощники: заместитель директора А.И. Залекман и заместитель главного инженера П.Н. Аликин.

В июне в обком партии поступил донос на Премудрова и Залекмана. Директор обвинялся в связи с арестованным И.Д. Кабаковым. В июле 1937 года в газете «Мо-

лотовский рабочий» были опубликованы три статьи о том, что дирекция давала вредительские установки, направленные на ослабление мощности завода.

За несколько дней до ареста Премудрова вызвали на закрытое партсобрание заводоуправления. На повестке дня стоял разбор материалов, опубликованных в «Молотовском рабочем». Однако исключение Петра Константиновича из партии, а именно этим закончилось собрание, видимо, было уже предreshено. Директора обвиняли в том, что он «...проводил явно преступную политику, не имеющую ничего общего с заданиями партии и правительства, что привело к срыву и систематическому невыполнению оборонной программы завода за 1934, 1935 и 1936 гг.»¹³.

Из протокола закрытого партийного собрания 8 августа 1937 года.

«Малолетов: Какие факты вредительства Вы можете назвать?»

«Ответ: В отношении капстроительства и большой номенклатуры изделий на заводе не могу назвать ни одного акта вредительства.»

«Клюев: Почему начальники цехов были белогвардейцы?»

«Ответ: Они были поставлены раньше, уволить их я не мог без разрешения нарком.»

«Клюев: Правильную ли политику проводил Войцеленок?»

Дом техники в Мотовилихе

«Ответ: Главный металлург политики не проводит, ее проводит только директор завода. Работу он выполнял неплохо, недостатки у него были»¹⁴.

Собравшиеся, скорее всего, ждали от Премудрова обычных для того времени раскаяний и разоблачений сослуживцев, но этого не произошло. Возможно, Петр Константинович решил идти до конца, отстаивая свою правоту. А может, еще не осознал нависшей над ним опасности. Утверждать что-то определенное сегодня трудно. Зато позиция выступавших в целом ясна.

Из протокола закрытого партийного собрания 8 августа 1937 года.

«Тов. Рочев: Тов. Премудров построил доклад неудовлетворительно... Положение завода доказывает, что к нему была приложена рука вредителя, этого доказывать на сегодня не требуется. Вредители не всегда работали плохо, иногда они работали и хорошо, чтобы замаскировать себя...»

«Тов. Малолетов: Двухчасовой доклад тов. Премудрова — это доклад хозяйственника, дяляческий доклад. Мы ждали от него слова большевика, но ничего подобного не услышали...»¹⁵.

В процессе обсуждения несколько человек предложили исключить Премудрова из партии. Для него, всю сознательную жизнь

отдавшего ВКП(б), это было большим ударом. В заключительном слове он сказал: «Я не чувствую за собой таких ошибок, которые бы вели к исключению меня из партии, человека в высшей степени честного, в высшей степени преданного партии. Я думаю, что совсем не полезно, а вредно исключать людей честных и преданных партии. Я знаю, что положение требует внимательной проверки. Если вы даже меня исключите, я думаю, меня восстаноят. Партия ценит честных и преданных людей»¹⁶.

Партия не оценила. Премудров был исключен из ВКП(б) как скрытый правый уклонист. Одна из его дочерей позже вспоминала, что, вернувшись с партсобрания, он не спал всю ночь и написал письмо Сталину, которое позже изъяли при обыске.

Ордер на арест бывшего директора Молотовского завода был подписан 11 августа 1937 года. В этот же день сотрудники горотдела провели обыск на его квартире по адресу: Решетникова, 6. Он проходил по делу правой контрреволюционной организации, якобы созданной секретарем обкома И.Д. Кабаковым.

Следствие по делу П.К. Премудрова длилось чуть больше пяти месяцев. Он обвинялся в том, что «...являлся участником контрреволюционной террористической организации правых, подготовлявшей террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства, входил в одну из групп названной организации, одновременно проводил шпионско-диверсионную вредительскую работу...»¹⁷.

Дом специалистов

Судебным заседанием от 13 января 1938 года П.К. Премудров был приговорен к смертной казни.

Возможно, это банальность, но нельзя не сказать, что Премудров был человеком своей эпохи. Время первой волны сталинских вельмож, к которым мы можем отнести и Петра Константиновича, закончилось в 1937 году. Эти люди, помогавшие Сталину свалить Троцкого, форсированными темпами создавать колхозы и проводить индустриализацию, были почти одновременно упразднены. Они почти исчезли и из исторической памяти. Например, только немногие специалисты сейчас помнят, что когда-то Пермским округом руководили такие значительные политические деятели своего времени, как К.В. Рындин или Л.И. Мирзоян. Их заслонили собой фигуры следующей номенклатурной волны.

Премудрову приходилось действовать и принимать решения в сложное и противоречивое время. Приходилось постоянно согласовывать интересы государства, завода, своего окружения и свои личные. С исторической дистанции какие-то его поступки воспринимаются как обоснованные, а какие-то как иррациональные и недопустимые. Кем он был в большей степени — жертвой режима или приспособленцем, извлекающим выгоды из своего положения, решать читателю. Одно, пожалуй, бесспорно — мы должны помнить Петра Константиновича Премудрова хотя бы за спасенный завод, который давал фронту пушки в годы войны и который продолжает работать по сей день.

Владислав ШАБАЛИН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории истории советской
повседневности НИУ ВШЭ

¹ Примером такого подхода может служить статья Ротфельда М. Семь лет из биографии// «Мотовилихинский рабочий», 20 сентября 2006 г.

² Ярким примером второго подхода можно назвать статью Титова К.В., Шубина А.С. Экономика, элита и террор (репрессии 1936–1937 гг. как борьба за эффективность экономики)// Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. — Пермь, 2003. С. 154–158.

³ В описи вещей, обнаруженных в квартире Премудрова при обыске в 1937 г., указан значок ЦИК-СССР за №447.

⁴ В 1931 году Мотовилиха была выделена в отдельную административную единицу — город Молотово.

⁵ Дзябинский С. Люди пятилетки (1935)//

История промышленности Пермского края — XX век. — Пермь, 2006. С. 152–155.

⁶ Подробнее о культовых практиках номенклатуры см.: Колдушко А.А., Лейбович О.Л. «Троцкистская операция» на Урале// «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. — М., 2009. С. 20–36.

⁷ Колдушко А.А., Лейбович О.Л. Указ. соч.

⁸ Осетров Д. ««Вредители» в замасленных спецовках»// Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. ПГТУ. — Пермь, 2007. С. 72–73.

⁹ Заводу пришлось использовать чертежи, полученные от пермской железной дороги. См.: Протокол №14 общего

закрытого партсобрания заводоуправления от 8 августа 1937 г.// ГОПАПО. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 75.

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 49.

¹¹ Цит. по: Титов К.В., Шубин А.С. Экономика, элита и террор (репрессии 1936–1937 гг. как борьба за эффективность экономики)// Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. — Пермь, 2003. С. 154.

¹² Титов К.В., Шубин А.С. Указ. соч. С. 157.

¹³ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 75.

¹⁴ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 65–66.

¹⁵ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 72–74.

¹⁶ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 75.

¹⁷ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 165.

«ПРАВДА» УЧИТЕЛЯ НОВИКОВА

В конце мая 1950 года приемную недавно назначенного первого секретаря Молотовского обкома Ф.М. Праща посетила делегация учителей. Встреча была необычной. Как правило, подобные визиты представляют собой совещания, на которых руководство школ отчитывается в проделанной работе. На этот раз инициатива исходила от самих учителей, которые пришли просить за своего начальника. Педагоги защищали директора школы С.А. Добырну от своего коллеги. Им было известно, что к отстранению директора имеет прямое отношение учитель истории А.И. Новиков.

С позиций «большой истории» рассказывать о школьных склоках кажется излишним и «мелочным». На фоне интриг в окружении Сталина или больших политических кампаний ссора между обычным учителем и директором школы представляется малозначимой. Для некоторых это может показаться еще и неприличным очернительством светлого образа советского учителя-подвижника. Впрочем, эта статья не об идеалах, тем более — не об исторических разоблачениях. Эта статья о конфликтах, точнее — об одном из них. За школьной склокой мы пытаемся обнаружить нравствен-

ные нормы и представления послевоенного времени. Люди в разные эпохи используют разное оружие для достижения победы в споре. В средние века можно было наводить порчу или апеллировать к Святому писанию, в иные времена — писать подметные письма или плести интриги. В данном случае нас интересует то, как сталинская эпоха преломлялась в действиях и представлениях обычных людей, решающих свои споры.

Конфликт разгорелся в 1949/1950 учебном году в школе №50 Молотовского (Мотовилихинского) района города. Его главными участниками были директор Добырн и новый учитель истории Новиков. Ссора быстро вышла за пределы учебного заведения и стала предметом обсуждения различных партийных и административных инстанций. С января по июнь 1950 года разоблачался в конфликте пытались райком и районо, горком, горно и областной комитет партии. После того как отчаявшийся преподаватель стал писать письма в газету «Правда», горком под контролем областного партийного начальства организовал работу комиссии, изучившей ситуацию в школе¹.

Вероятно, все началось 26 ноября 1949 года, когда директор школы №50 совершил ошибку —

сделал выговор учителю истории. Мотивировка приказа выглядела обоснованной — плохое исполнение служебных обязанностей. Педагог несвоевременно представил учебные планы по истории на вторую четверть и неправильно оформил отчет по Октябрьским торжествам. Стало ли это поводом для конфликта или только ускорило его развитие, сказать сложно. Известно лишь то, что эта ситуация побудила обиженного учителя истории к ответным действиям. Преподаватель стал жаловаться в районо и райком ВКП(б).

Нет нужды говорить о том, кто был сильнее. Учитель Новиков, со слов коллег, недавно приехал в областной центр из Кизела, где был на партийной работе. Как и многие его коллеги того времени, он не имел высшего образования². Между тем он двигался в правильном направлении — учился заочно, что предполагало ряд предпочтений³. Его противник был старожилом на своей должности, занимая ее с 1936 года⁴. Дата сама по себе говорит о многом. Пережить, будучи начальником, Большой террор было не так просто. Руководитель любого советского учреждения, занимавший свою должность 14 лет, часть из которых попадает на пик политического террора, а часть на

Город Молотов, конец 1940-х годов

войну, должен был обладать особыми социальными характеристиками. За годы руководства школой у Добырны сложились налаженные связи с руководством районо и партийными инстанциями.

Между тем жалобы педагога были услышаны. 3 января 1950 года ситуация в школе №50 была вынесена на обсуждение бюро райкома. Протесты педагога совпали с проверкой школы, которая предоставила бюро «объективную» информацию в форме статистики по успеваемости и организации политпросвещения. Райком действовал привычным образом — интерпретировал ситуацию на политический язык эпохи. Низкая успеваемость,

трения в коллективе — следствие того, что «...в школе отсутствует критика и самокритика. ...Руководство школы и члены партии стали на неправильный порочный стиль работы, не анализируют своих ошибок, не вскрывают и не устраняют их»⁵. Логика постановления требовала объявления виновных. Ответственность возлагалась на три стороны. Заведующая районо была невнимательна к жалобам педагога, директор допустил «администрирование, самолюбование, сопровождающееся бестактностью и грубостью к окружающим» (в том числе и к инспектору горно). Преподавателю ставилось в вину «неправильное поведение коммуниста,

Горком партии, начало 1950-х годов

выразившееся в невыполнении приказов и распоряжений директора школы, в грубости, заносчивости, в отказе руководить кружком истории ВКП(б), проводить политинформации, читать доклады и т.д.»⁶. Позиция райкома была понятна. Примерно, но несерьезно наказать виновников, после чего загрузить их воспитательной работой. Для ее усиления, спустя полтора месяца, в школе было решено организовать партийную ячейку. Стратегия компромисса была реализована. Секретарем школьной первички стал учитель истории.

На этот раз ошибку уже допустил райком. Дело в том, что Новиков относился к известному типу людей сталинской эпохи. Школьный учитель был тем самым «маленьким человеком», который в поисках правды обличал в глазах большой власти бесчестных начальников. Оружием этих людей были письма «наверх», через голову своего начальства. Потенциальная опасность этих челобитных заключалась в том, что их авторы использовали официальный политический язык для интерпретации поступков и мотивов своих противников. Год спустя, Новиков будет сообщать: «...Глубокая проверка должна привести Вас к выводу, что критика низкой успеваемости в школах р-на и города — это наличие элементов аракчеевского режима в некоторых школах, отсутствие критики и самокритики, преследование учителей не только за критику, но даже за то, что они не поддерживают явно порочных, вредных методов работы». Откуда взялись в голове автора пресловутые «элементы аракчеевского режима»? Проецировал свои знания учителя истории на окружающую реальность? Вовсе нет. Высказывание — прямое заимствование из статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Это знал не только он, но и те люди, против которых выдвигались обвинения. Потенциально это было опасно. Заметим, именно в это время в городе Молотове происходили события, которые, по нашему мнению, не могли не придать смелости педагогу.

Первый месяц 1950 года был особым в истории Прикамья. 13 января был снят первый секретарь Молотовского обкома К.М. Хмелевский⁷. Кадровое решение центра, подкрепленное постановлением ЦК, на время приобрело характер политической кампании. В ходе ее были мобилизованы партийные институты областного и районного уровня. На многоязычном собрании районного партактива 31 января был и учитель Новиков. В апреле на таком же собрании он даже получил слово. Пока же он слушает.

Что означали эти публичные ритуалы для его участников? В первую очередь снятие К.М. Хмелевского означало возможность критики «близких», известных каждому начальников. Для населения рабочих поселков таким начальством была дирекция завода. Содержание критики было различно. Работники райкома выражали недовольство властью промышленных директоров. «А когда Шмурженко сказала, что я буду жаловаться в РК ВКП(б)», т. Зимов (заместитель директора завода им. Молотова. — А.Ч.) ответил: «Можете жаловаться, но райком Вам не поможет, так как райком ВКП(б) является культурно-просветительской организацией и мы ему не подчиняемся»⁸. Недовольство было следствием сложившихся во время войны отношений между «партийцами» и «хозяйственниками». В отсутствие конкретной политической кампании реальная власть РК ВКП(б) и вверенных ему «первичек» была незначительной: «...ведь не секрет, что если секретарь первичной организации выступит на конференции, а когда придет в цех, то если его начальник цеха шугнет, то он как заяц забьется в угол, припадет и сидит»⁹. Для простых партийцев критика начальства внезапно обернулась темой привилегий и социального неравенства. В условиях дефицитной экономики и нищего быта наибольшее недовольство вызывали те, кто в силу занимаемой должности ведал распределением социальных благ. «Возьмите этого «господина» Исаева с подсоб-

ного хозяйства. Я однажды шел с Балмошной от сестры, смотрю корова пасется на хлебном месте. Я спрашиваю, чья это? Мне отвечают: «Нашего директора Исаева»¹⁰. Цитата, напоминающая известную сказку Шарля Перро, была вовсе не безобидна. Критика заводской администрации очень быстро превращалась в критику и начальства в целом, в том числе и партийного. «Я думаю, товарищи, что если бы эти секретари знали, что их прокляты на вороных, то они чутко бы относились ко всем вопросам»¹¹.

Выступавшие говорили и о близких Новикову школьных сюжетах. «Директору школы №59 пришлось не по душе один молодой учитель-фронтовик. Она и начала, собственно говоря, полнейшее гонение за молодым комсомольцем-учителем ... Дошла до таких слов, как «колхозник», «деревенщина» и т.д. Но разве так учил нас товарищ Сталин относиться к кадрам, что означает на большевистской терминологии слово колхозник»¹².

В подобных выступлениях обычно использовался стандартный сюжет — директор-самодур третировал несчастного учителя. История Новикова становилась в его глазах типичной, характерной не только для школы, в которой он работал. В этих условиях сопротивление возмущенного учителя своему директору становилось легальным. Начальство критиковать не только можно, но и нужно. Ведь учителям угрожает потеря не только душевного равновесия, но и физического здоровья. «Вот на одном из собраний выступила учительница Осокина, т.е. моя жена, в защиту молодого учителя с критикой директора школы. На следующий день директор школы Кузнецова со сжатыми кулаками бросилась на Осокину. И если не свершилась физическая расправа, то в этом повинны учителя Белова и Соколова. Они платились за свою защиту тем, что Кузнецова в пылу гнева покусала им пальцы рук»¹³. Насколько правдиво было именно это высказывание, сейчас узнать невозможно. Между тем грубый, репрессивный стиль общения с подчиненными

не был тогда редкостью. Это периодически становилось объектом критики, но продолжало еще долго существовать¹⁴. С.А. Добырна также не раз обвиняли в формально-бюрократическом стиле работы и нетактичном поведении по отношению к подчиненным и ... работникам района¹⁵.

Между тем политическая кампания понемногу стихала, и рассерженный учитель почувствовал ответные действия. В начале апреля Новиков узнает о том, что усилениями районо его собираются перевести в другую школу. Учитель немедленно пишет заявление заведующей районо и секретарю парторганизации. В нем он пытается опротестовать это решение, вновь говорит о своих взаимоотношениях с директором и требует отменить ноябрьский выговор. Спустя три дня после написания письма Новикову было суждено держать новый удар.

На этот раз бой необходимо было вести с «открытым забралом» в стенах школы. 7 апреля педагогический коллектив собрался на производственное совещание, посвященное итогам третьей четверти. Учителя быстро забыли о том, зачем задержались. Отчета по итогам работы школы принято на этом заседании не было. Главной темой обсуждения стал конфликт Новикова и Добырна. Первый обвинял директора в организованной травле и требовал отменить ноябрьский выговор. Добырна указывал на нарушение трудовой дисциплины. К недовольству А.И. Новикова большинство учителей встало на сторону начальства.

Как интерпретировали конфликт педагоги школы? Одним из главных аргументов учительской критики стали мотивы личной заинтересованности со стороны коллеги. «Когда Новиков начинал это дело, выступал, критиковал, люди думали, что он хочет улучшить дело, но с течением времени ... люди не дураки, видят, что от больших вопросов всей учебной работы, он, Новиков, перешел на какую-то мелкую мстительность, у него просто сквозит желание — поставить на своем, удовлетворить свое самлюбие, все тогда от Но-

Молотов, 1950-е годы

викова отошли, но он, видимо, понять этого еще не понял ... Новиков выше всего ставит свое личное «я» — это я скажу ответственно».

К этому времени учитель истории почти уже два месяца был секретарем школьной партийной организации. В этой связи интересны представления коллег о том, чем должен заниматься человек в этой должности. «А как секретарь парторганизации — ни разу не поинтересовался, почему у меня 5 неуспевающих, нет, он неправильно делал, — не занимался успеваемостью». Секретарь парторганизации должен помогать в решении учебных вопросов, исправляя некоторые недоработки своих коллег. Вероятно, сам Новиков считал иначе, воспринимая свою должность в школе как более значимую. «Новиков занялся сам и нам навязывал, выискиванием грязных дел среди технических, которые фактически уже не работают, он распотрошил все случаи с ними, которые могли и не быть»¹⁶.

Узнаваемый здесь образ следователя означал претензии на символическую власть. «Да кто не знает характер Новикова? Все знают! Спросите, как кричали ему с мест на партсобрании, партактиве! А если спросить студентов, среди которых он учится заочно, — там прямо его сыщиком называют и говорят: «Опять он записывает?». Он ведь все записывает — этим он

в школе всех замучил, немудрено, что многие, боясь его, стараются, чтобы он не знал их выступлений, «не развяжешься потом». Последняя фраза говорит о многом. Перед нами представление о непонятном и опасном представителе правоохранительных органов. Путем хитроумно заданных вопросов он способен доказать то, чего нет, подвести под статью. Главным оружием для него являются блокнот и ручка. Основным методом — письма в вышестоящие инстанции, которые не замедлят вторгнуться в привычный маленький мир школы. Не нужно пояснять, что в послевоенном обществе с его прозрачными границами между лагерем и обычной жизнью, подобное поведение выглядело по меньшей мере опасным. «Я скажу одно только и вполне откровенно: большинство учителей боится А.И. Новикова, бояться против него говорить, он все перестает к ним свои выводы, а кому нужно это? — каким он был, таким, видимо, и останется, трудно с ним».

Исполнение роли следователя выглядело в глазах учителей неправильным. В школьном пространстве этой функцией мог быть наделен только директор. Хотел того Новиков или нет, но он воспользовался образцами революционной культуры, приписав себе полномочия школьного комиссара.

При этом наибольшее раздражение учителей вызывали способы исполнения новой роли. «У него такое правило: взять одного из учителей, ходить с ним, что-то тихо говорить, писать потом все в записную книжку, ну как все это надоело... Коллективу учителей не нравится, что после какого-нибудь случая он обязательно возьмет кого-нибудь под руку и тайно начинает беседовать». Использование революционной традиции в послевоенную эпоху с ее жесткими социальными границами было опасно и угрожало сложившимся внутри сообществ отношениям и связям. Это понимали не только учителя, но и областное начальство. Ведь снятие первого секретаря обкома Хмелевского произошло при активном участии журналиста М. Данилкина, разоблачавшего с энтузиазмом «пламенного борца» нравы местного начальства в своих статьях и письмах в Москву¹⁷. Перенос революционной риторики с проблем местного уровня на обобщения в масштабах страны уже означал инакомыслие.

В процессе противостояния круг виновных для недовольного учителя расширялся. В его глазах заодно с директором школы сначала оказалась заведующая районо, а затем и руководство райкома. На последней стадии конфликта он уже пытался обвинять представителей городской и областной номенклатуры. «Пребрежительно относился к тем организациям и органам, к которым обращался с жалобами, необоснованно обвиняя их в бездушном отношении к нему, признавал совещание в школе, в райкоме ВКП(б) — своеобразными, неофициальными, оскорбительно отзывался об отдельных работниках (о первом секретаре РК ВКП(б) т. Павлюкевич, говоря «Гнилая позиция Павлюкевича», об отдельных действиях работников РК ВКП(б), как о действиях «зарвавшихся бюрократов», о работниках редакции «Звезда»: «мягко выражаясь — врте»)». Таким образом, расширение круга обвиняемых шло в глазах педагога по пути конструирования «заговора».

Интересно, что, негативно оценивая своего коллегу, учителя одновременно наделяли своего ди-

ректора положительными качествами. Если Новиков в глазах учителей преследовал личные цели, то Добырн «...лично для себя не живет. Ходит в плохом пальто». Преподаватель недобросовестен в исполнении служебных обязанностей, директор «весь отдался школе, все для нее. Любые дела он организует добросовестно». При этом выделить действительно профессиональные качества, подкрепляя их примерами, учителя затрудняются. Вместо этого перед нами возникает взаимно противопоставленная пара целостных образов, для которых семья неотделима от производственной и от партийной жизни. В своих характеристиках учителя неизменно обращаются к личной жизни.

Школьники на демонстрации. Фото из фондов ПермГани

«Как человек он в быту имеет отрицательные стороны: /Сошлюсь даже и на выступления секретаря парторганизации роно/ ...Вместе с женой изолировались от отца и матери. Отец очень стар, получает 200 руб. пенсии, больной. Новиков им ничем не помогает, даже не угощает иногда; старушка-мать вынуждена идти на работу... В быту Новиков живет отвратительно: отцу, матери, сестре не помогает. Сестра бросила учебу, пошла на работу. Отцу около 70 лет, он вынужден работать сторожем». Директор же не в пример своему подчиненному не только ходит в старом пальто, но и является примером в семейной жизни. «Ведь у него семья в шесть человек, он удочерил племянницу».

Нерасчлененный на профессиональные и личные составляющие положительный образ приобретает патерналистские черты. Директор предстает в виде заботливого, но строгого отца, воспитывающего и направляющего на путь истинный педагогов. «Я доволен директором, как преподаватель физкультуры, он меня вырастил, пришел к нему неопытный, он мне много помогал и помогает в работе. «Дай бог, чтобы в наших школах все директора так помогали правильно ставить физвоспитание в школе!». Учителя неопытны, их нужно «растить» и «помогать» им. «...Наш директор горяч, но хороший по своим деловым качествам, требовательный, а ведь учителя любят

недоделать». Его отсутствие вызывает страх. «Школа у нас большая, не будь твердых правил, все бы пошло так себе, дети трудные; меня, например, страшит даже работать с другим директором ... С.А. чуток к нам, учителям, это я испытываю и сейчас: зная, что стара, плохо мое здоровье, не награждает лишними обязанностями».

Между тем судьба директора школы становилась непонятной. До учителей дошли слухи о том, что Добырн будет снимать. Преподаватели явно испугались остаться в школе наедине с Новиковым. «В это время подошел секретарь РК ВКП(б) т. Леденцов /он был на избирательном участке в школе/, мы его спросили о том, можно ли учителям что-нибудь сказать в защиту Добырн, чтобы оставить его, он посоветовал обжаловать. Тогда мы небольшой группой поехали к т. Прассу и т. Кондюриной ... Совет т. Прасса — поговорить с Добырном, высказать все — мы выполнили». Правильный ход подсказал учитель-коммунист Михайленко: «Перед совещанием накануне я был в школе, товарищи мне говорят, что они желают в горком написать письмо о том, чтобы Добырн оставить в школе на должности директора. А я сам посоветовал не писать, а вынести этот вопрос на обсуждение производственного совещания, выписки расослать по назначению». 26 мая совещание состоялось. Загадоч-

ным образом на нем отсутствовал главный обличитель директора. Версии причин этого расходятся. Новиков говорил о том, что его не поставили в известность, учительница Сергунина заявляла, что объявление висело в учительской. Как бы то ни было, личное присутствие Новикова для учителей, собравшихся ради того, чтобы вступить за директора, было не нужно.

Желая дискредитировать начальство и коллег, Новиков решается на беспрецедентный шаг. «А.И. похитил черновик у меня. Ему дала прочитать, а он его и бессовести положил в карман. Черновик у него и сейчас / «Не для чего вам»/», — жаловалась во время работы комиссии председатель школьного месткома Балуева. Кроме черновика, в руках Новикова оказался и беловик протокола. В нем Новиков обнаруживает «подлог». Учительница, которая вела протокол, собственное выступление приписывает другой учительнице. «Тов. Новиков не был на совещании, взял протокол его, нашел там факты обмана, фальши — сделал вывод, что (в беседе с комиссией) он прав, захватив документы МК, — т.к. «с преступниками поступать нужно по-преступному»¹⁸.

Финал этой истории наступил в июне. Вопрос о ситуации в школе был вынесен на заседание горкома. Решение районо было одобрено городским отделом народного образования. Новикова перевели

в другую школу. В ответ на возмущение учителя заведующая горно публично задала вопрос: «Почему, тов. Новиков, директор Гачегов (школа №49) категорически возражает принять вас на работу — вплоть до заявления, что он — Гачегов подаст заявление об уходе с работы директора, если в его школе будет работать Новиков»¹⁹. Очевидно, что заданный публично вопрос был скорее риторическим, который можно перевести примерно так: «Все знают, что Вы, Новиков, — мелочный сутяга и скандалист, который мешает всем работать».

Учитель отчаянно прибегает к испытанному средству. За шесть дней он отправляет пять писем и заявлений. Адресаты — райком, горком и газета «Правда». К счастью для местного начальства, оно могло оперативно отреагировать на жалобы в Москву, не дожидаясь распоряжений из центра. Новиков копии своих писем и заявлений одновременно отправил и в горком. Именно после этого городской комитет партии организует под контролем обкома работу комиссии в школе.

Каковы были выводы? Все участники конфликта зашли «за флажки», но в разной степени. Учитель — дальше. Исполнение роли комиссара не осталось незамеченным представителями городской комиссии. В протоколе отчета красным карандашом было подчеркнuto: «По замечаниям в его адрес, проявляет грубость (стучал кулаком, оскорблял директора школы: Добырн — дурак, мошенник, хам и др., иронически относился к педколлективу, говоря — буду отвечать «как перед судом»)»²⁰. Ходатайства педагогов за своего директора были признаны «несвоевременными и ненужными». Действия же Добырн являлись наиболее правильными: «осознал свои ошибки, самокритично отнесся к работе, исправился». Достойной восхищения выглядит формулировка, оправдывающая действия директора: «Форма его требовательности, связанная с проявлением раздражительности, вспыльчивости, служила поводом для учителей расценивать

ее как выражение нетактичности, доходящей до грубости».

Игра по правилам политической кампании не могла продолжаться долго. В противном случае разоблачение «вотчин» и «гнезд» грозило стать неуправляемым для региональной номенклатуры. Вынужденная одновременно играть по правилам большой власти и поддерживать в целях самосохранения сложившиеся отношения, она училась отводить возможные опасности. На рубеже 1940–1950-х «мирный» исход этого дела не был предопределен. Ждать, когда в Москве обратят внимание на человека, похожего на журналиста Данилкина, сыгравшего важную роль в отстранении бывшего первого секретаря обкома, Ф.М. Прасса и его окружение не хотели. Строптивного учителя перевели в другую школу. ... Там история повторилась.

Александр ЧАЩУХИН,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
лаборатории изучения истории
советской повседневности НИУ ВШЭ

¹ Эти материалы представляют собой многостраничные отчеты, в которых обнаруживается представление властных инстанций об этом конфликте. К официальным отчетам были приложены и протоколы опроса учителей школы №50. Рукописный текст, многочисленные обороты разговорной речи, включающей в себя различные адаптированные к практике бюрократизмы, отсутствие политического языкового канона говорит о том, что протоколы избежали серьезной редакторской правки. Эти протоколы, в свою очередь, дают некоторые представления о жизненном мире педагогов, на глазах и при участии которых разворачивались события. См.: Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений — детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949–1950 учебный год// ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 113.

² Спустя четыре года, в 1953/1954 учебном году в г. Молотове высшее образование имели около 33% педагогов. Эти преподаватели, как правило, работали в старших классах, которые были доступны далеко не для всех. См.: Отчет Молотовского горно о работе школ за 1953/1954 учебный год// ГАПК.Ф. р-478. Оп. 2. Д. 79. Л. 216–220.

³ Работавшая школьная комиссия, отметила как неправильное утверждение о травле учителя со стороны директора. В качестве аргументов приводилась следующая информация: «Новиков был освобожден от классного руководства,

директор Добырн лично ходатайствовал об освобождении его от работы в кружке по изучению истории ВКП(б), дал тов. Новикову нормальную недельную нагрузку в 18 часов, по просьбе тов. Новикова разрешил ему вести 25 часов в неделю. Дана была возможность иметь 4 свободных вечера в неделю как заочнику». См.: Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений — детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949–1950 учебный год// ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 113.

⁴ Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений — детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949–1950 учебный год// ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 16 об.

⁵ Мотовилихинский РК КПСС г. Пермь. Протоколы бюро №38–51 и №1–5 от 03.01.1950 — 26.05.1950// ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д. 21. Л. 12–14.

⁶ Там же.

⁷ См.: О. Лейбович. В городе М. — М.: РОССПЭН, 2008.

⁸ Мотовилихинский РК КПСС г. Пермь. Протоколы пленумов №5, №2–5; актов №5, №1–4// ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д. 20. Л. 137.

⁹ Там же. Л. 138.

¹⁰ Там же. Л. 137.

¹¹ Там же. Л. 137.

¹² Мотовилихинский РК КПСС г. Пермь. Протоколы пленумов №5, №2–5; акти-

вов №5, №1–4// ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д. 20. Л. 122.

¹³ Мотовилихинский РК КПСС г. Пермь. Протоколы пленумов №5, №2–5; актов №5, №1–4// ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д. 20. Л. 122–123.

¹⁴ По воспоминаниям одного пермского педагога, ее первый директор позволяла себе материться за закрытыми дверями кабинета и в начале 1960-х// Интервью с И-вой А.Г. Личный архив автора.

¹⁵ Мотовилихинский РК КПСС г. Пермь. Протоколы пленумов №5, №2–5; актов №5, №1–4// ПермГани. Ф. 620. Оп. 38. Д. 21. Л. 13.

¹⁶ Здесь и далее цитаты из протоколов опроса учителей комиссией горкома см.: Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений — детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949–1950 учебный год// ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 83–92.

¹⁷ В качестве примера можно привести историю журналиста М. Данилкина, выражавшего свою критику на языке революционной культуры. См.: Лейбович О.Л. В городе М. — М.: РОССПЭН, 2008.

¹⁸ Докладные, планы, справки по работе школ и внешкольных детских учреждений — детские сады и детские дома (справки, докладные, информации, планы работы, материалы обследований, данные по успеваемости), за 1949–1950 учебный год// ПермГани. Ф. 1. Оп. 45. Д. 587. Л. 117.

¹⁹ Там же. Л. 118.

²⁰ Там же. Л. 116.

Если друзья по школе, учителя не отстоят Сережу, то он неминуемо окажется среди вот этих, внешне молодых, но уже старых душ «рабов господних».

Эти девушки и юноши несколько раз в неделю, бросив все полезные дела, устремляются на моления. Только побывав на собраниях сектантов, наглядевшись на их отсутствующие лица, искаженные то «блаженным» улыбкой и безрадостной обстановке, можно понять, в какой убогой и скучен их духовный мир!

Как обкрадывают они себя! Как обкрадывают они себя! Для них закрыты двери картинных галерей и выставочных залов — нельзя!

Они не переступят порога ни концертного зала, ни театра, ни кинотеатра — нельзя!

Они отворачиваются от голубого экрана телевизора — нельзя!

Постыжения современной науки им чужды и пугают их. Искреннее и красноречивее слов — не правда ли!

ТЕЛЕВИЗОР... ИЛИ «ГРОБ ДУШИ»: пермские пятидесятники в 1960-х годах

Посмотрите на пришедших к очередному моению. Начнется проповедь, пройдет час, другой — и их лица исказит гримаса судороги, печать исступления, и они с плачем и воплями будут ползать на коленях, умоляя бога спасти их.

Постоянным запугиванием религия формирует безвольных, приниженных людей, способных уповать лишь на «всевышнего».

Старшее поколение пермяков должно хорошо помнить разнообразные антирелигиозные публикации, кадры из документальных и художественных фильмов 1960-х годов, в которых повествовалось о «скрывающихся за ставнями частных домов» странных верующих, «сектантах-пятидесятниках». Образы художественной кинодрамы «Тучи над Борском» на долгие годы сформировали общественные стереотипы в их восприятии. Напомню некоторые клише массовой пропаганды того времени:

«Жарко. Все окна домов на улице Трамвайной раскрыты настежь. Сияют белизной легкие гардины, колеблемые ветром.

Только два окна в доме №3 наглухо закрыты и завешены чем-то темным. Тревожно становится на душе при взгляде на них...

Разные догадки строят соседи. И редкие знают, что здесь в своей квартире проводит богослужение Иван Цюрпита, пресвитер пермской секты пятидесятников»¹.

К слову сказать, Иван Николаевич Цюрпита здравствует и сегодня, хотя сказываются годы и болячки пожилых людей. А если о прошлом — «времена не выбирают...».

Пятидесятники, они же — христиане веры евангельской², современная протестантская деноминация³, близкая по вероучению к евангельским христианам-баптистам. Из-за специфики религиозных обрядов пятидесятников иногда называли «веселые баптисты». В новозаветном тексте «Деяния святых апостолов» описывается, как в день Пятидесятницы — в современном календаре христианских праздников это день Троицы — апостолы исполнились Духом Святым. Значение дня и образы, связанные с ним, в конце XIX века послужили своеобразной моделью для формирующегося религиозного движения.

В советском атеизированном государстве пятидесятникам не повезло. По своеобразной шкале допустимых религиозных культов, разработанной идеологами Агитпропа, они были классифицирова-

Иван Цюрпита, начало 1950-х годов

ны как «...изувеческие секты, ... богослужение которых заключается в искусственно вызываемом истерическом экстазе, заканчиваемся, как правило, тяжелыми психическими заболеваниями участников богослужения»⁴. Так, пропагандистская инвектива «изуверы», терминологически абсолютно бессодержательная, стала маркером для целого религиозного движения.

В городах и поселках Пермского края группы пятидесятников были немногочисленными, но сплоченными сообществами. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пермской области В.В. Беляев в 1960 году докладывал в обком КПСС, что на территории области учтено 16 религиозных групп пятидесятников, объединявших около 400 человек⁵.

Многие верующие этих общин были из бывших спецпереселенцев: украинцев, высланных на Западный Урал за связи с Украинской повстанческой армией; немцев из трудармии, мобилизованных в годы Второй мировой войны. Однако основной костяк общин составляли местные русские. Тяготы послевоенного быта, маргинализация значительных слоев населения, репрессивность институтов власти способствовали складыванию своеобразной культуры «ухода из мира», культивированию замкнутой религиозной жизни в небольших группах, напоминающих катанские общины первых христиан.

Этот всплеск религиозности 1940–1950-х годов был уникальным явлением в советской истории, демонстрировавшим перенапряжение социального организма и косвенно указывающим на системный кризис социалистического государства. Аналогичную по масштабам картину «религиозного бума» общество пережило во время распада СССР в 1991–1993 годах.

О том, почему именно радикальные религиозные практики «говорения на иных языках», своеобразный религиозный опыт пятидесятников «крещения Духом Святым», пророчества получили распространение в среде евангельских верующих, разговор отдельный и особый. Вера и переживание наполненности сакральной силой во время молитвенных собраний христиан веры евангельской относятся к тонким сферам психологии религии. А для человека верующего, собственный непосредственный опыт есть лучшее доказательство реальности чего бы то ни было⁶. Спорить и выносить однозначные суждения здесь бессмысленно.

К началу 1960-х годов пятидесятнические общины Пермской области, «окуклившиеся» в своей религиозной жизни группы, с опаской воспринимались окружающими. И не только антирелигиозная агитация способствовала созданию образа «чужого» в лице пятидесятников.

Массовые антисектантские настроения были вполне традиционны для жителей уральских городов. Не будем забывать, что сталинская индустриализация, коллективизация и военное лихолетье вырвали многих крестьян из сельского уклада жизни, связанного либо с православием, либо со старообрядчеством. Изменился их образ жизни, организованный заводским гудком, ритмом фабричного производства и пространством барачных общежитий, но психология деревенского жителя, со своей иерархией ценностей давала о себе знать в отношении к миру, особенно к миру инверсия и инакомыслия. Советские

обыватели по-своему понимали «политическую бдительность», о которой твердила пропаганда, они с подозрением относились к людям непьющим, верующим, но не посещавшим православную церковь. В 1960-е годы во время товарищеских судов над некоторыми активными пятидесятниками их нередко спрашивали: «Если вы желаете молиться, почему не ходите в церковь, а собираетесь группами?»; «Почему изменил православной церкви? Не боишься, что бог православно[о]й веры за измену накажет тебя?»⁷.

Сама практика товарищеских судов над «сектантами» была наполнена театральными эффектами, обличительными речами. Порой участники судебных заседаний не могли справиться с эмоциями и, по свидетельству уполномоченного по делам религии, доказывали правоту своих убеждений дедовским способом: «<...> махали кулаком перед носом и грозили»⁸.

Один пожилой верующий-пятидесятник из Пермской общины рассказывал автору этого очерка, как проходило судебное заседание в цехе завода им. И. Сталина⁹. Поводом к судебному разбирательству стали факты проведения религиозных собраний в частном доме информанта, рабочего этого завода: «Да вот точно год не помню¹⁰... Брюхов, Брюхов¹¹ привез в наш цех, на завод. Провел такую лекцию, все против верующих. О-о-о! Все закипели, загудели: «Что вы, у нас такие работают люди, на таком предприятии». О-о-о, загудели...

<...> В цехе. В красном уголке... <...> Народу было много...<...>. Чудинов, я помню, был, Гриша, у нас мастером работал на четвертом участке. О-о-о, дак, коммунист был такой заядлый тоже. Говорит: «Ну что вы смотрите на него. Таких людей надо пересадить или надо, чтоб у нас их не было. Надо детей у него... лишить детей его надо. И дети будут такие же»¹².

Суд общественности закончился мягким приговором над «провинившимся»: предупреди-

ли и назначили штраф. Мягкость приговора объясняется тем, что «религиозный стаж» рабочего был небольшой, да и специалист он был хороший. Позже, когда товарищеские суды разбирали подобные дела о «нарушениях законодательства о культах», представители «общественности» стали ходатайствовать о применении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года. По Указу полагалась административная ссылка в отдаленные районы области сроком до пяти лет.

Эти годы, особенно первая половина 1960-х, отличались острой конфликтностью в отношениях между евангельским сообществом как группой, с одной стороны, и «огосударственным» советским обществом, с другой¹³. Жизнь верующего человека, включая детей верующих родителей, протекала на фоне этого публичного конфликта, который стал повседневностью для большинства евангельских семейств. И чтобы как-то смягчить ситуацию, религиозная жизнь единоверцев все больше замыкалась в рамках общины, семьи¹⁴. Усиливалось чувство сплоченности перед лицом внешнего мира и... уверенности в избранности.

«Помните, Христос сказал: «Гнали Меня, будут гнать и вас», — размышляет в автобиографических заметках верующий-пятидесятник. — Когда знаешь, что никому абсолютно никакого зла не сделал, думавшь, ну, за что, спрашивается, будут ненавидеть? И в то же самое время утверждаешься в том, насколько верно Священное Писание. Оно не может не сбыться!»¹⁵.

Однако границы, которые символически очерчивал круг единоверцев, их ценности и упования, не были герметичными, сравнимыми с непроницаемым частокотлом осажденной крепости. Культурные коды скорее напоминали фильтры, через которые сообщались разновеликие миры советской цивилизации. Верующие жили повседневными заботами рядовых советских граждан, они были «чужими», но среди «сво-

Молодые пятидесятники Молотова, 1953 г.

их». И это выражалось иногда необычным способом. Вновь обратимся к фрагменту из интервью с верующим Пермской общины христиан веры евангельской: «...В то время суд-то прошел. Цех получил телевизор. Только что появились телевизоры первые. Его предлагали: «Телевизор бери. Ребята будут смотреть». Я говорю: «Не-е-т, не надо». Ребята с работы: «У, ты, что ты? Телевизор-то... еще ни у кого нету, а ты отказался. Даром дают телевизор». Я говорю: «Нет».

— Даром давали телевизор?!

— Да, даром. Я понимаю, что это такое. Не-е, не надо.

— До сих пор у вас телевизор нет?

— Нету! (смеется)¹⁶.

Этот товарообмен: «мы тебе телевизор — ты нам лояльность и галочку в графу отчета по антирелигиозной работе», соответствовал широко распространенным в обществе патерналистским практикам, отношениям между государством и человеком. Общеизвестно, как в качестве наказания за нелояльность власти с помощью того же председателя профкома какого-нибудь предприятия манипулировали с жильем. Власть стремилась контролировать жизненный мир верующих (и не только верующих!) через систему поощрений и наказаний, используя прежде всего наличные ресурсы. В нашем случае ценность телеви-

зора в глазах советского потребителя измерялась не только ценой, но и дефицитом продукта.

Распространение телевизионных приемников в советском обществе, вызванное как минимум двумя причинами — техническим соревнованием с Западом и стремлением расширить пропагандные каналы воздействия на людей¹⁷, совпало по времени с незаметной трансформацией власти. После смерти Сталина в течение нескольких лет происходила тихая легитимизация частной автономии (пусть и не на основе частной собственности, а лишь в интимной сфере домашнего семейного быта)¹⁸. Личное пространство городского жителя обрело видимые черты в отдельной малогабаритной квартире или в небольшом частном доме. Телевизор парадоксальным образом взял на себя функцию организатора семейного очага¹⁹.

Иным было отношение верующих-пятидесятников к этой технической новинке. «Во время молитвенных собраний, — отмечал сторонний наблюдатель, — включают телевизор, музыка которого в какой-то степени заглушает моления, а с другой стороны, телевизор служит отговоркой в случае обнаружения собрания...»²⁰.

На фоне общего увлечения телевизионным вещанием верующие, чтобы обезопасить собрания, прибегали к экзотическим

формам использования бытовой техники. Но в большинстве случаев до сего дня пожилые пятидесятники из «нерегистрируемых общин»²¹ с подозрением относятся к телевизору. Для них телевизор — «гроб души». Иными словами, приемник, способный транслировать визуальные образы, оказался под запретом в среде пятидесятников, не прошел культурный фильтр сообщества. Это тем более любопытно, что другие технические средства (радиоприемники, автомобили, холодильники, стиральные машины) вполне успешно входили в повседневный быт верующих.

Этнографический факт «отсутствия телевизора» в домашней обстановке верующих напоминает об архаике табуирования предметов. «Я понимаю, что это такое», — дает оценку телевизору пожилой пятидесятник.

Человеку, не искушенному в религиозной вере, современнику постмодернистских экзерсисов сегодня трудно представить, какой силой обладали (и обладают!) эсхатологические ожидания верующих-пятидесятников. Готовность пережить «последние времена», предшествующие наступлению Царствия Христова, могла подтолкнуть людей со-

рваться с насиженных мест, распродав все имущество. Описание подобных случаев есть в истории Пермского края²². В других случаях верующие как бы «ускользали» из советской политизированной действительности, выстраивая автономные социальные и коммуникационные сети. Телевидение со своей способностью проникать в приватное пространство каждой семьи ассоциировалось с внешним — «дьявольским» вторжением в мир религиозных ценностей и семейных отношений пятидесятников.

Табуирование каналов политической и культурной коммуникации в религиозной среде происходило постоянно. Во время антирелигиозной кампании 1954 года авторы антисектантских публикаций фиксировали отказы от просмотров советских кинолент в среде евангельских верующих уже как массовое явление²³. «Пятидесятники считают грехом, — сообщалось в публикации 1961 года, написанной на пермском материале, — посещать клуб, смотреть кинофильмы или выступления художественной самодеятельности. Школьнику Володе Кунцу, попавшему под их влияние, они сумели внушить, что в кино пляшут черти»²⁴.

Положа руку на сердце, необходимо вспомнить, что советская киноиндустрия в 1930–1940-е, затем в 1960-е годы достаточно жестко «прокатилась» по религиозным символам эпохи, выпустила ряд антирелигиозных художественных и документальных фильмов. Для небольших протестантских групп, религиозная культура которых формировалась в конфликтном поле советской повседневности, дискредитация христианских образов на широком экране была яркой иллюстрацией «настоящего последнего времени».

Таким образом, эти картины из повседневности пермских пятидесятников приоткрывают стороны жизни, в которых сочетаются архаика небольших религиозных групп и индустриальный пейзаж советского города. Удивляет способность религиозных меньшинств, таких как пятидесятники, создавать собственные миры в рамках господствующей культуры. Автономия религиозной жизни даже без всякого социального протеста как бы перемалывала структуру социалистического мироустройства.

Алексей ГЛУШАЕВ,
соискатель кафедры
культурологи ПГИИК

¹ Э. Матвеева. Пусть в окна светит солнце// «Звезда», 03.07.1960. С. 2.

² В пятидесятничестве существует несколько течений, но в данном очерке речь идет о движении христиан веры евангельской.

³ Деноминация — понятие религиоведения, означающее тип религиозной организации в христианстве; автономная церковь.

⁴ Союз Советских Социалистических республик. Большая советская энциклопедия/ Под редакцией С.И. Вавилова, К.Е. Ворошилова, П.И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф.Н. Петрова, Ф.А. Ротштейна, О.Ю. Шмидта. — М.: ОГИЗ СССР, 1947. Стб. 1785.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 27. Д. 133. Л. 59.

⁶ Бергер П. Религиозный опыт и традиция// Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии/ Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 339.

⁷ ГАПК. Ф.р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; Д. 8. Л. 103.

⁸ ГАПК. Ф.р-1204. Оп. 3. Д. 6. Л. 21.

⁹ Современное предприятие ОАО «Пермские моторы».

¹⁰ Событие происходило в 1960 г. См. Ольгин В. Паутина// «Сталинец», 22.06.1960.

¹¹ Сотрудник госбезопасности в Перми.

¹² Пермь, 2011. 01. Ф.В.М., 1924 г.р., муж., верующий общины пятидесятников г. Перми с 1957 года. Записал 08.04.2011 А. Глушаев, г. Пермь. — Личный архив автора.

¹³ Панич Е.И. Конфликты как элемент повседневной жизни евангельских верующих в 1950–1980-е годы// 105 лет легализации русского баптизма. Материалы международной научно-практической конференции. 5–7 апреля 2011 г. — М., 2011. С. 244.

¹⁴ См.: Разрывы и конвенции в отечественной культуре/ Ред.: О.Л. Лейбович, А.В. Чащухин, О.А. Смоляк. — Пермь: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный институт искусств и культуры», 2011. С. 10–11.

¹⁵ Ахтеров В. (Кодебский). Христианские будни социалистической действительности// Интернет-ресурс: <http://www.proza.ru/2011/02/09/939>

¹⁶ Пермь, 2011. 01. Ф.В.М., 1924 г.р., муж., верующий общины пятидесятников г. Перми с 1957 года. Записал 08.04.2011 А. Глушаев, г. Пермь. — Личный архив автора.

¹⁷ Боронников А.Д., Лейбович О.Л. Голубой экран как моголищик социализма (к вопросу о деструктивном воздействии аудиовизуальных коммуникаций на социалистическое мироустройство)//

Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы VI Всероссийской конференции, посвященной 80-летию проф. З.И. Файнбурга. — Пермь, ПГТУ, 2002. С. 179.

¹⁸ Казанков А. И. Самая тихая контрреволюция, или Как Ле Корбузье развалили СССР// 1956: незамеченный термидор: очерки провинциального быта/ О. Лейбович, А. Колдушко, В. Шабалин, С. Шевырин, А. Чащухин, А. Бушмаков, А. Казанков, А. Кимерлинг. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. С. 196.

¹⁹ О деструктивном воздействии аудиовизуальных коммуникаций на социалистическое мироустройство. См.: Боронников А.Д., Лейбович О.Л. Указ. соч.

²⁰ Кольцов Н.В. Кто такие пятидесятники (Ответы на вопросы). — М.: «Знание», 1965. С. 18.

²¹ Традиция отказа от государственной регистрации религиозных организаций пятидесятников восходит к 1960-м гг.

²² Писманик М. Партийное поручение// «Наука и религия», 1960, №11. С. 83.

²³ Евг. Решетников. «Святой» Яша действует// «Звезда», 21.09.1954. С. 2.

²⁴ Калашников М.Ф. Кто такие баптисты и чему учат их проповедники. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1961. С. 11.

*Березники,
1930-1950-е годы*

КОРМИЛЕЦ БЕРЕЗНИКОВ: судьба начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода Матвея Дугадко

Крупное предприятие общесоюзного значения — Азотно-туковый завод, ныне Химкомбинат, играл в 1940–1950-х годах значительную роль в жизни города Березники. После войны город, собственно, и представлял собой большой химический комбинат, на территории которого располагались жилые дома, общежития, общественные здания. И управление города напоминало комбинат. Метко сказал об этом один из делегатов партийной конференции конца 1940-х годов: «...горком напоминает общеберезниковскую дирекцию химических заводов и электростанций». Поэтому становится понятным, насколько важное место в жизни города занимали сами руководители завода.

Матвей Зайвельевич Дугадко в эти годы работал начальником ОРСа Березниковского азотно-тукового завода. О нем известно немного. Его личное дело уничтожено. Материалов уголовного дела обнаружить не удалось. Есть только некоторые следы в партийных документах. Вся остальная информация вышла из-под пера его гонителя — корреспондента газеты «Звезда» по городу Березники Михаила Данилкина.

Судя по всему, Матвей Дугадко был талантливым хозяйственником. Иначе, чем объяснить его влияние в руководящих областных и городских властных структурах, его известность в руководстве химической отрасли страны (на процессе Дугадко назывались имена секретаря обкома К.В. Хмельевского и министра химической промышленности СССР М.Г. Первухина), или настойчивые попытки непосредственного начальника, директора завода А.Т. Семченко, оградить Дугадко от уголовного преследования.

Березники, 1950-е годы

Матвей Дугадко пришел на завод в начале войны. «Эвакуировался с Запада... и телом был худ, и костюмишко на нем был так себе... Работая в Березниках, он не только раздобыл телом, но и снискал себе славу одного из самых обеспеченных во всех отношениях жителей города», — пишет Данилкин. Это еще одно свидетельство незаурядных экономических способностей Матвея Дугадко. В 1941 году ему было только 29 лет. Вскоре он стал одним из тех, кто в военные годы обеспечивал снабжение продовольствием значительной части населения Березников, а с ним и партийно-советских кадров города и области. Больше того, он умел добывать продовольствие. В годы войны руководители предприятий получили дополнительные права в хозяйственной деятельности. Они имели возможность заниматься прямым продуктообменом с совхозами и колхозами, производить самостоятельные закупки и даже контролировать деятельность сельскохозяйственных предприятий. В этих условиях Дугадко проявил

недюжинные деловые способности. Он настолько эффективно маневрировал ресурсами, что был в состоянии реализовать в системе ОРСа купленный в совхозе картофель по ценам на четверть ниже закупочных. Секретарь Березниковского горкома КПСС говорил о Дугадко, что всегда «хвалили его как одного из лучших руководителей торговых организаций города». И высказывание Михаила Данилкина, что Дугадко «...в период войны приобрел такой вес, какого в ту пору не имел местный горком партии», возможно, близко к истине.

Человек, ведающий продовольствием, был фигурой весьма значительной. После войны власти начали закручивать гайки. Прежняя самостоятельность уходила в прошлое. То, за что хвалили раньше, стало отступлением от норм социалистической морали, уголовно наказуемым поступком. Организатор снабжения превратился в подозрительного дельца.

Против Матвея Дугадко выступил Михаил Данилкин, опубликовавший в газете «Звезда» от

4 апреля 1948 года фельетон «Дугадко процветает». Едким, издевательским тоном в нем сообщается нелицеприятная информация о «нечистоплотном» начальнике ОРСа азотно-тукового завода. Дугадко олицетворял для Данилкина буржуазное зло, которое проникло в сплоченные ряды строителей новой жизни. Он соединял в себе все черты, не симпатичные непримиримому журналисту «Звезды»: профессионально занимался торговлей, знал толк в добротных вещах, избежал фронта, эвакуировался в Березники из западных областей Союза, да к тому же был евреем. Последних Михаил Тихонович на дух не выносил. Данилкин понимал, на кого он замахивается, и потому провел предварительное расследование, запасся компрометирующими материалами. Познакомился с бухгалтерскими документами, поговорил с рабочими, ремонтировавшими квартиру Дугадко, получил доступ к накладным, видимо, воспользовался доверительной информацией от недоброжелателей начальника ОРСа из числа его сослуживцев. Имя одного из них — секретаря партбюро он впоследствии раскрыл в письме в обком партии.

Заключительные слова фельетона: «Явно неприлично выглядит процветание Дугадко. Оно слышком не в ладах не только с основами коммунистической нравственности, но и с основами советской законности» по традиции тех лет должны были непременно послужить сигналом к возбуждению уголовного дела «по факту публикации». Однако все случилось несколько иначе, чем ожидал автор. Прокуратура не спешила переходить к активным действиям. Прокурор Булошников сообщил о начале расследования — и только.

Директор завода, видя в публикации прямые нападки на предприятие, а значит, и на себя самого, тут же приступил к активным действиям. К тому же он очень не хотел терять ценного работника. А.Т. Семченко дважды ездил в областную прокуратуру хлопотать о прекращении дела. Так или иначе, но Матвея Дугадко в прокуратуру повесткой вызвали, допросили и отпустили,

не оформив подписки о невыезде. Опасения А.Т. Семченко подтвердились. Министерство химической промышленности освободило Дугадко от работы на азотно-туковом комбинате, и он покинул город.

Михаила Данилкина такой поворот событий не устраивал. Он ожидал неременного ареста Дугадко и строгого наказания его покровителей. Но горком молчал и, вопреки правилам, не сообщал в областную газету о «принятых мерах». Видимо, Данилкину знающие люди объяснили, что у Дугадко всюду — и в Молотове, и в Березниках свои люди и уничтожить его невозможно. Однако журналист не отступил. В июне 1948 года он написал в Москву, в ЦК. Из ЦК письмо, по всей видимости, переправили в обком с указанием «разобраться и доложить». В Березники поехала комиссия, в которую вошли областной прокурор, работник обкома и представитель газеты «Звезда», готовить вопрос для бюро обкома. Тогда же «Звезда» опубликовала редакционный материал «Медлительный прокурор и бойкий Дугадко». В этом фельетоне приводились данные ведомственной ревизии в ОРСе, вновь упоминалось о незаконно полученных премиях. Дугадко напрямую называли «преступником».

Под таким давлением прокуратура выписывает ордер на арест М.З. Дугадко и объявляет его во всесоюзный розыск. В сентябре 1948 года его арестовали в городе Сталино, где проживала жена Дугадко.

В конце октября 1948 года состоялось заседание бюро обкома. На нем постарались сгладить острые углы, вывести ситуацию из опасной политической плоскости и представить данное дело как обычную заурядную кражу. Из постановления бюро следует, что журналист Данилкин правильно вскрыл хищения социалистической собственности в одном из ОРСов. Местное руководство проявило отсутствие бдительности, на что ему и было указано. Наиболее виноватому — руководителю предприятия объявили выговор. Совершенно заурядное дело.

В январе 1949 года состоялся суд над Матвеем Дугадко и его

сотрудниками, в числе которых оказались директор Усольского совхоза, старший зоотехник, кладовщик, бухгалтеры. Дугадко был приговорен к десяти годам лишения свободы с поражением в избирательных правах сроком на два года. Верховный суд СССР уже в следующем году снизил меру наказания вдвое.

Матвей Дугадко недаром имел значительный вес в Березниках. Его деятельность по обеспечению города и его руководителей продовольствием во время войны и хозяйственная сметка не были забыты. Гулаговское начальство умело использовать сильные стороны своих подопечных, если, конечно, те не были осуждены по 58-й статье. З/к Дугадко в лагере занимается тем же, чем и на воле: организует снабжение. Сыграли свою роль и старые связи. В марте 1950 года вышел приказ МВД СССР №00160 «Об освобождении заключенных для работы по вольному найму на предприятиях золотой промышленности МВД СССР». 26 апреля Верховный суд СССР изменил приговор Березниковского суда, а через месяц с небольшим 6 июня 1950 года Дугадко был освобожден из-под стражи. В списке на досрочное освобождение его включили по настоянию начальника УМВД Козлова, с которым Матвей Зайвельевич был лично знаком в годы войны. Особое совещание при МВД СССР 18 мая 1950 года согласилось с мнением областной комиссии. Следующие три года М.З. Дугадко работает начальником подсобных предприятий строительно-монтажной конторы «Уралалмаз» МВД СССР.

Дальнейшая судьба Матвея Зайвельевича Дугадко неизвестна. Его гонитель М.Т. Данилкин был арестован в январе 1953 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, осужден на десять лет по статье 58-10 и освобожден за отсутствием состава преступления 23 мая 1956 года и вернулся в Березники.

АННА КИМЕРЛИНГ,
кандидат исторических наук,
зав. лабораторией изучения истории
советской повседневности НИУ ВШЭ

«ОТЕЧЕСТВО СВОЕ ОН ГРУДЬЮ ЗАЩИЩАЛ...» Пермяки — участники Отечественной войны 1812 года

200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, принятие соответствующих государственных программ по празднованию этого события стимулировали интерес к истории войны с Наполеоном, дали повод для возникновения новых выставок, музейных экспозиций и публикаций, проведения различных мероприятий по всей России. Не остался в стороне и Пермский край. Хотя и не так активно, как в центре, в Перми появляются статьи, телепередачи, тема 1812 года поднимается на различных краеведческих конференциях. Однако в большинстве случаев вся грандиозная

эпоха Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года сводится в сознании большинства авторов к Бородинскому сражению, а сами публикации являются лишь переписыванием выпущенного к 100-летию юбилею войны «Адрес-календаря и справочной книжки Пермской губернии»¹ и повторением мифов, созданных во второй половине XX века. Только изредка появляются новые сведения об участии наших земляков в событиях той эпохи, а серьезного научного исследования, посвященного Пермской губернии в 1812 году, о вкладе ее жителей в победу над Наполеоном, видимо,

никогда не будет. Хотя, по нашему мнению, это был бы лучший подарок пермякам к 200-летию юбилею Отечественной войны.

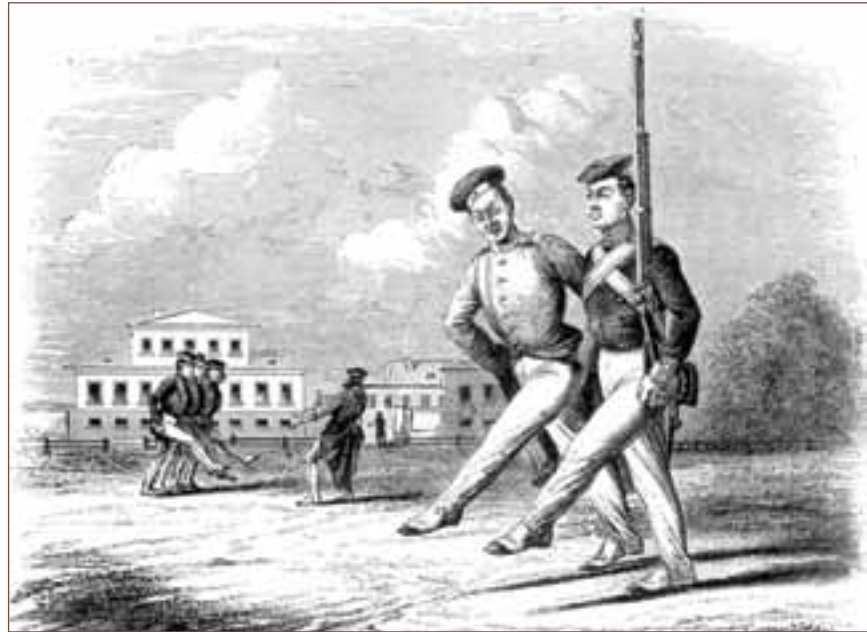
Отнюдь не претендуя на истину в последней инстанции, мы попытались собрать сведения о пермяках — участниках войны 1812 года и представить их на суд читателя. Мы основывались только на информации из открытых источников, и поэтому сведения, представленные в этой статье, далеко не полные, они требуют уточнения и, возможно, исправления, а для этого нужна длительная и кропотливая работа в федеральных и местных архивах.

Пермяков — участников войны 1812 года можно условно поделить на две неравные части: первая — это уроженцы Пермской губернии, и вторая — ветераны войны, не являющиеся уроженцами губернии, но проживавшие или служившие в ней после войны.

К первой категории можно отнести и дворян, имевших в губернии свои владения: Строгановых, Демидовых, Лазаревых, Всеволожских, о которых написано уже достаточно. Нам же, прежде всего, интересно рассказать о рекрутах, набранных в Пермской губернии, которая не входила в состав территорий, где формировалось ополчение². На представления наших современников о том, как люди попадают на войну, как пополняется армия в случае внешней агрессии, и о подготовке солдат во время войны очень сильно повлияли мировые войны XX века. Современному человеку сложно представить, что 200 лет назад все было по-другому: что средства коммуникации были развиты слабо, что скорость передачи информации была крайне низкой, что сам способ ведения войны не требовал срочной мобилизации огромной армии. Но стереотипы трудно преодолеть. Поэтому в большинстве публикаций, рассказывающих об участии наших земляков в войне, пишут, прежде всего, о рекрутских наборах 1812 года. Видимо, авторы думают, что в начале XIX века новобранца сразу привозили в действующую армию, там, как в фильме «Враг у ворот», ему давали в руки ружье и отправляли в бой. В реальности все было по-другому. Поэтому мы, прежде всего, постараемся ответить на вопрос: могли ли рекруты, набранные в Пермской губернии в 1812 году, принять участие в сражениях 1812 года.

Русская армия в начале XIX века комплектовалась рекрутскими наборами, которые объявлялись именным указом. Число душ, с которых набиралось определенное число рекрутов, считалось по последней ревизии. В 1812 году это была 6-я ревизия, которая проводилась в 1811 году. Мужское

Обучение рекрута

население губернии «*платящих и не платящих подать*» в начале позапрошлого века составляло 451 705 человек³. В 1812 году было объявлено три рекрутских набора: 23 марта, 4 августа и 30 ноября. Рекрутские наборы имели сквозную нумерацию. И наборы 1812 года были соответственно 82-м, 83-м и 84-м. По 82-му набору планировалось набрать по два человека с каждых 500

ревизских душ, по 83-му — по два со 100 душ, по 84-му — восемь с 500 душ⁴. Наборы проводились, как правило, в течение одного-двух месяцев с момента оглашения указа в губернии. Рекруты в начале позапрошлого века не сразу попадали в войска, а направлялись в рекрутские депо, где их обучали и только после этого отправляли в полки. Партии рекрутов к месту сбора, а

Таблица №1⁶

Дата Указа о рекрутском наборе	Количество рекрутов по указу
27 августа 1787 г.	с 500 ревизских душ 1 рекрут
25 сентября 1787 г.	с 500 ревизских душ 3 рекрута
29 августа 1788 г.	с 500 ревизских душ 5 рекрутов
27 августа 1789 г.	с 500 ревизских душ 4 рекрута
18 сентября 1790 г.	с 500 ревизских душ 5 рекрутов
18 сентября 1793 г.	с 500 ревизских душ 1 рекрут
7 сентября 1794 г.	с 500 ревизских душ 5 рекрутов
8 октября 1795 г.	с 500 ревизских душ 1 рекрут
13 сентября 1796 г.	с 500 ревизских душ 5 рекрутов
1 сентября 1797 г.	с 500 ревизских душ 3 рекрута
31 августа 1798 г.	с 500 ревизских душ 1 рекрут
25 июля 1799 г.	с 350 ревизских душ 1 рекрут
9 сентября 1802 г.	с 500 ревизских душ 2 рекрута
20 октября 1803 г.	с 500 ревизских душ 2 рекрута
7 сентября 1804 г.	с 500 ревизских душ 1 рекрут
1 сентября 1805 г.	с 500 ревизских душ 4 рекрута
18 сентября 1806 г.	с 500 ревизских душ 4 рекрута
11 ноября 1806 г.	с 500 ревизских душ 1 рекрут
31 августа 1808 г.	с 500 ревизских душ 5 рекрутов
19 сентября 1809 г.	с 500 ревизских душ 5 рекрутов
5 октября 1810 г.	с 500 ревизских душ 3 рекрута
16 сентября 1811 г.	с 500 ревизских душ 4 рекрута

затем в депо шли пешком, так же пешком добирались до своих частей обученные солдаты. Поскольку рекрутские депо располагались в европейской части России, и доставка в них рекрутов занимала много времени, то с 1812 года было приказано рекрутов Пермской губернии направлять для обучения в Пермский батальон Внутренней стражи. Во время войны, летом 1812 года, была создана Резервная армия и рекрутов стали направлять не в депо, а в эту армию, где они и должны были проходить обучение. Обучение солдата в те далекие времена было делом сложным и занимало шесть-семь месяцев, и только после этого новобранцы из рекрутского депо направлялись в полки⁵. Учитывая развитие средств коммуникаций, можно предположить, что указ 23 марта 1812 года о 82-м рекрутском наборе был опубликован в губернии не ранее второй половины апреля, рекруты были собраны в Пермском внутреннем батальоне только к июню месяцу, а обучение их в батальоне продолжалось до ноября 1812 года, после чего они пешим порядком были направлены в места своей службы. Рекруты, набранные в губернии в августе и ноябре 1812 года, могли оказаться в действующей армии еще позже. Таким образом, пермяки, призванные в 1812 году не могли принять участие в Отечественной войне и в лучшем случае участвовали только в заграничных походах.

В войне 1812 года сражались уроженцы Пермской губернии, попавшие в армию по предыдущим рекрутским наборам. Срок службы нижнего чина составлял тогда 25 лет, т.е. самый ранний рекрутский набор, призвники которого могли дослужить до 1812 года и принять участие в сражениях Отечественной войны, состоялся в 1787 году. Как правило, если не было войны, наборы объявлялись один раз в год в конце лета — начале осени. До царствования Александра I рекруты отправлялись сразу в полки, где и проходили обучение, а с 1801 года их стали обучать в рекрутских депо. В таблице №1 приведены данные о рекрутских наборах в Российской империи с 1787 по 1811 годы.

Сохранилась разрозненная информация и о том, сколько рекрутов было набрано в Пермской губернии и куда они были направлены. Информация, увы, далеко не полная, но достаточная для того, чтобы составить представление, где служили пермяки в конце XVIII — начале XIX веков. Сведения эти были собраны и опубликованы в 1902 году в многотомнике «Столетие военного министерства».

«Росписание коликое число в полевые, кавалерийские, пехотные полки, в артиллерию и во флот в комплект нижних чинов требуется ко укомплектованию рекрутами и сколько куда назначается с нижеписанных наместничеств и провинций, из ныне повеленного с пятисот душ набора рекрут, також и сколько за тем в комплект не достает. Октября 18 дня 1787 года.»

Из Пермского наместничества 10 человек из татар в Псковский карабинерный полк, 38 человек из татар в Ямбургский карабинерный полк. В гарнизонные батальоны стоящие в крепостях Екатеринославского наместничества Таганрогские и Бахмуцкой 1824 человека, в Кирилловской, Александровской и Никитинской 1816 человек... В артиллерию по мирному времени требуется ... с провинций... Пермской... 185...

Росписание... из ныне повеленного с 200 душ, а с однодворцев с 100 душ набора рекрут. Октябрь 1783 года.

Из Пермского наместничества в гарнизонные батальоны департамента Днепровской линии 1074 человека...

Росписание... из ныне повеленного с крестьян и однодворцев с 500 душ набора рекрут. Октябрь 1784 года.

Из Пермского наместничества 721 человек во флот...

Росписание... из ныне повеленного набора с крестьян и однодворцев с 500 душ по два рекрута наряда. Сентября 30 дня 1785 года.

Из Пермского наместничества 1331 в Днепровский мушкетерский полк.

Росписание 1786 г... из ныне повеленного с крестьян и однодворцев с 500 душ 62 набора рекрут.

Из Пермского наместничества 10 человек в Софийский пехотный полк, 326 человек в Сибирский драгунский полк...

Благословление ополченца 1812 года

Росписание... Октября 18 дня 1787 года.

Из Пермского наместничества 10 человек из татар в Псковский карабинерный полк, 38 человек из татар

Унтер-офицер Екатеринославского кирасирского полка, 1818–1825 гг.

Солдат-ветеран 1812 года

в Ямбургский карабинерный полк. В гарнизонные батальоны, стоящие в крепостях Екатеринославского наместничества Таганрогские и Бахмуцкой 1824 человека, в Кирилловской, Александровской и Никитинской 1816 человек...

Росписание... Сентября 18 дня 1788 года.

Мушкетер, 1812–1817 гг.

Из Пермского наместничества «и с татарами» 3679 человек в Кексгольмский и Софийский полки...

Росписание... Октября 9 дня 1790 года.

Из Пермского наместничества 477 человек в формирующийся в Москве мушкетерский 4-х батальонный полк, 1825 татар в Великолуцкий пехотный полк, 571 человек в артиллерию...

Росписание... Октября 27 дня 1793 года.

Из Пермского наместничества 745 человек в артиллерию...

Росписание... Октября 12 дня 1794 года.

Из Пермского наместничества для сформирования артиллерийских 5-ти конных рот 3519 человек...

Росписание... Октября дня 1798 года.

Из Пермского наместничества 105 человек в штатные команды Пермского наместничества, 3552 человека в артиллерию...

Росписание... Сентября дня 1799 года.

Из Пермской губернии набрано 674 рекрута в гарнизонный Панова полк (квартировал на суконной фабрике близ Иркутска).

По уездам:

Верхотурский 103
Екатеринбургский 120
Ирбитский 100
Камышловский 135
Красноуфимский 77
Кунгурский 87
Чердынский 52

В гарнизонные полки Смоленской инспекции 542 человека. По уездам:

Оханский 106
Осинский 75
Пермский 118
Соликамский 113
Шадринский 130

Из уничтоженных городов мещан Обве 12

Долматове 27
Алатаеве 58...»⁷.

«Выписка из росписания, сколько в которой губернии предполагается к сбору рекрут, сколько из них в какое депо отправить и во скольких партиях отсюда нарядить конвойные команды. Сентября 21 дня 1809 года.

Пермская губерния. Набрано 4104 человека, из них 2000 отправлены на горные заводы, остальные Владимирское и Каргопольское рекрутские депо...

ТРУХИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1778–02.11.1848). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. В службу вступил в 1793 году подпрапорщиком в Нарвский гарнизонный батальон. В 1802 году переведен в Кексгольмский пехотный полк, в 1805 году — в Белозерский полк портупей-прапорщиком. В 1805 году участвовал в составе полка в экспедиции на кораблях по Балтийскому морю до острова Рюген. В 1806 году произведен в прапорщики и назначен полковым адъютантом. Участник войны с французами 1806–1807 годов в Пруссии. Участник сражений при Прейсиш-Эйлау, Саротне, Гельзберге и Фридрихс-Эйлау, но остался в строю, при Фридрихс-Эйлау ранен в руку. В 1807 году произведен в подпоручики, в 1809 году — в поручики. Участник русско-шведской войны 1809 года. Участник войны 1812 года. Сражался под Смоленском, Бородино, Тарутино. В чине штабс-капитана занимал должность полкового казначея. При отступлении французов командовал батальоном Белозерского полка. Ранен 22 октября 1812 года в сражении при Вязьме. В 1813–1815 годах участвует в заграничных походах. Участвовал во всех крупных сражениях в Европе, контужен в сражении при Лейпциге, остался в строю. После войны произведен в майоры и назначен командиром Рижского гарнизонного батальона. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Подполковник с 1834 года. 1 июня 1839 года «уволен от службы за ранами полковником с мундиром и пенсией». С 13 сентября 1843 года занимал должность пермского городничего. В 1847 году должность переименована в полицмейстеры, таким образом, Н.И. Трухин стал первым пермским полицмейстером. Похоронен на Архиерейском кладбище в Перми.

Выписка из росписания рекрут содержимых в запасных рекрутских депо, сколько куда распределить их на службу. 1810 года. 1-я часть росписания.

Владимирское депо в пехотные полки 6-й дивизии, в мушкетерские полки Углицкий и Софийский, в Екатеринославский кирасирский, Киевский драгунский полки.

Каргопольское депо в пехотные полки 17 дивизии, драгунские полки Финляндской и Митавской...

Выписка из росписания сколько в которой губернии предполагается к сбору рекрут, сколько из них в какое депо отправить и во скольких партиях отсюда нарядить конвойные команды. Сентября 30 дня 1810 года.

Пермская губерния 2256 человек на горные заводы...

Ведомость о числе рекрут, причитающихся по 83 набору (объявлен в августе 1812 года).

Пермская губерния 9400 рекрут из них ...

В Санкт-Петербург 374

В Ярославль 6494 ...

...84-й набор. Объявлен 30 ноября 1812 года.

Из Пермской губернии набрано 1768 человек... отправлены к генералу князю Лобанову-Ростовскому на формирование новых батальонов в замен выступающих к армии.

На горные заводы 2530»⁸.

Как видно из приведенных выше документов, большая часть рекрутов из Пермской губернии направлялась на службу в гарнизонные части и горные заводы, но немало было и тех, кто попадал в полевые полки и мог принять участие в сражениях Отечественной войны. Так, 2104 рекрута 1809 года попали во Владимирское и Каргопольское рекрутские депо, из которых после обучения они были направлены в пехотные полки 6-й и 17-й дивизий, Углицкий и Софийский пехотные полки, Екатеринославский кирасирский, Киевский, Митавский и Финляндский драгунские полки. Нетрудно проследить боевой путь этих формирований во время Отечественной войны.

6-я пехотная дивизия в составе Брянского, Низовского Азовского пехотных и 3-го егерского

П. Хесс. Бородинское сражение

полков входила в состав Финляндского корпуса генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля и вела боевые действия против корпуса Макдональда в Прибалтике. Там же воевали Финляндский и Митавский драгунские полки. В 1-й Западной армии сражались полки 17-й пехотной дивизии и Софийский пехотный полк. Интересно, что в Белозерском пехотном полку 17-й дивизии служил Н.И. Трухин, прах которого покоится на Архиерейском кладбище Перми. Екатеринославский кирасирский и Киевский драгунский полки дрались с французами в составе 2-й Западной армии⁹. Углицкий пехотный полк в боевых действиях участия не принимал и находился в отряде, прикрывавшем Архангельск¹⁰.

В редких случаях можно проследить судьбу отдельных рекрутов. Так, по рекрутскому набору, объявленному в августе 1788 года, был призван дворцовый крестьянин деревни Рублевка Верхотурского уезда Пермской губернии Алексей Михайлов Рублев. 1 января 1789 года он был зачислен на службу в 1-й Гренадерский полк (впоследствии Лейб-гвардии Гренадерский). В рядах полка он уже в 1789 году принял участие в походе в Финляндию против шведов, позднее принимал участие в сражении под

Аустерлицем в 1805 году, в «делах против французов» в Пруссии в 1807 году. В 1812 году гренадер Алексей Рублев сражался под Смоленском, Бородино, Малоарославцем, в 1813–1814 годах участвовал в Заграничных походах, бился у Лейпцига и Дрездена. За храбрость Рублев получил Знак Отличия Военного Ордена (так правильно тогда назывался «Георгиевский крест») за №11668¹¹.

Вторая категория пермяков — участников войны 1812 года — это ветераны, проживавшие и служившие в Перми уже после окончания боевых действий. Именно к ним относятся майор Н.А. Теплов, капитан А.А. Глушков 2-й, первый пермский полицмейстер Н.И. Трухин, закончившие свой жизненный путь в Перми, главный начальник Уральских горных заводов А.А. Богуславский, пермский губернатор К.И. Огарев. Об этих людях мы знаем довольно много, сведения о них легко можно найти в краеведческой литературе. Однако список ветеранов Отечественной войны в губернии ими не ограничивается, много мелких чиновников и офицеров, прошедших войну в обер-офицерских чинах, а иногда и простыми солдатами служили в губернии в середине XIX века. Среди них поручик

Екатеринбургской уездной команды Гаврило Кириллович Любимов, солдатский сын, начавший службу в 1801 году рядовым в сформированном в Пермской губернии Екатеринбургском мушкетерском полку и участвовавший в сражениях при Бородино, Тарутино, Лейпциге и Париже¹². В 1838 году 7-м Оренбургским линейным батальоном, сформированным из горных рот при Пермском горном правлении и охранявшем Пермские горные заводы, командовал подполковник Иван Христофорович Яновский, первым награжденный золотой шпагой «За храбрость» во время Отечественной войны¹³. И совсем мы ничего не знаем о солдатах-ветеранах наполеоновских войн, заканчивавших свою службу в инвалидных командах Пермской губернии или живших в губернии на положении бессрочноотпускных.

«Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Эти слова были выбиты на памятной медали к 100-летию Отечественной войны 1812 года. Но, увы, чем дальше от нас события «нашествия двенадцати языков», тем меньше мы о них знаем. Интерес, вызванный юбилеем, угаснет, торжества пройдут, и опять мы вспомним о «грозе двенадцатого года» только через 100 лет, в год 300-летнего юбилея. Может быть, наши предки, спасшие страну от иноземного вторжения, достойны лучшей участи? Может быть, пора восполнить пробелы наших знаний о том, как сражались наши земляки в ту далекую и славную эпоху, и о том, какой вклад внесла Пермская губерния в общую победу?

Дмитрий ЛОБАНОВ,
сотрудник Пермского краеведческого музея, председатель Пермского военно-исторического клуба

23 февраля в Пермском краеведческом музее открылась выставка «1812. Славный год». На выставке были представлены предметы из коллекций Пермского краеведческого музея, связанные с войной 1812 года и участием в ней пермяков: портреты, одежда, награды, предметы быта и многое другое. Центральное место на выставке занимала военно-историческая миниатюра. Членами Пермского клуба миниатюристов были созданы панорамы сражений Наполеоновской эпохи.

¹ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. — Пермь, 1912. — С. 69–75.
² Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815, 1816 годов. — СПб., 1916. ПКМ 16922/360.
³ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и

домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Волганаго экономического общества... Ч. 2. — СПб., 1811. — С. 233.
⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) №№ 25051, 25198, 25279.
⁵ Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801–1855. — М., 1996. — С. 7–10.
⁶ ПСЗРИ №№ 16565, 16579, 16705, 16796, 16905, 17154, 17247, 17394, 17507, 18125, 18646, 19045, 20411, 20994, 21441, 21891, 22275, 22348, 23263, 23848, 24369, 24772.

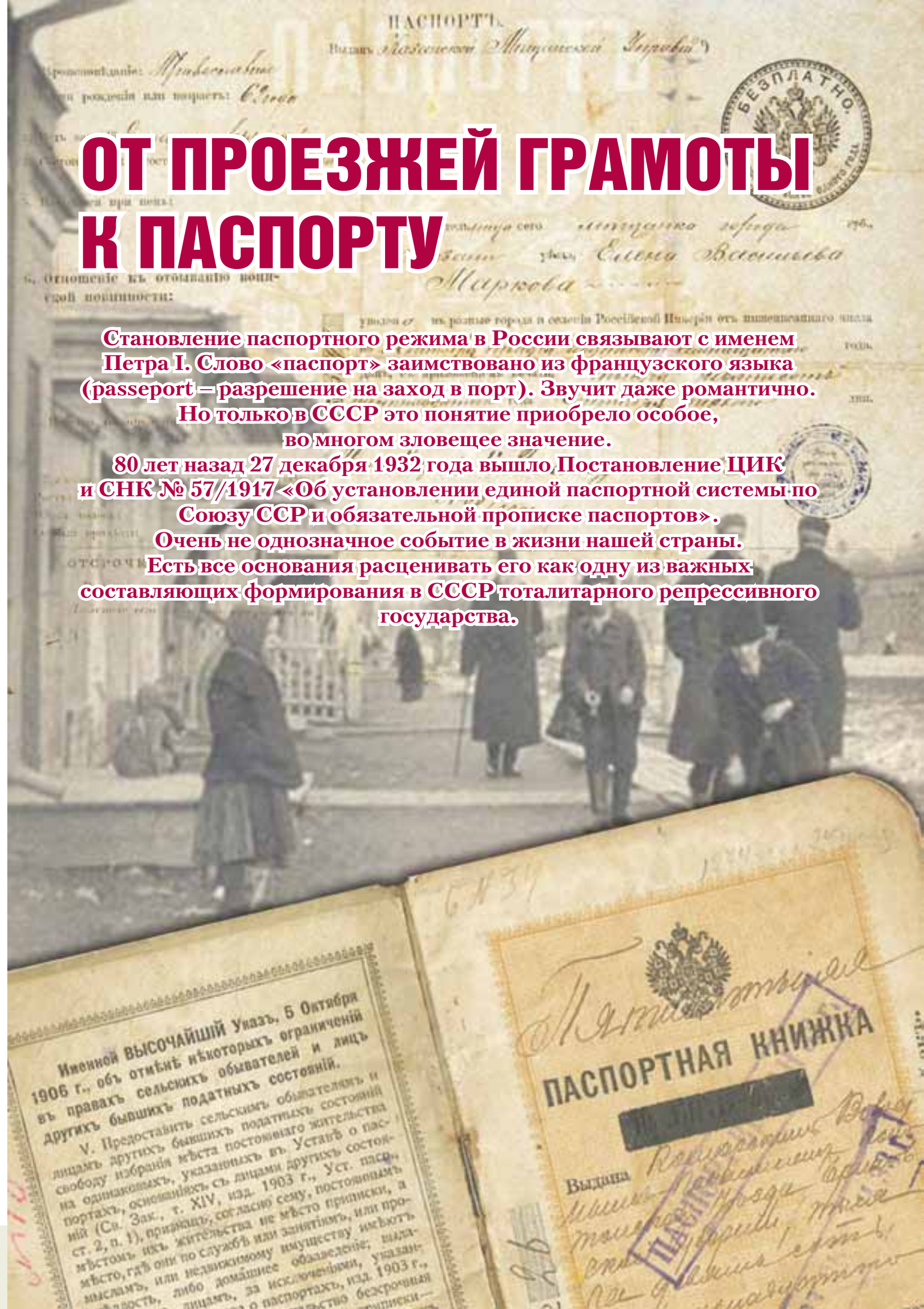
⁷ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. — СПб., 1902. — С. 216–317.
⁸ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. — СПб., 1902. — С. 14–68.
⁹ http://www.museum.ru/1812/War/Sostav_rus/index.html
¹⁰ М.Н. Еленев. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за двести лет его существования. — Варшава, 1908.
¹¹ ГАПК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 6.
¹² Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. — Екб., 1992. — С. 125.
¹³ Список подполковникам по старшинству. — СПб., 1838. — С. 17.

ОТ ПРОЕЗЖЕЙ ГРАМОТЫ К ПАСПОРТУ

Становление паспортного режима в России связывают с именем Петра I. Слово «паспорт» заимствовано из французского языка (passeport – разрешение на заход в порт). Звучит даже романтично. Но только в СССР это понятие приобрело особое, во многом злое значение.

80 лет назад 27 декабря 1932 года вышло Постановление ЦИК и СНК № 57/1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов».

Очень не однозначное событие в жизни нашей страны. Есть все основания расценивать его как одну из важных составляющих формирования в СССР тоталитарного репрессивного государства.

История паспортов в России начинается с эпохи Петра Великого, пытавшегося воплотить идею создания в России «регулярного государства». В 1719 году, в связи с введением подушной подати и рекрутской повинности, были также введены так называемые проезжие грамоты. Вскоре, в 1724 году, выезжавшим с постоянного места проживания стали выдавать покормежные и пропускные письма, в них описывался рост, внешний вид и особые приметы отпущенного. Первые выдавались крестьянам, уходившим из сел на заработки в пределах своих уездов, помещиками и приказчиками. Вторые — лицам, отправляющимся за пределы своего уезда, для их получения нужно было обращаться к уездному начальству (или мещанам) в городской магистрат. За передвижением населения надзирали местные административные органы и полиция. Крестьян, обнаруженных без документов, подвергали телесным наказаниям и возвращали их владельцам. Наказание грозило и лицам, предоставлявшим беспаспортным людям работу и кров.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что на практике паспортный режим нередко нарушался. Например, в июле 1797 года Соликамский городской магистрат рассматривал дело соликамского мещанина Григория Турантаева, обвинявшегося «в держании без паспортного крестьянина Чердынской округи Вильгортской волости Ивана Кушева», которого он якобы в течение двух недель использовал на домашних работах. На допросе Турантаев рассказал, как было дело: «Прошлого 1796 году в октябре месяце Чердынской округи Мошевской волости крестьянин домом своим жительство имеющий в городе Соликамске Тимофей Бызанов привел к дому его под окошко той же округи Вильгортской волости крестьянина Ивана Кушева для топорной работы, причем он Турантаев Кушева спрашивал: имеет ли указной паспорт. И на то он отвечивал, что оставил на фатере, а сверх того оба они подтвердили, что из

Свадьба. Фото из частной коллекции

давно времен в городе Соликамске по таковым же пашпортам жительство имеют. Особливо же Бызанов о Кушеве его уверял, что оба они одной округи и живет у него в соседях, довольно он его знает, и по таковом уверении сказал он, Турантаев, Кушеву: если хочешь работать, принеси пашпорт, каковой он на третий день и принес к дому его под окошко вынул из кармана для показания держал в руках своих. Но поелику ему в тогдашнее время в здорвьё последовал болезненный припадок, почему он его в руки к себе взять и прочитав не мог. Сказал только Кушеву: когда пашпорт есть, приходи на другой день егда полегче ему будет, тогда тебе и с товарищем работу отведу, которая после того с неделю времени из вольной платы при своем пропитании работали при разобрании заплотов не в дому его, а на вновь принятом плановом месте на улице

при дороге. И когда он у Бызанова из числа заработанного по просьбе купца Василья Зырянова вычел долговых денег рубль, что самое Бызанов почел за неудовольствие и робить перестал. После чего Кушев два дня робил с чердынским же крестьянином Андреем Резеевым, живущим в городе Соликамске из давних лет, причем Резеев сказывал ему, что де Кушев в его доме и квартирует. По сработке ж оставшая добровольная плата обоим им от него Турантаева выдана сполна, почему они, куда им надлежало в то же самое время и ушли. Кушев же у него в доме ни прежде, ни после никогда не живал...»¹.

Магистрат легко поверил этой истории и оправдал Турантаева, поскольку Кушев не жительствовавал у него дома².

Не менее показательна история с крестьянками Чердынского уезда, 18-летней Ксенией Говорливых

и 25-летней Улитой Пьянковой. Дело возникло в связи с тем, что первая, живя по чужому паспорту в Перми, в 1793 году вышла замуж за дворового человека советника Пермской уголовной палаты Чадина, а затем сбежала из его дома, унеся с собой купленную ей господами одежду и некоторые другие вещи.

В ходе расследования выяснилось, что Ксения первоначально ушла из дома мужа на заработки и, пожив некоторое время в городе Чердыни у разных тамошних обывателей в работницах, затем нашла работу в селе Вильгорт, при строящейся там каменной церкви. Здесь она познакомилась с Улитой, которая позвала ее с собою в село Новое Усолье «для страдней работы». Ксения приняла предложение и ушла с Улитой в Новое Усолье, не известив мужа, а по приходе нанялась на работу у живущего там прапорщика Ивана Попова. Улита, также без паспорта, устроилась в Новом Усолье без каких-либо проблем. Во время пребывания в Новом Усолье они познакомились с «показывающейся вдовой крестьянской женой Настасьей Федоровой дочерью Трапезниковой», которая уговорила их ехать в губернский город Пермь и там «сыскать выгодные для себя работы». Опытная и обладавшая многочисленными знакомствами Настасья, «дабы им не могло последовать какой остановки и задержания», дала женщинам «письменные билеты», за которые взяла с Ксенией — три, а с Улитой — два рубля, и притом велела, «дабы они называли себя Настасьями Федоровыми дочерьми». О билетах же тех «сказывала, что они даны ей Янидорской волости старостой и пищиком Артемьем Федосеевым».

Староста Федосеев на допросе заявил, что билет давал временный самой Настасье, сроком на два месяца, и поэтому законов не нарушал, однако Трапезникова показала, что поила старосту вином и таким образом добыла у него паспорта.

По приезду в Пермь женщины нанялись домашними работницами, причем Ксения, по паспорту

значившаяся вдовой, вскоре оказалась сосватана и вторично, при живом муже, вышла замуж: «...приходящая тут тамошняя мещанская женка, по прозванию Красавиха, уговаривая ее дабы согласилась выйти в замужество тамошней уголовной палаты господина советника Чадина за крепостного человека Ивана Симонова... А потом из вышеписанных женок Улита ей к тому присогласовала, упоминаемая ж мещанка Красавиха, взяв от нее билет и унесла к показанному господину советнику Чадину, а после сказала, что он, господин Чадин, буде есть ее желание, в замужество дворовому своему человеку взять ее позволяет. И по сим обстоятельствам, избегая дальнейшего пребывания у разных людей, а наипаче крестьянской жизни и бедного ее мужа житья, за оного Ивана Симонова, после Рождества Христова в промежовенье вышла, но до выхода ж в замужество, когда приготавливалась ехать к венцу, означенная женка Улита вторично приходила и разговаривала, чтоб она не ходила, но, боясь она Ксения нарушить данного обещания, вышла, не послушав более ее, Улиты, и после того жила того года до страднего времени в должном содержании по мере ее услуг»³.

Поскольку жизнь в доме у советника Чадина оказалась не такой хорошей, на какую, очевидно, рассчитывала Ксения, она следующим летом дала Улите себя уговорить сбежать от него и вернуться к прежней крестьянской жизни. Забрав нарядную городскую одежду, а также скатерть и полотенце, она пешком ушла из Перми и добралась до своего села Анисимова в Чердынском уезде, где после того «жила в доме своем с прежним своим мужем Ефимом Говорливых безотлучно и мужу своему также и никому о выходе вторично в замужество не сказывала, да и спрашивана о том не была».

Отметим, что герои и героини этих дел достаточно свободно перемещаются между разными уездами, устраиваются на работу по договору и находят жилье, не имея никаких письменных удостоверений. Потребность в паспорте

Барышня, начало XX века. Фото из частной коллекции

возникает только в большом городе, да и там его часто заменяет рекомендация, основанная на личных связях. Сомнительного вида бумажка, полученная случайным путем, стала документом, достаточным не только для временного устройства на работу, но даже для вступления в брак — притом что в качестве эксперта, ее удостоверившего, оказался советник губернского уголовного суда.

Но отступления от соблюдения паспортного режима происходили в дореформенный период и вполне официально. В июле 1802 года действительный тайный советник граф Александр Сергеевич Строганов подал на Высочайшее имя прошение из шести пунктов, в котором просил о возврате к прежнему упрощенному порядку выдачи удостоверяющих личность документов для своих крепостных людей, занятых на сплаве соляных и железных караванов: «С собственных моих соляных и железных заводов, состоящих в Пермской губернии, ежегодно отправляется соль до Нижегородских Вашего Императорского Величества магазинов, а железо — в разные Российской империи города; и к сему отправлению упо-

требляются в судовой работе большею частью крепостные мои люди, на которых по содержанию состоявшихся указов 1726-го года июля 21-го, 1732-го ноября 5-го, 1745-го ноября 19-го и по силе учиненного Пермским губернским правлением в 1782 году определения давались отправляемым с караванами приказчиком именные реестры с описанием тех работников росту и примет и с засвидетельствованием оных реестров в нижнем земском суде, в ведомстве которого те крестьяне жительство имеют, с каковыми они и возвращались в свои дома. Но ныне Пермское губернское правление, в отмену прописанных узаконений, предписало всем городничим и нижним земским судам иметь наблюдение, дабы заводские конторы на отправляющихся по рекам соляных и прочих караванов работных людей с письменными билетами из уезда в уезде, а кольми паче дальше не отправляли, но брали на каждого человека указы печатные пашпорты, без коих и вольножелающих никакого бы звания ни принимали, приводя к таковому своему постановлению основанием изданный в 1724-м году плакат и состоявшийся 1771-го года августа 25-го дня Правительствующего Сената указ»⁴.

Такая инициатива губернского правления, потребовавшего строгого соблюдения паспортного режима, нарушила сложившуюся в XVIII веке традицию, когда занятые на сплаве люди путешествовали без паспортов, и, по мнению вельможи, привела к угрозе срыва поставок соли: «Через таковое Пермского губернского правления постановление я нахожу крайнее в отправлении соли и железа затруднение и совершенную невозможность в исполнении того постановления, потому 1-е, что соль отправляется по примерно трехпудному мешков счислению и до самого отправления караванов, сколько оной будет погружено и какое потребует количество рабочих и других людей, верно знать нельзя, почему как точного счисления по самое то время назначить, так и покормежных брать на известное число людей невозможно.

Семейная пара. Фото из частной коллекции

2-е. Самые те люди укомплектовываются в соляных заводах и при самом отвале каравана, причем иногда бывает от многого количества людей немалое число больных и увечных, кои переменяются другими от соляных заводов ниже в расстоянии от ста десяти до трехсот верст, где по течению реки Камы прилегли их селения, следовательно, в самое удобнейшее на сплаву время нет средств брать на тех людей покормежные в уездных городах, отстоящих как от оных заводов, так и от селений, где берутся люди, в дальнем расстоянии, в каковом случае убыль в реке Каме внешней воды главнейшим есть препятствием. 3-е. Наряжаются на помянутые караваны крепостные мои люди для одного только препровождения собственных моих заводских произведений, и не более как только на четыре месяца, после чего возвращаются в свои дома для исправления таких же заводских работ, следственно и не подходят под прописанные в постановлении Пермского губернского правления узаконения, к чему с самого состояния плаката до сего времени ни каким правительством настолько принуждаемы не были, но по неоднократным самого того правления предписаниям отправление их всегда было с вышеобъясненными регистрами».

«Хотя же и просили мои поверенные Пермское губернское правление о позволении иметь на упоминаемых судах людей, как издревле происходило не с печатными пашпортами, а с письменными пропусками, но оное правление, к крайнему моему отягощению, постановления своего не отменило; от чего до того уже доходило, что когда соляной караван грузкою оканчивался, и потребные люди обыкновенным образом назначались, прибывая же в реке Каме вода начинала убывать, то Соликамский нижний земской суд, видя явную остановку в отправлении приготовленных судов, сопряженную с неизбежными убытками, народною тягостью и казенным ущербом, сам собою приступил к выдаче поверенным моим на отправляемых крепостных моих людей регистров за надлежащим свидетельством, оставя у себя с оных копии, с таким заключением, что приступил он к тому по краткости времени и в деле нисколько промедления не терпящем, о чем к сведению донес рапортами как Пермскому гражданскому губернатору, так и тамошнему губернскому правлению, а поверенным с той резолюции выдал за скрепою копию, но и затем губернское правление не только осталось непреклонным в своем постановлении, да и пове-

ренных владельческих подвергало уже уголовному суждению»⁵.

Конфликт между Строгановым и губернским правлением был в итоге разрешен в пользу вельможи — прежний порядок упрощенной регистрации людей, отправлявшихся с караванами, был восстановлен.

В период правления Николая I основным законом, определявшим паспортный режим в империи, являлся «Устав о паспортных и беглых». Устав гласил, что никто не может отлучаться от места постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта. Все путешественники должны были предъявлять паспорта при переезде из одной губернии в другую на городских заставах, а по прибытии на место — полиции. Не служившие на государственной службе дворяне могли не иметь паспортов, для них документом являлась грамота на дворянское достоинство. Для крестьян и мещан было установлено три категории паспортов, выдаваемых в зависимости от удаления лица от основного места жительства и срока их действия. Кроме подданных, отправившихся по каким-либо делам за пределы

места своего проживания, паспорт требовался также при венчании в церкви, если один из вступающих в брак был приписан к другому приходу.

Паспортная книга составлялась в городах полицейскими чиновниками, на крестьян — писарями в волостных правлениях. В ней отмечались проезжие грамоты, подорожные листы, паспорта, виды на жительство и др. С 1883 года домохозяева в обязательном порядке должны были извещать полицию обо всех прибывших и выбывших во всех городах, посадах и местечках, представляя их паспорта для регистрации.

3 июня 1894 года было принято Положение о видах на жительство, действовавшее в отношении подданных империи кроме польского и финского населения, лиц военных, казаков, иностранцев и еще нескольких категорий граждан. С 1 января 1895 года началась выдача новых по форме документов. Книги учета паспортов заводились в местах выдачи паспортов: по месту службы лиц, состоящих на государственной службе, духовенству — в духовных учреждениях, полицейских управлениях, мещан-

ских и ремесленных управах и т.д. В паспорт вносились приметы его владельца (при отсутствии фотографии), а также место жительства, сословная принадлежность, вероисповедание; графы «национальность» не было.

Графа «особые приметы» обычно не заполнялась. В.А. Гиляровский в своих воспоминаниях приводит связанную с ней забавную историю: «Служил у нас первым любовником некоторое время актер Белов и потребовал, чтобы Далматов разрешил ему сыграть в свой бенефис Гамлета. Далматов разрешил. Белов сыграл скверно, но сбор сорвал. Настоящая фамилия Белова была Бочарников. Он крестьянин Тамбовской губернии, малограмотный...

После бенефиса вышел срок его паспорта, и он принес старый паспорт Далматову, чтобы переслать в волость с приложением трех рублей на новый «плакат», выдававшийся на год. Далматов поручил это мне. Читаю паспорт и вижу, что в рубрике «особые приметы» ничего нет. Я пишу: «Скверно играет Гамлета» — и посылаю паспорт денежным письмом в волость».

Крестьяне на городском рынке. Фото из фондов ГАПК

Через несколько дней паспорт возвращается. Трупна вся на сцене. Я выделяю, по обыкновению, разные штуки на трапедии. Белову подают письмо. Он распечатывает, читает, потом вскакивает и орет дико:

— Подлецы! Подлецы!..

История Гиляровского наглядно показывает, что получение паспорта обычно было достаточно формальной и не вызывающей особых проблем процедурой. В местах постоянного проживания паспорт по-прежнему не требовался, кроме населенных пунктов, объявленных на чрезвычайном положении. Не требовалось паспортов при отлучках в пределах уезда и на расстояние до 50 верст за его пределами. Также паспорт не требовался, если отлучка длилась не более чем шесть месяцев.

В паспорт вносились члены семьи, если они проживали вместе с его владельцем. Мужчины до 17 лет и женщины до 21 года могли получать вид на жительство лишь по просьбе родителей или опекунов, замужние женщины — с согласия мужа.

Препятствием к выдаче паспорта могло быть наличие недоимки. Неотделенным членам крестьянских семейств, даже и совершеннолетним, вид на жительство выдавался только с согласия хозяйина крестьянского двора или по распоряжению земского начальника. Лицам, включенным в общий вид, могли быть выданы и отдельные виды на жительство, в месте их временного пребывания. Дворянам неслужащим, лицам, уволенным от государственной службы, офицерам и чиновникам запаса, почетным гражданам, купцам и разночинцам видами на жительство служили бессрочные паспортные книжки, выдаваемые полицией.

Действовали ограничения на поселение и получение документов как общего порядка («черта оседлости» для евреев, цыган) так и для лиц, судимых и находящихся под надзором полиции. Этим лицам паспорта выдавались только с раз-

решения полиции, а в них делалась отметка о судимости владельца и производилась запись, ограничивающая места проживания.

В XX веке такие отметки формально уже были нарушением правил, но нередко по-прежнему проставлялись. Цитируем секретное письмо Департамента полиции пермскому губернатору от 29 марта 1900 года: «Заведующий металлургической частью Алапавских заводов технолог Бронислав Фаддеев Лелевель обратился в департамент с ходатайством об оказании ему содействия в получении вида для повсеместного в империи жительство, так как на имеющемся у него паспорте сделана надпись об установленных за ним ограничениях в праве пребывания в некоторых местностях.

Принимая во внимание, что никакие административные распоряжения и взыскания не подлежат внесению в личные документы, Департамент полиции имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении о выдаче просителю взамен имеющегося у него паспорта установленного вида для повсеместного в империи жительство, без всяких на нем отметок и оговорок, и о последующем уведомить Департамент.

Вместе с сим Департамент покорнейше просит Ваше превосходительство приказать объявить названному Лелевелю, что отсутствие в новом паспорте указаний на воспрещение жительство в столицах и С.-Петербургской губернии не буде отменять наложенного на него, Лелевеля, ограничения в праве жительство в означенных местностях впредь до особого распоряжения».

В 1906 году крестьянам были предоставлены одинаковые права с другими сословиями, и с этого времени документ, удостоверяющий личность подданного в России, стал называться паспортной книжкой. В нем указывались фамилия владельца, его имя и отчество, семейное положение,

дети, особые приметы и место жительства. Однако паспорт продолжал оставаться средством административного принуждения и контроля. В случаях волнений и забастовок рабочих было распространено (хотя и незаконной) практикой при увольнении направлять их паспорта по месту постоянного проживания, вместо того чтобы выдавать на руки. Это приводило к тому, что рабочий, по паспорту числившийся крестьянином (нередко другой губернии), был вынужден тратить усилия на возвращение своего паспорта, а не на борьбу с хозяевами фабрики за свои права.

Иностранцы допускались в Россию только по паспортам российских миссий и консульств или по засвидетельствованным ими иностранным паспортам. В России им выдавался на каждый год проживания специальный паспорт, который необходимо было регулярно продлять.

Выдачей паспортов иностранцам, проживающим не в столицах, занимались губернаторы (их канцелярии). Несмотря на такой контроль, даже в начале XX века встречались случаи беспаспортного проживания иностранных подданных. Примером может служить случай с китайским подданным Туд-за, который мальчиком был привезен в Россию каким-то капитаном, как обезьянка, — без всяких документов. Он проживал в Перми и работал официантом, не имея никакого паспорта, пока не захотел вернуться на родину. Возникла большая бюрократическая волокита, не было документа — основания для выдачи паспорта, ее разрешил в конечном итоге Департамент полиции, велел выдать паспорт, поскольку китаец отличался хорошим поведением и ни в чем предосудительном замечен не был⁶.

Андрей БУШМАКОВ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии
Пермского государственного
института искусств и культуры

«ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ, Я ГРАЖДАНИН...»

Из истории российского паспорта

Как считается, в русском языке слово «паспорт» появилось еще в XVII веке и было заимствовано из французского языка (passeport — разрешение на прибытие в порт). Паспорт первоначально был средством наблюдения за подозрительными лицами и мерой охраны государственной безопасности. В дальнейшем паспорт приобрел значение удостоверения личности предьявителя, давал право на отлучку с постоянного местожительства или на выезд за границу.

Появление паспортной системы в России принято связывать с именем реформатора Петра I. По «Инструкции полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленным для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и для искоренения воров и разбойников и приостановителей при них» от 24 декабря 1719 года обязательными для всех свободных жителей государства, выезжающих в другие местности и страны, стали «проезжие грамоты» или «пашпорта», которые с начала XVII века использовались для проезда внутри страны. «8. А понеже Его Царского Величества указами опубликовано, чтоб никто никуда без пашпортов или проезжих или прохожих писем не ездили и не ходили, но каждой бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо»¹.

Паспорта имели существенное значение в сборе податей. «Плакаты» от 26 июня 1724 года для крестьян, с целью предотвращения уклонения от уплаты подушной подати при временных отъездах с места жительства, были установлены особые правила. При отходе на работу крестьянину в пределах уезда (до 30 верст от

двора) необходимо было получить «письменный отпуск» от помещика, приказчика или приходского священника, а в более отдаленные районы — «пропускное письмо» у земского комиссара, который был обязан сделать запись в особой книге и оформить документ за два дня. В «пропускных письмах» описывалась внешность крестьянина: «рост, лице и непременные приметы, дабы кто другой воровски получа оно не волгался». Срок действия пропускных писем не должен был превышать трех лет².

Заграничный паспорт в XVIII веке выдавала Коллегия иностранных дел. В первой половине XIX века дворянам разрешалось выезжать за границу только на несколько лет, остальным — не более чем на год. Заграничные паспорта стоили очень дорого. А часть выручки от продажи документов шла на благотворительные цели. О каждом выезжающем трижды публиковалось объявление в официальных газетах, выдавались заграничные паспорта только тем, к кому не было «претензий» у частных лиц и официальных органов. Паломники, ехавшие на богомолье в Иерусалим, должны были получить на то разрешение Синода. На основании «Устава о паспортах» в «Пермских губернских ведомостях» публиковались объявления о выдаче заграничных паспортов на выезд на богомолье: «Пермское губернское правление ... объявляет во всеобщее сведение, что крестьянин Чердынского уезда Покчинского сельского общества Михайло Николаев Серебренников отбывает ныне в Иерусалим, для путешествия ко святым местам в

окрестностях Палестины и разных городах Турецкой Империи»³.

С 1803 года для купцов, мещан и крестьян ввели печатные паспорта, действительные только в России. Основным законом в XIX веке, регулирующим паспортный режим в империи, являлся «Устав о паспортах и беглых». Первая статья «Устава» указывала, что никто не может отлучаться от места постоянного жительства без законного вида или паспорта.

С 1 января 1895 года в соответствии с «Положением о видах на жительство»⁴ началась выдача новых по форме документов. Паспорт не требовался в месте по-

Паспортная книжка образца 1915 года. Из фондов ГАПК

¹ ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 120. Л. 142–142 об.
² Там же. Л. 143.

³ ГАПК. Ф. 177. Оп. 3. Д. 249. Л. 2–4.
⁴ ГАПК. Ф. 36. Оп. 5. Д. 143. Л. 2–3.

⁵ ГАПК. Ф. 36. Оп. 5. Д. 143. Л. 4.
⁶ ГАПК. Ф. 365. Оп. 3. Д. 519.

стоянного проживания, при перемещении в пределах уезда и за его пределы, но не более 50 верст и на срок не более шести месяцев, а также лицам, нанимающимся на сельскохозяйственные работы. Исключение составляли столичные и приграничные города, паспорта были необходимы также для рабочих фабрик и заводов ряда местностей.

Положение 1895 года разделило все население Российской империи на две группы: 1) дворяне, офицеры, почетные граждане, купцы и разночинцы получали бессрочные паспортные книжки; 2) мещане, ремесленники и сельские обыватели — вид на жительство. Вид на жительство выдавался в трех формах: паспортные книжки (на пять лет при условии отсутствия задолженностей по сборам и платежам с указанием годового размера сборов); паспорта (до одного года, независимо от наличия недоимок и согласия других лиц); бесплатные виды на отлучку (до одного года пострадавшим от неурожая, пожара, наводнения).

На протяжении всего времени издания официальной губернской прессы 1830–1910-х годов в ней публиковались сообщения об утрате паспортов. Причем такие объявления имели место быть практически в каждом газетном номере. Утрачивались паспорта по разным обстоятельствам: потеря в командировках и при переездах, кражи и грабежи, при пожарах. Так, например, во время пожара в доме кунгурского купца Губкина был утерян паспорт отставного рядового Степана Степановича Домрачева⁵. Все утерянные паспорта становились недействительными. А объявления печатались от лица разных организаций — Пермского приказа общественного призрения, Кунгурского городничего, Главной конторы Гороблагодатских заводов, Пермской городской Думы, Соликамского земского суда, Исправника Нижнетагильских заводов, Екатеринбургской Градской полиции и других.

В начале XX века в «Пермских губернских ведомостях» регулярно появлялись статьи, разъясня-

Справка с места жительства, 15 ноября 1946 года. Из фондов ГАПК

ющие порядок выдачи паспортов и освещающие проблемы, с этим связанные. В статье «Паспортные неурядицы» автор, характеризуя ситуацию, отмечает, что «ни одна административная потребность не поставлена в такие неудобные рамки, как выдача паспортов. Отмена казенного сбора несколько не уменьшила неудобств, связанных с получением вида на жительство. Писаря волостных правлений и заправили мещанских обществ прилагают все усилия, чтобы извлечь из требования паспорта всевозможные для себя выгоды. За каждым членом сословного общества всегда числится кое-какая

недоимка, до внесения которой паспорт не выдается. В законе не указан срок, в течение которого паспорт должен выдаваться; этим пользуются восседающие в волостных правлениях и мещанских управах, и обывателю, желающему законно получить паспорт, только после долгих мытарств удается получить последний»⁶.

В начале XX века Пермь активно развивалась, что способствовало большому притоку в город неквалифицированной рабочей силы. Это влекло за собой и определенные трудности с проверкой паспортов. В «Пермских губернских ведомостях» в 1906 году появи-

Справка, удостоверяющая личность колхозника, выдана Монастырским сельсоветом Молотовской области 7 июня 1946 года. Из фондов ГАПК

лась следующая заметка: «С весны текущего года и по настоящее время замечается громадный наплыв в Пермь из разных мест рабочего люда, который занимается здесь поденным трудом (при постройке железной дороги и водопровода, на пристанях и проч.). Рабочие эти, проживая в Перми, обязаны, конечно, предъявлять свои паспорта полиции. Предъявляя паспорт в участках утром, рабочие получают их по прописке не ранее полудня следующего дня и, таким образом, теряют поденной платы за два дня работы, что крайне тяжело отзывается на их незавидном бюджете и вызывает с их стороны неудовольствие. Вполне бы, кажется, возможно возвращать по прописке паспорта рабочим в самый день их предъявления (в столицах это делается максимум через час) и тем не лишать рабочих, приходящих иногда в город с одною котомкою за плечами, заработка»⁷.

Первая мировая война усложнила проживание в империи подданных тех стран, которые оказались с Россией по разные стороны фронта. Так, Александр Иосифович Штадлер, австрийский подданный, в 1914 году стал военнопленным и был выслан в 1915 году на жительство в Пермскую губернию. А.И. Штадлер родился в 1888 году и жил в Санкт-Петербурге Пермской губернии, за пределы России не выезжал, связей с исторической родиной не имел, женился на тверской мещанке, у них родилось двое детей. В 1909 году он не получил русского подданства из-за несоблюдения срока подачи документов для иностранцев, родившихся в России. По выданному на пять лет водворительному листу жил до объявления войны четыре года и два месяца, а с началом войны был «взят в плен с завода в Петроградской губернии»⁸.

Революционные события 1917 года привнесли значительные изменения в паспортную систему. В это время для посещений Петрограда и Москвы стали необходимы специальные удостоверения, разрешающие проезд в эти города. В 1917 году Пермскому губернскому комиссару различные органи-

От имени родителей юношей и девушек, получивших первый паспорт, выступает тов. Иванов, 1956 г. Фото из фондов Музея истории пермской милиции

ции и отдельные граждане подавали прошения о выдаче паспортов для отъезда с различными целями — служебные командировки, посещение больных родственников, для продолжения учебы, для участия в различных общественных мероприятиях и другие. Большая часть граждан направлялась в Петроград, достаточно много людей ехали в Москву, несколько человек в Харбин, Юрьев, Ригу и другие города. Так, гласному Пермской городской Думы были выданы документы для участия во Всероссийском демократическом совещании, а члену районного бюро рабочих и солдатских депутатов Чусовского района Николаю Георгиевичу Шалаеву для участия во Всероссийском съезде Советов⁹.

В 1917–1918 годах при выдаче паспортов иностранным гражданам органы власти взаимодействовали и по телеграфу. Так, 31 августа 1917 года в Канцелярию Пермского губернского комиссара была послана телеграмма: «Отдел генерал квартирмейстера Петроград. Ходатайствуют выдаче заграничных паспортов целях ускорения отступлением правил для проезда Сан-Франциско поступления добровольцами войска великобританский подданный Эрнест Карлайль американские гражда-

не Фред Дрэпер и Моро Ригмон Гульль в сопровождении жены Этто Гульль детей Франклина Маргариты точка. Прошу сообщить нет ли препятствий выезду за границу названных иностранцев. Гуком Турчевич». Ответ был отправлен из Перми 12 сентября 1917 года: «Препятствий нет. Гиссер»¹⁰.

В 1917–1919 годах для иностранных граждан часто использовались старые паспортные бланки, которые просто исправлялись от руки, так вместо «губернатора» получался «губернский комиссар временного правительства», вместо «Российской империи» — Россия. Хотя использовались и новые бланки, но их, видимо, было недостаточно. В январе 1918 года появились бланки паспортов на жительство и переезды в России сроком на один год от Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов¹¹. В эти годы в Перми паспорта выдавались китайцам, корейцам, японцам, иранцам, французам, бельгийцам, сербам, швейцарцам, итальянцам, полякам. Свидетельства на право проживания (вид на жительство только в пределах города) были выданы Управлением Пермской городской милиции нескольким корейцам, китаюцу и турку. Предварительно сотрудни-

ки городской милиции проводили «негласное дознание», беседуя с лицами, которые были знакомы с этими иностранцами¹².

Согласно декрету СНК РСФСР от 5 октября 1918 года «О Трудовых книжках для нетрудящихся» удостоверением личности гражданина РСФСР становились трудовые книжки, которые с июня 1919 года стали обязательными. Выдача трудовых книжек, справок, свидетельств и других документов в соответствии с Инструкцией НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 года «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» возлагалась на ее сотрудников, а общее руководство этой работой осуществляли подотделы отделов управлений исполкомов.

1 ноября 1920 года вышла «Инструкция о порядке выдачи паспортов и временных свидетельств»¹³, по которой право выдачи паспортов и временных свидетельств возлагалось на уездно-городские и уездные управления милиции. Виды на жительство, выданные другими учреждениями, считались недействительными и подлежали замене на паспорта. Все учреждения, которые выдавали паспорта до выхода постановления, должны были передать все делопроизводство и неиспользованные бланки Управлению милиции по месту нахождения учреждения. Но в дополнение к «Инструкции» всем начальникам милиции в 1921 году был разослан циркуляр, по которому выдача паспортов, временных свидетельств возлагалась также и на волостные исполкомы. Волостные исполкомы обязаны были ежемесячно представлять подробные доклады о выдаче паспортов и временных заявлений с точным указанием лиц, кому выданы паспорта, и документов, на основании чего выданы. В циркуляре разъяснялось, что в случае отсутствия бумаги разрешалось временно заменять выдачу новых паспортов и временных свидетельств перерегистрацией за истечением сроков паспортов и временных свидетельств¹⁴.

В организациях и учреждениях составлялись коллективные заявления рабочих и служащих на

получение новых паспортов. Так, Пермской городской электрической станцией были представлены заявления в виде заполненной по форме таблицы. А в органах милиции по доверенности готовые паспорта получила делопроизводитель станции¹⁵. Паспорта готовились достаточно долго, иногда до нескольких месяцев. 27 февраля 1923 года начальнику Пермской городской милиции было отправлено прошение директора-распорядителя Правления «Электросила» о «самом спешном порядке возврата все исполненные паспорта с подлинными документами, представленные при отношениях». Работникам учреждения были необходимы документы в связи с переучетом всех военнообязанных губвоенкоматом. И директор отмечает, что необходимо «указать, каким путем рабочие и служащие, занятые на производстве, должны получать паспорта, не теряя времени на стояние по неделям в очередях»¹⁶.

Важным этапом в истории паспорта стало начало 1930-х годов. 27 декабря 1932 года вышло Постановление ЦИК и СНК №57/1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». Все граждане СССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте, в совхозах и на новостройках, были обязаны иметь паспорта. В прессе гражданам разъяснялось, что паспортная система проводится «в целях наилучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях и незанятых общественно полезным трудом, а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов»¹⁷.

Введение паспортной системы и прописки стали проявлением несвободы советских граждан. Проживание в местности, где вводилась паспортная система, без паспорта, с просроченным паспортом, без прописки, а также прием на работу без паспорта влекли за

собой ответственность вплоть до уголовной. Кроме этого, паспортная система была призвана препятствовать массовому наплыву голодающих крестьян в города, хотя в целом законодательство 1930-х годов не предусматривало ограничений для сельских жителей в части получения паспортов, что подтверждается статистическими данными о резком росте городского населения.

Паспортный режим находился в центре репрессивной системы, поскольку позволял закреплять людей в определенных категориях. Чистки, депортации и ссылки сопровождался беспорядочным ростом числа категорий граждан, прикрепленных к режимным или «вторичным» (то есть паспортизированным, но не режимным) зонам. Таким образом, внутренний паспорт был задуман, прежде всего, скорее как инструмент чистки, нежели как средство замораживания мобильности населения¹⁸.

В паспортизированных местностях паспорт являлся единственным документом, удостоверяющим личность владельца. Вводилась обязательная прописка паспортов в органах милиции не позднее 24 часов по прибытии на новое место жительства. Обязательной стала и выписка — для всех, кто выбывал за пределы данного населенного пункта совсем или на срок более двух месяцев; для всех, покидающих прежнее место жительства, обменивающихся паспорта; заключенных, арестованных, содержащихся под стражей более двух месяцев. Помимо кратких сведений о владельце (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, национальность), в паспорте указывались: социальное положение, постоянное место жительства и место работы, прохождение обязательной военной службы и перечень документов, на основании которых выдавался паспорт. Предприятия и учреждения должны были требовать от принимаемых на работу паспорта (или временные удостоверения), отмечая в них дату зачисления в штат.

Одновременно создается Главное управление рабоче-крестьян-

Группа молодежи, получившая паспорта в 5-м отделении милиции г. Молотова 5 марта 1956 г. Фото из фондов Музея истории пермской милиции

ской милиции при ОГПУ СССР, на которое, помимо других функций, были возложены введение в стране единой паспортной системы и прописка паспортов. В областных и городских управлениях РК милиции начинают работу паспортные отделы, а в отделениях милиции — паспортные столы. Ответственность за проведение в жизнь паспортной системы и за состояние паспортной работы несли начальники городских и районных управлений милиции. При районных и городских Советах для надзора за соблюдением законности при выдаче паспортов были созданы специальные комиссии, которые рассматривали жалобы граждан на неправильные действия должностных лиц. Остро встал вопрос о комплектовании новых структур квалифицированными кадрами¹⁹.

Постановлением СНК СССР №861 от 28 апреля 1933 года «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР»²⁰ к режимным городам была отнесена и Пермь (а также город Мотовилиха). Здесь запрещалось выдавать паспорта лицам, не занятым общественно полезным трудом на производстве, в учреждениях и школах (за исключением инвалидов и пенсионеров), убежавшим из деревень кулакам и раскулаченным, перебежчикам

из-за границы, «лишенцам», членам семей этих групп граждан. Вновь прибывающим в режимные местности следовало для прописки, кроме паспорта, представлять справку о наличии жилплощади и документы, подтверждающие цель приезда. Если размер площади, на которую собирался прописаться приезжающий, был меньше установленной санитарной нормы, то в прописке ему отказывали.

Пермская окружная газета «Звезда» освещала процесс выдачи паспортов. Весной 1933 года появилась серия публикаций, посвященных паспортным нововведениям. В статье «Как будут выдаваться паспорта» газета сообщала о порядке выдачи паспортов в Перми: «Выдача паспортов начнется в ближайшее время. В первую очередь паспорта будут выдаваться рабочим и служащим предприятий, организаций и учреждений, во вторую очередь — членам семей рабочих и служащих и неорганизованному населению»²¹.

12 мая 1933 года на первой полосе газеты вышла большая статья «Четко проведем паспортизацию»²². Постановлениями Уралоблисполкома от 7 мая 1933 года и Пермского городского Совета от 9 мая 1933 года выдача паспортов в Перми и прилегающих к городу поселках устанавливалась в сроки с 15 мая по 15 августа. Введение

паспортной системы объявлялось «крупным политическим мероприятием», которое должно было выявить «притаившегося кулака, вора, спекулянта, жулика». Отмечалось, что органы РК милиции с этой ответственной и трудной задачей смогут справиться только при широкой помощи всей партийной, советской, комсомольской и профсоюзной общественности²³.

Для получения паспорта были необходимы следующие документы: 1) справка домоуправления, 2) справка с места работы, службы или из учебного заведения, 3) любой документ, удостоверяющий место и время рождения, 4) учетно-воинский билет для всех лиц, обязанных иметь таковой по закону об обязательной военной службе. Бланки справок типа 1 и 2 выдавались в РК милицией бесплатно. После выдачи паспортов началась плановая прописка населения.

Первыми паспорта вручались ударникам. Эти события ярко освещались в местной прессе. Опорно-показательный пункт города по выдаче паспортов, располагавшийся в Педагогическом институте, открылся 21 мая. На входной двери на красном полотне красовалась надпись — «Пункт №14 по выдаче паспортов». Первыми паспорта получали лучшие ударники типографии №1. В приемной был устроен красный уголок, где ожидающие могли почитать газеты и брошюры. На стене висел плакат со словами В.И. Ленина и другие лозунги, например: «Мобилизуем пролетарскую общественность на лучшее проведение паспортной системы, очистим города и пролетарские центры от классово-паразитических элементов». При выдаче паспортов присутствовали: начальник пункта, представитель милиции, секретарь партийной ячейки, председатель завкома, член группы содействия по паспортизации. Первой у начальника пункта получила паспорт работница-ударница фальцовщица Анна Игнатьевна Жукова. Всего за первые три часа паспорта получили 25 человек²⁴.

Появилась и заметка о выдаче паспортов ударникам цеха №3 завода им. Ф.Э. Дзержинского, здесь

же были освещены и проблемы в организации выдачи паспортов. Критика начальника пункта была направлена на партийную ячейку: «*есть такие разговорчики, что дело секретаря партячейки заниматься чистой партией, а не паспортизацией, — это, дескать, дело профессиональных организаций. Массовая работа широко не развернута, а поэтому встречаются еще рабочие, которые не знают, какие же документы они должны иметь с собой для получения паспорта, что затрудняет работу комиссии. Заводоуправление выделило для работы по паспортизации любых технических работников. «Дайте таких только, чтобы писать умели», — такова директива некоторых хозяйственников завода. А начсектора найма Красноперов заявил: «Кого дадим, того и ладно». Партийная ячейка выделила в комиссию сперва коммуниста Шестерова, потом Воробьева, но ни один из них не соблаговолил прийти работать с комиссией. Лозунгов, плакатов, разъясняющих суть паспортизации, в цехах очень мало. В цехе №4 цехкомитет не желал даже помочь оборудовать временный красный уголок в паспортном пункте, а само помещение для пункта было отведено только после жарких дебатов с администрацией цеха»²⁵.*

О трудностях проведения паспортизации свидетельствовало появление статьи «Против малейшей недооценки паспортизации». Из 34 паспортных пунктов, намеченных к открытию в Перми и рабочих поселках, к 15 мая начали работу только 15. Одной из причин указывалось «*оппортунистическое*» поведение руководителей организаций и учреждений. Так, замдиректора завода им. Ф.Э. Дзержинского на обращение помощника начальника паспортного пункта №5 тов. Боброва о предоставлении помещения ответил: «*Раз вы (милиция) заинтересованы в проведении паспортизации, то идите в химинститут, там комнат много, и проводите паспортизацию, а я отвечаю не за паспорта, а за программу завода, кто бы на нем не работал*». Ряд руководителей предприятий отказывались прини-

мать какое-либо участие в оборудовании паспортного пункта для обслуживания рабочих и служащих»²⁶.

В процессе выдачи паспортов и прописки граждан взаимодействовали несколько структур: паспортный отдел межрайонного сектора РК милиции, Пермский городской отдел коммунального хозяйства, предприятия и учреждения, жакты, домоуправления, коменданты домов, общежитий и барачков. На время выдачи паспортов в Перми были запрещены обмен жилья и сдача в аренду жилплощади. А жилплощадь граждан, которым было отказано в получении паспорта и вынесено постановление о выезде из Перми в десятидневный срок, передавалась в городской Совет для распределения среди нуждающихся²⁷.

В «Звезде» публиковалась информация о размещении пунктов по выдаче паспортов рабочим и служащим города Перми и рабочих поселков. Пункты располагались в техникумах, институтах, цехах и клубах заводов: железнодорожном техникуме, земтехникуме, школе №28, мединституте, пединституте, на заводах им. Ф.Э. Дзержинского и «Коммунар», в клубе «Красный Октябрь», клубе водников, горсовете.

Всего за время проведения паспортизации в мае-августе 1933 года в Перми был выдан 114 591 паспорт, а 5016 лицам в выдаче паспортов было отказано. После 15 августа началась проверка прописки. Из города выехали 12 152 человека, которые не могли получить паспорта. 2951 человек, которым было отказано в получении паспорта, сразу уехали из Перми, а 396 — были выселены органами милиции. В ходе паспортизации органами милиции проводилась большая работа. На предприятиях, в учреждениях, жактах было проведено 535 собраний и бесед, проинформированы были 94 136 человек, было выпущено 52 стенгазеты, 13 многотиражек, посвященных паспортизации. В помощь паспортным пунктам было организовано 326 комиссий содействия паспортизации. Но выявлялись лица, которые получили паспорт, но права на это не

имели, к 18 августа было отобрано 60 таких паспортов. Пермских горожан призывали «*не ослаблять свою классовую бдительность, добиваясь того, чтобы ни один классовый враг, преступник, кулак и т.д. не остался в городе или не пролез вновь на его территорию*»²⁸.

13 августа 1933 года ОГПУ СССР издало циркуляр №96 «О порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения». Предусмотренные циркуляром меры распространялись на лиц: а) отказавшихся добровольно выехать из местности, проживание в которой им запрещено в связи с отказом в выдаче паспорта; б) возвратившихся после отказа в местность, в которой им было запрещено проживать; в) прибывших на жительство в режимные местности после отказа в выдаче паспорта, если им было отказано в прописке или сделано предупреждение о запрещении проживания в режимной местности. Для проведения внесудебных репрессий предписывалось организовать при полномочных представителях ОГПУ специальные тройки в составе председателя — помощника ПП по милиции и членов — начальников паспортного и оперативного отделов ПП ОГПУ с участием прокурора. Тройкам надлежало рассматривать дела по спискам, представленным милицией. Предусматривались меры репрессий вплоть до направления в спецпоселки и лагеря на срок до трех лет. Семейных, отбывших срок лишения свободы, ссылку или высылку, следовало направлять с иждивенцами в трудпоселки на срок до трех лет»²⁹.

Циркуляром главного управления рабоче-крестьянской милиции от 25 апреля 1935 года начальникам УНКВД и Управлений милиции разрешалось «*выселять из режимной местности лишенцев и лиц, не занятых общественно полезным трудом, хотя бы они и являлись местными уроженцами... при наличии компрометирующих данных, свидетельствующих о социальной опасности в данное время (антисоветская или антиобщественная деятельность или подозрительное по-*

Вручение первого паспорта, конец 1950-х годов. Фото из фондов Музея истории пермской милиции

веде), того или иного лица...». В приказе НКВД СССР №0138 от 23 октября 1935 года указывалось, что при освобождении из лагерей и других мест заключения, расположенных в режимных местностях, паспорта не прописываются, от лиц, получивших паспорта, отбирается прописка о выезде из режимной местности»³⁰.

Отметка в паспорте при вступлении в брак и при разводе, которая производилась органами ЗАГС, появляется в советских паспортах после 1936 года в качестве одной из мер борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям³¹. Проблема использования фальшивых паспортов и чужих документов всегда была актуальной. Для ее решения с октября 1937 года в паспортах появились фотографические карточки, а при заполнении бланков паспор-

тов использовались спецчернила и спецмастика для печатей, штампы по креплению фотокарточек.

Согласно Положению о паспортах, утвержденному СНК СССР 10 сентября 1940 года, паспорта выдавались во всех городах и поселках городского типа, но не в сельской местности. Таким образом паспортный режим ограничивал свободу миллионов крестьян. Паспортные данные о национальности использовались при депортации целых народов и других карательных акций. Не имели паспортов и свободы передвижения множество репрессированных³².

Великая Отечественная война значительно усложнила работу паспортных служб и сделала ее масштабней и значимей. В силу военного времени, быстрой эвакуации, бомбежек и других причин многие граждане лишились документов.

Все, кто оказывался в тылу без паспортов, подробно допрашивались об обстоятельствах утраты документов, устанавливалось место их получения, и посылался запрос с фотокарточкой заявителя. Выдача паспорта разрешалась только после ответа, который подтверждал выдачу паспорта и соответствие фотокарточки. Важнейшее значение в годы войны приобрела проблема розыска детей, потерявших связь с родителями. 23 января 1942 года СНК СССР издал постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в соответствии с которым при ГУМ НКВД СССР был образован Центральный детский адресный стол с подразделениями на местах. Всего за годы войны были разысканы более двадцати тысяч детей.

В послевоенные годы паспортная работа по-прежнему проводилась в широких масштабах. Правовой основой по учету послевоенного населения послужило Постановление СНК СССР от 4 октября 1945 года «О паспортизации населения», целью которого являлось определение общей численности его по всей территории страны, установление соотношения сельского и городского населения. В 1952 году были организованы паспортно-регистрационные отделы, которые наряду с другими функциями занимались выдачей и обменом паспортов, выявлением и удалением из местности с особым паспортным режимом лиц, подпадающих под паспортные ограничения, выдачей гражданам пропусков на въезд в запретную пограничную зону, регистрацией актов гражданского состояния. А Положение о паспортах 21 октября 1953 года устанавливало единый для СССР образец паспорта с текстом на русском языке и языке соответствующей союзной или автономной республики: бессрочные, десятилетние, пятилетние и краткосрочные³³.

В 1955 году начали выдавать паспорта спецпоселенцам. С февраля 1958 года началась постепенная неофициальная паспортизация крестьян-колхозников. Колхозники начали получать паспорта лишь в конце 1950-х годов, а завершился этот процесс только в 1970-е годы.

Тогда же ушли в прошлое и паспорта, чьи буквенно-цифровые коды означали, что человек сидел в лагерях, был в плену или в оккупации. В середине 1970-х годов произошло полное уравнение в паспортных правах всех жителей страны³⁴. Новое положение о паспортной системе от 28 августа 1974 года установило единые правила для всех граждан СССР. Действие нового паспорта не ограничивалось каким-либо сроком, поэтому предусматривалась последовательная вклейка трех фотокарточек: при получении паспорта (в 16 лет), в 25 и в 45 лет. Сведения о социальном положении, о приеме на работу и увольнении из паспорта были исключены. В течение шести лет — с 1975 по 1981 год предстояло заменить и выдать паспорта миллионам советских граждан.

В целях создания необходимых условий для обеспечения конституционных прав и свобод граждан с 1997 по 2003 год проводился всеобщий обмен советских паспортов образца 1974 года на новые российские паспорта, из которых исчезла графа «национальность» и появилась графа «пол». В первоочередном порядке паспорта выдавались гражданам, достигшим 14–16-летнего воз-

раста и военнослужащим. Тем не менее, по данным УФМС России по Пермскому краю, в 2011 году насчитывалось 974 человека, зарегистрированных по паспорту гражданина СССР образца 1974 года, в основном отказывающихся от обмена паспортов по религиозным убеждениям.

Приказом МВД России от 7 октября 2003 года №776 Паспортно-визовое управление МВД России было преобразовано в Главное паспортно-визовое управление МВД России, а Центр паспортно-визовой информации в Центр паспортно-визовых информационных ресурсов МВД России, Центр обращений граждан по паспортно-визовым вопросам МВД России и Центр оформления приглашений иностранным гражданам МВД России. В 2004 году была образована Федеральная миграционная служба России, которой были переданы правоприменительные функции, функции по контролю и надзору, по оказанию государственных услуг в сфере миграции МВД России.

Сегодня паспорт — это основной документ, удостоверяющий личность гражданина на территории Российской Федерации. Он выдается территориальными

органами ФМС по месту жительства. Паспорт является обязательным документом для всех граждан РФ с 14-летнего возраста, а по достижении гражданином 20 и 45 лет паспорт подлежит обмену³⁵. В Пермском крае в 2011 году было выдано 139 855 паспортов гражданина РФ, в том числе 26 069 паспортов 14-летним гражданам, получающим их впервые. В 2011 году состоялось 637 торжественных мероприятий по вручению первого документа юным жителям края. В процессе выдачи паспортов начинают применяться новые информационные технологии. С 1 апреля 2010 года ведется прием заявлений о выдаче заграничного паспорта через Единый портал государственных и муниципальных услуг.

История паспорта охватывает более трех столетий, и в разные эпохи он имел разные значения: фискальное, учетное, репрессивное, борьбы с преступностью, регулирования миграций. Но представить современное государство без паспорта уже практически невозможно.

Юлия КАШАЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного
управления и истории ПНИПУ,
хранитель Пермского
краеведческого музея.

¹ Инструкция полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленным для сыска беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и для искоренения воров и разбойников и пристанодержателей при них// Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V. 1713–1719. — СПб, 1830. — С. 775.
² Плакат. О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых// Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том VII. 1723–1727. — СПб, 1830. — С. 315–316.
³ Пермские губернские ведомости. 23 декабря 1850 г., №52.
⁴ Положение о видах на жительство с включением остальных действующих паспортных узаконений и правительственных разъяснений/ Сост. М.И. Мышь. — СПб, 1900.
⁵ Пермские губернские ведомости. 2 декабря 1850 г., №48.
⁶ Паспортные неурядицы// Пермские губернские ведомости. 13 января 1904 г., №9.
⁷ Прописка паспортов// Пермские губернские ведомости. 14 июля 1906 г., №152.
⁸ ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 272.
⁹ ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 273.
¹⁰ ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 273. Л. 81, 95.
¹¹ ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 273.
¹² ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 273.

¹³ ГАПК. Ф. р-78. Оп. 1. Д.171. Л. 1.
¹⁴ ГАПК. Ф. р-60. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.
¹⁵ ГАПК. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 22. Т. 2. Л. 174.
¹⁶ ГАПК. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 22. Т. 1. Л. 103.
¹⁷ Звезда. 12 мая 1933 г., №102.
¹⁸ Натали Муан. Паспортная система и выбор места жительства в России и Советском Союзе // Неприкосновенный запас. 2005. №4.
¹⁹ История создания/ ФМС России. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5/>
²⁰ Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 года №861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР»/ Источник: «СЗ СССР», 1933, №28, ст. 168, «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», №112, 29.04.1933// Консультант Плюс.
²¹ Звезда. 8 мая 1933 г., №99.
²² Звезда. 12 мая 1933 г., №102.
²³ Постановление №289 Уралоблисполкома от 7 мая 1933 г. «О введении паспортной системы на территории городов — Свердловска, Перми, Молотово и Челябинска»; Постановление Пермского городского Совета от 9 мая 1933 г. «О введении единой паспортной системы и обязательной прописки паспортов в городе Перми, рабочих поселках, входящих в черту города, в совхозах и населенных пунктах, где расположены машинотракторные станции»// Звезда. 12 мая 1933 г., №102.

²⁴ Звезда. 22 мая 1933 г., №110.
²⁵ Звезда. 25 мая 1933 г., №113.
²⁶ Звезда. 17 мая 1933 г., №106.
²⁷ ГАПК. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 932. Л. 16.
²⁸ Звезда. 18 августа 1933 г., №179.
²⁹ Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. — С. 477–478.
³⁰ Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. — С. 478.
³¹ Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.
³² Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. — С. 478.
³³ История создания/ ФМС России. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/5/>
³⁴ Там же.
³⁵ Положение о паспорте гражданина Российской Федерации/ Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. №828 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 25.09.1999 №1091, от 05.01.2001 №7, от 22.01.2002 №32, от 02.07.2003 №392, от 20.12.2006 №779, от 28.03.2008 №220, от 12.08.2010 №612)// УФМС по Пермскому краю [Электронный ресурс] — URL: <http://www.permufms.ru/rzdel/3/52/1/56/>

СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ — ВЕРЕЩАГИНО

Каждый город или поселок имеет свое начало. Какие-то возникли на месте острожков, укрепленных пунктов на расширяющихся границах Русского государства, какие-то берут свое начало от старых медеплавильных и железоделательных заводов, перевалочных пристаней на больших реках или мест проведения ярмарок. А со второй половины XIX века множество больших и малых населенных пунктов стали возникать на пустынных доселе местах вдоль интенсивно строящихся железнодорожных магистралей. Именно железная дорога 120 лет назад дала жизнь небольшому городку на самом западе Пермского края — Верещагино.

Торжественное открытие камского моста.
Фото из фондов ПКМ

ВРЕМЯ И МЕСТО

В 1894 году Министерство путей сообщения Российской империи принимает решение о строительстве Пермь-Котласской железной дороги. Эта магистраль должна была связать через построенную пятнадцатью годами ранее (1878 год) Горнозаводскую железную дорогу (Пермь — Нижний Тагил — Екатеринбург) Урал и Сибирь с центральными районами страны.

По первоначальному проекту была предусмотрена трасса, состоящая из девяти станций (дистанций): Пермь — Шабуничи — Нытва — Очер — Кленовка — Дебесы — Балезино — Глазов — Вятка — Котлас. Управление второй дистанции планировалось расположить в Очере, где намечалось построить крупную станцию, вокзал и депо. Но на последних (от Вятки) двухстах верстах проект был вдруг радикально изменен. Среди местных жителей существуют две версии-легенды, связанные с этим событием.

Суть первой заключается в том, что руководство Очерского завода, принадлежащего графам Строгановым, было категорически не заинтересовано в прокладке железной дороги и отказало проектировщикам и строителям в предоставлении им казенных квартир. И якобы из-за этого было решено перенести магистраль на север от Очера. Маловероятно, что самодурство нескольких местных чиновников могло повлиять на решение, принимаемое на «самом верху» существовавшей тогда «вертикали власти».

Вторая версия более экзотическая и больше похожа на местную байку. Будто бы «причиной этому явился скандал в доме члена правления завода А.Я. Власова. 21 ноября 1894 года (по старому стилю), отмечая церковный праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, подвыпившие инженеры-проектировщики Кузнецов и

Бах учинили там дебош. Управляющий заводом оскорбительные обругал их за это. Тогда обидевшиеся железнодорожники заявили, что очерцы будут ездить теперь за 25 верст «киселя хлебать» и не раз еще их вспомнят»¹. Отмеряли 25 верст на север и решили заложить здесь крупную станцию.

Действительно, если посмотреть на карту, кратчайший путь от Перми к Балезино проходит через Нытву, Очер и Дебесы. К тому же Нытвенский и Очерский заводы — старые горнозаводские центры. И сам Бог велел включить их в будущее железнодорожное сообщение. Однако сразу же после Шабуничей железная дорога круто поворачивает на север и, описывая большую дугу через малонаселенную местность, выходит на широту Очера только в районе станции Кез (приблизительно 160–170 верстах от Перми). Неужто царские инженеры так с перепою «накосячили»?

Самое правдоподобное объяснение этому проектному «казусу» дал, как мне кажется, директор музея Пермского отделения дороги Г.А. Литовченко. Крюк в несколько десятков верст получился при уточнении проекта. Именно по современной линии трассы проходит водораздел рек Обвы, Нытвы и Очера. Хотя, как показала дальнейшая практика, сэкономив на строительстве мостов, огромные деньги пришлось потратить на выемки грунта на гребнях того самого водораздела. «При руководя-

щем подъеме 8 тысячных дорогу пришлось поднять на Григорьевском перевале на 150 метров. На территории Вознесенской волости нужно было преодолеть немалые Кукетский и Зюкайский перевалы. Все это привело к дополнительным затратам казенных средств»². А на некоторых перегонах западнее и восточнее Верещагино железнодорожное полотно приходилось подсыпать и перекаладывать вплоть до середины 1930-х годов.

Итак, контуры будущей магистрали были определены. Но почему станцию заложили именно на этом, как мы увидим позднее, не самом подходящем месте? Объяснение нужно искать в технических параметрах паровозов тех лет. Максимальный пробег локомотива без дополнительного технического обслуживания составлял не более 100–120 верст (так называемое тяговое плечо). Далее происходила смена локомотивной бригады, то есть к составу подцепляли новый паровоз. Именно на таком расстоянии и была заложена первая от Перми крупная станция с паровозным депо, положившая начало будущему городу Верещагино. Исходя из этого же принципа, в 110 верстах западнее, тоже на пустом месте, была заложена станция Балезино, через шесть десятилетий отобравшая у Верещагино первенство.

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

Новая станция возникла не совсем на пустом месте. «В районе стройки... находилась безлесная болотистая возвышенность между соседствующими деревнями Верхнее и Нижнее Губаново. Чуть в стороне, у западного ее склона, была деревушка — Сергеевка. Рабочие называли эту возвышенность Лысая Гора»³. Название любопытное. В славянской мифологии этим термином обозначали место сбора всяческой нечистой силы, в этом же контексте употребляется он и в классической литературе (Гоголь, братья Стругацкие). А Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» сделал Лысую Гору местом казни Иешуа. Конечно, никакой мистики

Строительство Транссиба

в данном случае мы искать не будем. Но некую «неудачливость» на дальнейшую судьбу города это название все же, видимо, наложило.

Честно говоря, в количестве названий станции мне так до конца разобраться не удалось. Разные авторы приводят их от 3 до 6. Вслед за Лысой Горой станцию стали называть Александровская, по имени первого и единственного в истории города православного храма Александра Невского (по другой версии, так назывался только пристанционный поселок). Потом появилось название Очерская, по первоначальному проекту прокладки линии. Вскоре по названию волостного центра села Вознесенск, расположенного в 10 верстах к северу, станцию переименовали в Вознесенскую⁴. Где-то в промежутке очень недолгое время станция называлась Губаново, опять же по названию одной из ближайших деревень. В апреле 1915 года за станцией окончательно утвердилось название Верещагино. Связано оно с именем выдающегося русского художника-баталиста В.В. Верещагина, остановившегося здесь на несколько дней из-за поломки его служебного вагона по пути на фронт русско-японской войны в феврале 1904 года. Через два месяца 13 апреля 1904 года Верещагин погиб на борту броненосца

«Петропавловск», подорвавшегося у берегов Порт-Артура на японской mine. В десятую годовщину гибели великого баталиста железнодорожники станции Вознесенская обратились за Высочайшим разрешением именовать ее Верещагино. Такое последовало через год, 30 апреля 1915 года⁵.

Правда, в 1920-е годы, следуя неумному зуду большевиков переименовывать все и вся, к названию Верещагино пытались прицепить приставку Красное (как вариант Красно-Верещагино), оно, к счастью, не прижилось. Но мне все же доводилось держать в руках географическую карту, где название Красно-Верещагино присутствовало⁶.

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ...

Но вернемся в последнюю пятилетку XIX века. На строительство Пермь-Котласской железной дороги люди съезжались со всей империи. Ехали не только инженеры и техники, но и огромное количество чернорабочих, в основном из числа крестьян-отходников Вятской, Казанской, Калужской, Тамбовской губерний. Были среди них и пролетарии. Так, мой прадед по материнской линии — выходец из тамбовских люмпенов-железнодорожников. Сначала приехал сам,

Коллектив Верещагинского паровозного депо, снимок 1920 года. Фото из фондов ПКМ

а потом, соблазнив хорошими заработками, перетачил сюда своих братьев и неженатых родственников из Тамбова и Моршанска. Работали на строительстве и местные крестьяне. Родитель моей прабабушки из соседней деревни Сергеевка имел на железной дороге большой подряд, возил на своих лошадях лес для шпал.

Вместе с железной дорогой строилось паровозное депо с поворотным кругом, здание вокзала. Движение паровозов невозможно без заправки их большим количеством воды. Вот тут-то и обозначилось главное слабое звено в выборе места под будущую станцию — отсутствие в обозримой округе естественных водоемов. До ближайшей реки Лысьвы было 10 верст, строить водовод такой протяженности было не под силу (а скорее не по карману) не только старорежимным специалистами, но и их социалистическим последователям. Отсутствие реки все последующие годы будет одним из главных препятствий для развития города и поставит крест на многих производственных проектах будущих лет.

Тем не менее, выход был найден, и весьма оригинальный. Примерно в версте к западу от станции в районе деревни Сергеевка был заложен большой пруд с водокачкой (через несколько лет Водокачка станет для местных жителей именем собственным, названием самого пруда). Особенность этого гидротехнического сооружения в том, что наполнялся пруд исключительно водой родников, очень обильных в этих местах. Общая площадь зеркала пруда около 6 гектаров, а глубина в то время доходила до 5–6 метров. Причем система водообмена была заложена настолько грамотно, что до конца 1980-х годов пруд не знал, что такое цветение воды, обмеление или зарастание водорослями, то есть бед, которым подвержены многие большие пруды на проточных реках. А летом, даже в самую сильную жару он почти не мелел.

От пруда до станции был проложен водопровод, по которому вода закачивалась в водонапорную башню (она до сих пор возвышается рядом со станцией), а от-

туда самотеком подавалась в депо и к гидравлическим колонкам для заправки паровозов, установленных прямо на путях. (Последнюю такую колонку снесли только в 1980-е годы.) Впоследствии, при расширении пристанционного поселка, улица, выросшая вдоль этого водовода, получила название Водопроводной.

В 1898 году было выстроено здание деревянного вокзала. К 1902 году закончено строительство паровозного депо. Вокруг них начал разрастаться поселок. Первые его улицы — Вокзальная, перпендикулярно железной дороге, и Торговая — параллельно. Естественно, ни о каком дорожном покрытии, уличном освещении и тротуарах речи тогда не шло. Поселок буквально утопал в грязи, впрочем, как и последующие семьдесят лет.

Первый поезд через станцию Очерская проследовал 1 января 1899 года. 27 января 1899 года был торжественно сдан в эксплуатацию Камский железнодорожный мост. Движение поездов по всей линии дороги было открыто 1 февраля 1899 года (товарное движение — 15 июня 1899 года, а пассажирское — 1 января 1900 года). 1 ноября 1899 года линия Пермь-

Котласской железной дороги присоединилась к Пермь-Тюменской, и открылось сквозное движение из Москвы и Санкт-Петербурга до Екатеринбурга и Тюмени.

Первые поезда шли от станции Очерская до Перми 6–8 часов (средняя скорость 15–20 верст в час), с остановкой на один час на обед. По свидетельству пермского летописца Г.Е. Каменского «В Пасху и Рождество поезд останавливался на станциях, где в это время шло богослужение. Машинист, кондуктор и пассажиры шли в церковь. Благословясь у местного попа, они продолжали свой путь». Но даже такие темпы казались по тем временам фантастическими, так как обычная поездка в Пермь гужевым способом занимала не менее двух дней.

Чем жил в эти годы сам пристанционный поселок? Можно смело утверждать, что вся его «культурная» составляющая ограничивалась общением в церкви Александра Невского, построенной недалеко от депо на средства прихожан и железной дороги в 1906 году. Чуть ранее, в 1902 году, тут же была открыта одноклассная школа, которая считается первым учебным заведением Верещагино. Ее двухэтажное деревянное здание сохранилось до наших дней. В 1950–1960 годы в нем

Бывшее здание станции юных техников. В начале XX века в этом здании размещалась первая на станции школа, позднее школа №87 («Скворечник»). Фото из фондов Верещагинского краеведческого музея.

Юлий Викентьевич Рудый (1887–1937), Почетный гражданин города Верещагино. Для верещагинцев он примерно такой же символ города, как В.Н. Татищев для пермяков. С 1908 года работал слесарем в паровозном депо станции Вознесенская. Занимался революционной деятельностью. По его инициативе на станции был открыт Народный дом, создана пожарная команда. Во время войны Рудый организовал сбор средств в помощь раненым солдатам. Председатель первого исполкома Верещагинского участка Пермской железной дороги, делегат Всероссийского съезда Советов, председатель Главного дорожного комитета Пермской железной дороги, Главный комиссар Пермской железной дороги. Член ВКП(б) с 1918 года. С 1920 по 1930 годы член коллегии Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) и начальник Центрального Управления железнодорожного транспорта. Пять лет был управляющим КВЖД. Возглавлял научно-технический совет НКПС, был заместителем наркома, редактором журнала «Железнодорожное депо», руководил отделом международных перевозок, был членом ВЦИК и ЦИК СССР нескольких созывов. Находясь на важнейших государственных постах, поддерживал постоянные связи с верещагинскими железнодорожниками и даже приглашал их в гости. В 1937 году расстрелян как «враг народа». В 1967 году улица Агрономическая в Верещагино была названа его именем.

находилась начальная школа №87, позднее — станция юных техников. А в народе она получила название «Скворечник». Кстати, вопрос о том, какой из верещагинских школ принадлежит первенство, — спорный. В 1999 году железнодорожная школа №121 отпраздновала свой 100-летний юбилей, то есть первая школа на станции появилась все же в 1899 году?

Тем временем поселок неспешно застраивался. В 1913 году было возведено новое каменное здание вокзала (его деревянный предшественник, построенный в 1898 году, сгорел во время пожара в 1912 году, по другим сведениям, это случилось в 1910-м). Безусловно, по тем временам новый вокзал выглядел впечатляюще. Одноэтажный, но в «два света», с просторным залом ожидания и большим количеством служебных помещений, он был, очевидно, лучшим на всем перегоне от Перми до Вятки.

Рядом с вокзалом с восточной стороны вдоль железнодорожной линии было выстроено несколько добротных типовых деревянных зданий. Большинство из них просуществовало до начала XXI века. А в 1950–1970-е годы здесь располагались железнодорожная больница, поликлиника, аптека,

линейный отдел милиции и еще какие-то железнодорожные службы. В линию с ними была высажена аллея тополей и кленов (наверное, первый опыт озеленения Верещагино). В народе ее так и прозвали — Аллейка. Частная застройка велась вдоль двух основных улиц — Вокзальной и Торговой. С западной стороны станции до революции находились в основном только склады топлива и товарная площадка. В 1913 году по губернской переписи на станции Верещагино значилось 347 домов и 1646 жителей.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ТИФ И ПОРТРЕТЫ ТРОЦКОГО КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ...

Революция и Гражданская война вовлекли в свой смертоносный круговорот и эту маленькую станцию. Дважды она оказывалась в эпицентре событий всероссийского масштаба. Сначала после так называемой Пермской катастрофы декабря 1918 года, затем летом 1919-го фронт дважды прокатился через Верещагино, увлекая за собой то в ту, то в другую сторону сотни мирных людей. И белые и красные объявляли здесь принудительные

мобилизации, забирали с собой специалистов-железнодорожников и их семьи. О значении станции для противоборствующих сторон говорит хотя бы тот факт, что зимой 1919 года здесь дислоцировался штаб 29-й дивизии 3-й армии красных⁷. В августе 1918 года в окрестностях Верещагино полыхало Сепычевское восстание, одно из самых массовых и кровавых на Западном Урале. Побывал здесь и «красный» карательный китайский батальон. Тем удивительнее, что на фасаде одного из производственных станционных корпусов выложена дата — 1918 год, то есть год сдачи его в эксплуатацию. Видимо, война войной, а паровозы были нужны всем: и белым, и красным...

18 февраля 1920 года был восстановлен и открыт для движения поездов железнодорожный мост через Каму. С этим событием напрямую связано, в конечном счете, и мое появление на свет. Мой дед Иван Сергеевич Стеценко, уроженец маленького украинского городка Богучара на самом юге Воронежской губернии, после ранения, полученного во время Брусиловского прорыва летом 1916 года, попал в госпиталь в Лодейное Поле (современная Ленинградская область). Здесь он, имея два класса церковноприходской школы, вы-

учился на помощника машиниста. В Гражданскую войну работал на Мурманской железной дороге. Летом 1919 года после взятия Перми красными был командирован на восстановление взорванного камского моста. Их паровозная бригада тогда базировалась в Верещагино. Тут-то он и познакомился с моей бабушкой Анной Михайловной.

Мирная жизнь на станции восстанавливалась с огромным трудом. Большинство оборудования депо и станции было либо вывезено, либо уничтожено противоборствующими сторонами. Многие специалисты бежали в Сибирь или были насильно увезены туда белыми. Паровозное хозяйство находилось в упадке.

Быстрому восстановлению паровозного и путевого хозяйства во многом способствовали коммунистические субботники, проводившиеся в 1920 году чуть ли не ежедневно, о них регулярно сообщала не только областная газета «Звезда», но и даже центральная «Правда»⁸.

Разруха усугублялась страшной эпидемией тифа. Точных статистических данных о ее масштабах нет. Вот цифры, которые приводит по Перми газета «Звезда»: «За три месяца (октябрь-декабрь 1920 года. — ред.) заболело тифом 28.114 человек, умерло — 2.888»⁹. Моя бабушка, Анна Михайловна, занесенная в Верещагино перипетиями того бурного времени из Мотовилихи, в 1918–1919 годах работала санитаркой в тифозном бараке. От тифа умер ее первый муж. А вот она, ежедневно общаясь с больными, даже не заболела.

В 1921 году на Прикамье обрушился жестокий голод. Краевед Е.М. Чазов впоследствии вспоминал: «Верещагинские железнодорожники получили по карточкам 8 фунтов (3200 граммов) муки в месяц. Люди вынуждены были добавлять в нее кукурузу (головки от льняных семян после их обмола), а также лебеду и лопухи, чтобы из этого суррогата испечь лепешки.

Управление дороги делало все, чтобы облегчить страдания своих

Китайский карательный батальон. Предположительно, снимок сделан на станции Верещагино летом 1918 года. Фото из фондов ПКМ.

рабочих. Железнодорожники получали также в месяц по 200 граммов сахара и немного кофе. Было принято решение увеличить зону провоза по «провизионке» (бесплатный годовой билет, выдаваемый транспортникам) до пределов Яр — Усольская — Билимбай вместо прежней Кез — Чусовская. Люди ездили на станцию Усольская (Соликамск), чтобы купить там соль-каменку, которую дома толкли и затем обменивали в деревнях на хлеб. На крупных станциях, в том числе и в Верещагино, для проезжающих были организованы бесплатные пункты питания, где по предъявлению командировочного удостоверения в буфете вокзала можно было получить суп и кашу»¹⁰.

Боролась с голодом порой и весьма экзотическими способами. 21 сентября 1921 года областная газета «Звезда» сообщила: «Пермское отделение государственного издательства выпустило художественные портреты т.т. Ленина и Троцкого, исполненные на отличной бумаге, литографским способом, впервые местной литографией. Портреты поступили в продажу по цене 2000 р. за штуку. Выручаемая от продажи сумма поступает в фонд голодающих». Интересно, каким спросом пользовалась эта продукция?

Борьба с голодом и экономическим хаосом того времени ознаменовалась не только коммунистическими субботниками. Каждый в меру своих возможностей занимался и «самоснабжением», часто доведенные до отчаяния рядовые обыватели тащили из «закромов государства» все, что можно было съесть или обменять на еду. Относилось это в полной мере и к железнодорожникам. 17 января 1922 года та же «Звезда» сообщила: «...Всего на всех станциях Пермской железной дороги расхищено за 1921 год 43.864 пуда (грузов. — ред.), что составляет 13% всех отправок... полная месячная норма Пермской дороги...». За 1922 год «по Пермской железной дороге расхищено 34.361 пуд грузов. На Пермский железнодорожный узел из этого количества падает 8.716 пудов...»¹¹.

Присутствовал в этот период и вполне положительный опыт продовольственного «самоснабжения». В 1920 году верещагинские железнодорожники создают сельскохозяйственную коммуны «Смычка» (популярный в то время термин, означающий смычку города и деревни) для обеспечения сельхозпродукцией своих работников. Коммуне было выделено 80 десятин земли, 6 лошадей и зерносушилка.

АМЕРИКАНЦЫ В ВЕРЕЩАГИНО

В 1922 году Верещагино вновь попало на страницы не только губернской, но и центральной прессы. 1 июля на станцию прибыл отряд американских фермеров-добровольцев, охваченных сознательным порывом помочь молодой Советской Республике. Они привезли с собой новейшие по тем временам тракторы, семена для посева, запасы продовольствия. Цель — создание сельскохозяйственной коммуны на основе самой передовой технологии.

И вот здесь, что называется, «началось в колхозе утро». Уже осенью в статье, опубликованной в «Правде», руководитель отряда коммунист тов. Вэр сдержанно рассказывал: «Вопреки нашим протестам, нам отвели Тойкинский совхоз, в 72 верстах от железной дороги. Дороги были типичными деревенскими русскими дорогами; мосты не были достаточно прочны, чтобы выдержать наши тракторы, и их пришлось перестроить... Тракторы были выгружены 10 июля. Пять дней мы ждали топлива, а пока устраивали в Верещагино собрания...». Митинги и собрания действительно проходили чуть ли не каждый день. Об этом регулярно и с восторгом писала губернская «Звезда». «Из Верещагино уехали 15 июля... В совхоз мы прибыли 17 июля. Один плуг был

пущен 19 июля. Тогда мы имели топлива, достаточного лишь для семи тракторов на несколько дней работы. 3 августа нам доставили топливо лишь для одной смены; и мы оставили план работы на 2 смены рабочих»¹². В общем, очень скоро американцам стало понятно, что ничего путного из их затей не выйдет. И они потихоньку стали оттягиваться на Родину...

А ЖИЗНЬ-ТО НАЛАЖИВАЕТСЯ

С введением в Советской России новой экономической политики — НЭП в 1921 году начинает постепенно налаживаться и жизнь станции. На железной дороге, как и в экономике страны в целом, начинают вводиться элементы хозрасчета, устраняется уравниловка в оплате труда, главный упор теперь делается не на «революционный энтузиазм трудящихся масс», а на материальную заинтересованность. В 1925 году верещагинское депо принимает новые локомотивы серии «Э», которые на сложном профиле дороги могли вести составы до 1200 тонн со средней скоростью 15 км/ч (старые паровозы серии «О» только до 500 тонн при скорости 10 км/ч).

Справка: Паровозы этой серии выпускались с 1912 по 1957 год, причем не только в России и Советском Союзе, но и целом ряде зарубежных стран. Во время становления Советского Союза и подъема его экономи-

Восстановление железнодорожного моста через Каму. Фото из фондов ПКМ

ки, этот паровоз выполнял основной объем перевозок по стране. По количеству построенных локомотивов (около 11 тысяч) и по общей продолжительности выпуска паровозов серии «Э» является абсолютным рекордсменом в истории мирового паровозостроения.

Во второй половине 1920-х годов начинается застройка западной части поселка. В 1925 году на тогдашней окраине в районе улицы Водопроводной строятся первые кооперативные двухквартирные дома. А в местном лексиконе появляется термин «жилкооперация», сохранившийся в обиходе до 1970-х годов. (— Где живешь? — В жилкооперации.) На другой стороне улицы в 1929 году начинается строительство железнодорожного клуба им. Октябрьской Революции (КОР). Клуб строился по проекту известного свердловского архитектора К.Т. Бабыкина. По его проектам в Свердловске в 1910–1950-е годы были возведены такие монументальные здания, как оперный театр, Управление Пермской (Свердловской) железной дороги, Дом культуры железнодорожников, главный корпус УПИ, здание Госбанка и многие другие знаковые объекты уральской столицы. Клуб им. Октябрьской Революции был сдан в эксплуатацию в 1930 году и стал на многие годы самым солидным зданием города. В этом же году железнодорожники сдали другой, не менее важный для поселка объект — общественную баню, которая в окружении неблагоустроенного частного сектора успешно выполняла свои банно-прачечные функции до конца XX века.

В этот период в судьбе станции Верещагино произошли два важных события. В конце 1923 года в связи с образованием огромной Уральской области, в состав которой вошла бывшая Пермская губерния, вводится новое территориальное деление на районы. Одним из районных центров становится и Верещагино (в состав Верещагинского тогда вошла территория современных Очерского и Карагайского районов). А 27 августа 1928 года Верещагино получило статус поселка городского типа. По существовавшему в то время регла-

менту к ПГТ относились поселки с населением более 3 тыс. человек, не менее 85 процентов которого заняты в промышленности или на транспорте. По оценке 1931 года, население Верещагино составляло 6 тыс. человек. Конечно, ничего от «городского типа» в то время в поселке не наблюдалось. Грязные немощенные улицы, тротуары в лучшем случае деревянные, полное отсутствие каких-либо коммунальных благ в жилом секторе.

Все каменные здания поселка (кроме вокзала, депо и пристанционного комплекса железнодорожных предприятий) в 1920–1930-е годы можно было пересчитать по пальцам одной руки. Клуб КОР, железнодорожная баня и новое здание школы №14 в западной части; двухэтажные здания Дома обороны (впоследствии райисполкома) и райпотребсоюза — в восточной.

В середине 1930-х годов в жизни поселка произошло еще одно, как бы теперь сказали, знаковое событие. В конце 1936 года «по многочисленным просьбам трудящихся» была закрыта единственная православная церковь Александра Невского. Инициаторами этого стали комсомольцы поселка и организация «Союз воинствующих безбожников» средней школы №1. Старшие школьники ходили по предприятиям, читали лекции, собирали подписи.

Поздней осенью 1936 года было получено разрешение облисполкома на закрытие церкви. С ее колокольни были сброшены колокола, алтарь разрушили, и на его месте была сделана пристройка к зданию. Имущество было вынесено из помещения и уничтожено. Часть икон верующие укрыли по домам. В короткий срок церковные купола были разобраны. А само помещение храма наспех приспособили под кинотеатр «Заря»¹³. Впоследствии, с конца 1950-х до 1990 года, в этом здании находился хозяйственный магазин.

Осенью 1938 года через железнодорожные пути был построен пешеходный мост. Сооружение для поселка, разделенного станцией на две части, крайне необходимое, но непродуманное. Железная дорога с конца 1920-х годов относилась к ре-

жимным предприятиям, охранялась стрелками ВОХР. Да и само хождение по путям, где без конца прибывали и отправлялись составы, сновали маневровые паровозы, было делом весьма не безопасным. Но мост был построен в стороне от натоптанных верещагинцами троп. На западной стороне он выходил не на главную улицу Водопроводную, а в грязный проулок, пробраться по которому даже в 1960-е годы было почти невозможно. Поэтому люди, рискуя попасть под поезд или быть извлеченными вохровцами, продолжали ходить по путям. И только в 1990-е годы перекидной (как его называют местные жители) мост был перенесен на новое, более удобное место.

В этом же году на территории Верещагинской дистанции начинается прокладка вторых путей. Транссиб, как и большинство железных дорог Российской империи, строился в основном в однопутном исполнении (встречные поезда расходились на специально устроенных для этого разъездах). А в повседневный обиход верещагинцев вошел новый термин «вторые пути», обозначавший не столько сам объект строительства, сколько бараки, построенные для железнодорожных рабочих в северной части поселка. (Опять же: — Где живешь? — На вторых путях.)

Открытие вторых путей принципиально повлияло на скорость

движения поездов, по крайней мере пассажирских. Согласно расписанию поезд Москва — Вятка — Свердловск — Новосибирск в 1928 году от Москвы до Верещагино шел 36 часов 45 минут, а от Верещагино до Перми — 3 часа 10 минут, стоянка в Верещагино для смены локомотивов — 10 минут.

По расписанию поезда Москва — Владивосток 1940 года путь от Москвы до Верещагино сократился до 25 часов, а до Перми — до двух (почти как сегодня). Но скорые и пассажирские поезда в это время были доступны только избранным. Обычные люди пользовались так называемым дачным поездом, предшественником электричек. Дачный поезд Пермь — Верещагино представлял собой состав из общих вагонов с деревянными полками в три яруса и в 1940-е годы проходил этот маршрут за 4–5 часов. Если верить моей маме, которая регулярно с 1944 до 1948 года ездила на нем на учебу в фарминститут, поездки эти были очень не безопасны. По вагонам постоянно ходили «шермачи», мелкая лагерная шпана, и обирали пассажиров. Нередки были и убийства. Обычно жертвы просто сбрасывали с поезда.

В 1930-е годы активно развивается станционное хозяйство. Заканчивается реконструкция электростанции и поворотного

Паровоз на Верещагинской дистанции.

круга в депо, строительство системы механической подачи угля на паровозы и эстакады погрузочно-разгрузочных работ. В 1933 году организуется самостоятельный вагоноремонтный участок, преобразованный впоследствии в вагонное депо. В 1931 году в Верещагино открывается школа ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) для подготовки высококвалифицированных специалистов-железнодорожников¹⁴. В 1940 году ФЗУ преобразуется в ЖУ-1 (железнодорожное училище), которое на долгие годы станет главным учебным заведением города.

В этот же период в поселке появляются предприятия и организации, напрямую не связанные с железной дорогой: хлебоприемный пункт «Заготзерно», базы «Заготлен», «Заготскот», «Заготкож», «Заготсено». На восточной окраине строится промкомбинат (мебельный, кожевенный цеха, цех по производству спичек и кирпичный завод). Открываются пищекомбинат и две хлебопекарни.

К концу 1930-х годов границы поселка в восточной части проходили в районе современной гостиницы, с севера по улице Карла Маркса до Заготзерно, с юга по той же улице до будущего железнодорожного училища. С западной стороны поселок заканчивался за новой школой №14. Когда в середине 1930-х годов мой дед Иван Сергеевич начал строить дом на улице Агрономической, в котором я родился 20 лет спустя, здесь был густой лес. И площадку под будущую усадьбу ему приходилось раскорчевывать вручную. Из этого же леса был выстроен и сам дом.

Согласно переписи 1939 года в Верещагино проживали тогда 12,6 тыс. человек.

ВОЙНА

Существует много мифов о 22 июня 1941 года, в основном они сильно идеологизированы в брежневскую эпоху. Для меня лично эта дата связана с рассказом отца. Как известно, 22 июня было воскресенье, День молодежи. В железнодорожном саду по этому поводу было гулянье. Страшную весть

Село Сепыч. Арестованные повстанцы

принесло радио, черный репродуктор на столбе, когда в Верещагино было 2 часа дня, разгар праздника. Моему отцу Борису Ивановичу было тогда 15 лет. А старшим братьям Геннадию и Анатолию 19 и 17. «Борька, мне конец», — это были единственные слова, сказанные Геннадием моему папе.

Геннадий и Анатолий погибли в 1942 году. Похороны на них дед Иван Сергеевич получил в один день. «Который?..» — только и смогла спросить его бабушка. «Оба», — ответил дед. После чего

он заперся в бане и три дня оттуда не выходил. Все были уверены, что он повесился...

В 1943 году добровольцем на фронт ушел мой отец, мстить за братьев. Это добровольчество и сохранило ему жизнь. Ему было только 17, а в 1943-м молодое «пушечное мясо» уже не так было нужно фронту. Поэтому его сначала отправили в военно-воздушное училище в Молотов (будущее ВКИУ). А почти все его сверстники, призванные через полгода, попали под наступление в Польше в начале

Клуб Октябрьской Революции, построен в 1929–1930 годах. Архитектор К.Т. Бабыкин. Снимок сделан в конце 1950-х годов. Фото из фондов Верещагинского краеведческого музея.

Геннадий Стеценко и Анатолий Стеценко — выпускники школы №14 (№121). Погибли в 1942 году. На мемориальной доске, установленной на школе погибшим выпускникам, высечены слова из письма Геннадия родителям: «Если мне доведется погибнуть, вам не будет за меня стыдно». Анатолий в последнем письме написал: «Папа, иду освобождать твою родную деревню» (деревня Купянка Богучарского района Воронежской области). Похорожки на сыновей родители получили в один день.

1944-го и погибли. Из всего класса, в котором учился мой отец, в живых остались только двое парней.

Екатерина Гавриловна Плешкова, главврач районной больницы, бессменный начальник эвакогоспиталя №2567.

Всего за годы войны из Верещагинского района на фронт ушли 8814 человек, домой не вернулся каждый третий. Пять верещагинцев стали Героями Советского Союза.

Как жил маленький провинциальный поселок в эти годы? В первые же дни войны на железной дороге было введено военное положение. В поселке в ожидании налетов немецкой авиации вводилось затемнение, жители крест-накрест заклеивали окна газетной бумагой. Вводится карточная система на распределение хлеба и продуктов. Правда, как вспоминали мои родители, массового голода не было. Спасали приусадебные участки. Картошка, квашеная капуста и селедка стали основой рациона сотен семей. Многие держали коров и коз, а значит, было и молоко. Но этот скудный военный паек приходилось делить с эвакуированными, в основном ленинградцами¹⁵.

В сентябре 1941 года начал принимать раненых эвакогоспиталь №2567, развернутый на базе районной больницы сначала в двухэтажном деревянном здании школы №1, затем под больничные палаты было передано и здание райпотребсоюза. Начальником госпиталя назначается Е.Г. Плешкова, главврач районной больницы. За четыре года в госпитале прошли лечение 6899 человек. От тяжелых ран скончались 19 человек. Госпиталь работал до ноября 1945 года¹⁶.

Тяжелейшие военные годы ознаменовались для верещагинцев важнейшим событием — 19 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР пгт Верещагино получил статус города¹⁷.

Алексей СТАЦЕНКО, уроженец г. Верещагино. Окончание в следующем номере. Автор благодарит Верещагинский краеведческий музей за предоставленные материалы.

¹ Мельчаков В.Г. «Верещагино: История города и района» — Пермский областной творческий центр, 1994, с. 16–17.

² Там же, с. 17.

³ Там же, с. 17.

⁴ Одна из первых географических карт, на которой станция появляется вообще, и обозначена как Вознесенская — Административная карта Российской империи (Приложение к справочнику «Россия. Административное деление империи», С-Пб, 1907 г.)

⁵ Официально это название закреплено в приказе Министерства путей сообщения №354 от 8 декабря 1915 года. «О переименовании с 18 апреля 1916 года станции «Вознесенская» Пермской железной дороги в станцию «Верещагино». Станция и поселок стали единым административным центром.

⁶ Карта западных округов Уральской области, 1926 г. Но на Карте Уральской области в «Уральской советской энциклопедии» (по состоянию на 01.01.1933) — станция вновь обозначена просто как Верещагино.

⁷ Пермь была взята белыми в ночь с 24 на 25 декабря 1918 года. А станция Верещагино (расстояние по железной дороге 120 км) оставлена красными только 13 марта и вновь была отбита у белых 20 июня 1919 года. 11 июля 1919 года было восстановлено сообщение от станции Верещагино в сторону Вятки, а 21 июля — в сторону Перми, до взорванного камского моста.

⁸ «Правда», 9 сентября 1920 г.

⁹ «Звезда», 9 февраля 1921 г.

¹⁰ Цит. по книге В.Г. Мельчаков «Вереща-

гино: В труде и в бою» — Пермь, 1996 г., с. 8–9.

¹¹ «Звезда», 31 марта 1923 г.

¹² «Правда», 15 октября, 1922 г.

¹³ По информации Верещагинского краеведческого музея.

¹⁴ В.Г. Мельчаков «Верещагино: В труде и в бою», с. 28–29.

¹⁵ Всего за годы войны в район было эвакуировано около 6 тыс. человек.

¹⁶ По информации Верещагинского краеведческого музея.

¹⁷ Статус города мог быть присвоен населенным пунктам, имеющим не менее 12 тыс. жителей, 85% которых должны быть рабочими промышленных предприятий или транспорта. По непроверенным данным, население Верещагино к этому времени превысило 20 тыс. человек.

ИЗЪЯТЬ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ Пермская катастрофа Великого князя Михаила Александровича

**«...ВЫСЛАТЬ
В ПЕРМСКУЮ
ГУБЕРНИЮ ВПРЕДЬ
ДО ОСОБОГО
РАСПОРЯЖЕНИЯ»¹**

Михаил Александрович, младший из трех сыновей императора Александра III, родился 22 ноября 1878 года. Краснощекий здоровяк с добрым, веселым и живым характером был любимцем семьи и придворных. Строгий отец прощал ему шалости и вольности, которые не разрешались другим детям.

Мальчик Миша вырос и превратился в молодого человека высокого роста, крепкого телосложения и приятной наружности. Многие отмечали его воспитанность, скромность и даже застенчивость. Казалось, что он тяготился своим высоким происхождением. В общении он отличался своеобразным «демократизмом», предпочитал общество своих наставников, воспитателей, тренеров, учителей, а не царственной родни. Михаил стал блестящим офицером, увлекался верховой ездой, спортом, авиацией, автомобилем, театром. Однако некоторые считали его человеком безвольным, легко попадающим под чужое влияние. Он мог быть мягким и вспылчивым одновременно. Несмотря на

покладистый характер, Михаил был способен принимать решения и пойти на самопожертвование.

Послужной список великого князя был внушительным. По династической традиции Михаил Александрович являлся шефом нескольких военных частей гвардии и флота, состоял почетным председателем и покровителем бесчисленных благотворительных, научных и просветительских обществ.

Среди великих князей Дома Романовых Михаил Александрович считался самым богатым, но и самым неприятным. Полковник Мордвинов, долгое время состоявший его адъютантом, свидетельствует: «*Деньгам для себя лично он не придавал никакого значения, совсем плохо разбирался в относительной стоимости различных вещей и оставался совершенно безучастным ко всем докладом, говорившим об увеличении его материальных средств*».

Согласно закону, Михаил Александрович впервые стал наследником престола в 1898 году, после смерти от туберкулеза среднего сына Александра III — Георгия Александровича. С рождением цесаревича Алексея Михаил Александрович носил титул «*правителя государства*».

Всеобщее внимание Михаил Романов привлек к себе тайным вступлением против воли императора Николая II вmorganатический брак с дважды разведенной дочерью московского адвоката Натальей Сергеевной Шереметьевской, по последнему браку Вульферт. Этому браку предшествовал длительный роман. Когда Николай II узнал о решении Михаила жениться на Н.С. Вульферт, то отправил брата в Черниговский гусарский полк. Наталья Сергеевна вынуждена была уехать за границу. 24 июля 1910 года у них рождается сын Георгий. Николай II своим указом «*всемилоостивейше*» возводит ребенка в потомственное дворянство с предоставлением ему фамилии Брасов (по названию одного из имений Михаила Александровича) и отчества Михайлович.

В 1912 году Михаил Александрович и Наталья Сергеевна уезжают в Вену, где заключают брак в Сербской православной церкви. Гнев Его Величества вылился в приказ об увольнении своевольного брата со службы и запрете ему въезда в Россию, а также в передаче всего его имущества в опеку и снятии с него звания «*правитель государства*». Михаил вместе с женой и сыном переехали в Англию, где и поселились недалеко от Лондона.

В связи с началом Первой мировой войны Михаилу Александровичу было разрешено вернуться в Россию. В чине генерал-лейтенанта он назначается в Галицию командовать Кавказской кавалерийской туземной (Дикой) дивизией, затем — Вторым кавалерийским корпусом. За боевые заслуги был награжден Георгиевским крестом. В конце 1916 года он назначен генерал-инспектором кавалерии.

Февральская революция застала Михаила в Гатчине. Он прилагал все усилия, чтобы спасти монархию. 27 февраля Михаил ведет телефонные переговоры с Николаем II (который в тот момент был в Ставке в Могилеве) и настаивает на уступках оппозиции, на создании правительства доверия. Однако Николай II отказался последовать этому совету. Михаил подписывает «Манифест великих князей», предполагавший поручить председателю Государственной думы сформировать временный кабинет министров, который мог бы заняться созывом Учредительного собрания. Но революционные события развивались стремительно, манифест запоздал. Уже 2 марта 1917 года М.В. Родзянко, председатель Государственной думы, ставит вопрос об отречении Николая II в пользу наследника Алексея при регентстве Михаила.

Отречение же Николая II от престола за себя и за своего несовершеннолетнего сына-наследника в пользу брата Михаила явилось для всех полной неожиданностью. К тому же это было нарушением закона о престолонаследии. Николай II посылает Михаилу телеграмму, в которой обращается: **«Его Императорскому Величеству Михаилу Второму...»**.

На следующий день, 3 марта, открылось совещание по обсуждению вопроса о возложении императорских обязанностей на Михаила. Среди участников совещания были А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, А.И. Гучков и др. После мучительных размышлений Михаил Александрович подписывает манифест, согласно которому решение о государственном устройстве он относит на усмотрение Учреди-

Семья Кобяк, неоднократно упоминается в дневниках Михаила. Фото из фондов ПКМ

тельного собрания. Манифесты Николая II и Михаила Романова были обнародованы одновременно 5 марта 1917 года. Через два дня Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил арестовать царскую семью, в том числе и Михаила.

С весны 1917 года Михаил Романов продолжал жить сравнительно неприметно в Гатчине, под домашним арестом. Царскую же семью отправили в Тобольск. Начались аресты других великих князей.

После Октябрьского переворота 13 ноября 1917 года Петроградский военно-революционный комитет рассмотрел вопрос об аресте Михаила Александровича. Сам же великий князь обращается к управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу с просьбой узаконить его положение и разрешить «свободное проживание» как рядового гражданина республики с фамилией Брасов. В.И. Ленин отказался рассматривать эту просьбу.

В феврале 1918 года в связи с германским наступлением на

Петроград Совнарком принимает решение о высылке великого князя М.А. Романова в Пермскую губернию. В документе, подписанном В.И. Лениным, говорилось: *«Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова (фактически А.М. Власов в Пермь выслан не был. — прим. автора) и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию до особого распоряжения. Местожителство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым»*. За своим господином в Пермь также добровольно последовали камердинер В.Ф. Челышев, шофер П.Я. Борунов и повар Г.Ф. Митревели. Осуществить высылку было поручено М.С. Урицкому.

СКОРБНЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА РОМАНОВА НА УРАЛЬСКУЮ ГОЛГОФУ, ИЛИ «КАЛИФ НА ЧАС»

Михаил Александрович Романов со своими верными спутниками прибыл в Пермь 17 марта 1918 года. Расписка горисполкома Пермского Совдепа, выданная представителям Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны о доставке Михаила Романова и других ссыльных из Петрограда в Пермь, датирована именно этим числом.

В Перми ссыльных встретили негостеприимно. Первоначально было объявлено распоряжение Пермского губисполкома о заключении Романова в тюремную больницу, остальных в тюрьму на общий тюремный режим. Михаил Александрович дает телеграмму управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу и председателю Петроградского ЧК М.С. Урицкому, на которых было возложено исполнение постановления Совнаркома, а также наркому просвещения А.В. Луначарскому: *«Сегодня двадцатого марта объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех в одиночное заключение в пермскую тюремную больницу, вопреки заверению Урицкого о жительстве в Перми на свободе, но разлучно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет народных комиссаров не разлучать нас ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной власти, затрудняется, как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов»*. На что последовал ответ: *«В силу постановления, Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной власти»*. Следует сказать, что некая мотивация поместить ссыльных в больницу все же была. Сохранились сведения о том, что Михаил Александрович тяжело перенес переезд из Петрограда в Пермь в связи с обострением

хронической язвы желудка. Через неделю тюремного заключения ссыльные были отпущены на «свободное проживание».

Пермь в то время жила обычной жизнью. Работали магазины, театр, кинотеатры и даже международная выставка восковых фигур, в Загородном саду играл оркестр. Однако начали возникать некоторые трудности в части снабжения города продовольствием, появился дефицит некоторых товаров. Усиливалось общее ощущение тревоги.

Некоторое время великий князь жил в номерах гостиницы при бывшем Благородном собрании (ул. Сибирская, 20), затем переехал в гостиницу «Королёвские номера» (по фамилии владельца Королёва). Высокого роста, с военной выправкой, изысканными манерами, сильным иностранным акцентом — Михаил Александрович невольно демонстрировал в пермской провинциальной среде чужого человека. Возможно, это способствовало формированию негативного к нему отношения среди революционно настроенной части населения и новой власти. Сразу же великий князь получил у них прозвище «Калиф на час».

Михаил Александрович занял помещение на третьем этаже «Королёвских номеров». Ежедневно отмечаясь в милиции, а позднее в ЧК, он имел возможность свободно гулять по городу, вести переписку, бывать в театре, церкви, кино, наносить визиты новым пермским знакомым, которых, однако, было немного. Среди таковых, прежде всего, можно упомянуть купеческие семьи Алиных и Тупициных, семью потомственного дворянина, предпринимателя и общественно-го деятеля Г.И. Кобяка. В начале мая в Пермь на две пасхальных недели приезжала супруга Михаила Александровича Наталья Сергеевна Брасова.

Из дневниковых записей можно восстановить подробную картину пребывания великого князя Михаила Александровича в Перми. Утренний подъем происходил около 9 часов. Завтракать было принято около 12 часов, а

М. Романов и Джонсон в Пеме. Фото сделано 12 мая 1918 года, ровно за месяц до гибели. Фото из фондов ПКМ

обедать в 18–19 часов. Один-два раза в день пили чай (после пробуждения и в середине дня). День складывался обычно так. Утром (то есть до завтрака) Михаил Александрович просматривал почту, прессу, писал письма, читал книги, иногда совершал небольшие прогулки. После завтрака он гулял по городу, наносил визиты или сам принимал гостей, ходил в магазины, на рынки, а после обеда бывал в театре, кино, музицировал или читал. Ежедневно в дневнике упоминается состояние погоды, которую он тонко чувствовал, указывается температура воздуха. Проживание в гостинице «Королёвские номера» (в рекламе писалось «Королёвские номера») было достаточно комфортно (на тот период это была лучшая гостиница города). Тем не менее, Михаил Александрович, будучи в чужом городе на положении ссыльного «под надзором местной власти», в общем-то вынужден был просто коротать время, хотя старался это делать с какой-то пользой для себя. И все же из гостиницы он предполагал переехать на квартиру одного из

своих знакомых (Алиных или Тупициных), где бы он себя чувствовал более комфортно.

Итак, даем наиболее важные выписки из дневника.²

Пермь, 8 мая (по новому стилю). Среда.

Утром читали, после завтрака познакомился с инженером Эльжановским. Около 3 3/4 Наташа, Джонсон и я на двух извозчиках поехали к Тупициным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними, Наташа поехала, а Джонсон и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришел Петр Николаевич Второв. Погода была отвратительная, ветер, с ночи лежал местами снег, 2°, к 5 час. появилось ненадолго солнце.

Прогулки по городу Михаил Александрович совершал ежедневно, всегда в компании Джонсона или Знамеровского. В дневнике он указывает маршрут, по которому прошли. Нередки были случаи поездки на правый берег Камы. Действительно, сосновый бор — прекрасное место для прогулки, а в городе на многих улицах сохранялась непролазная грязь. В 1918 году весна затянулась на две недели.

(Далее в сокращении)

Пермь, 9 мая. Четверг.

Утром читали. Днем прогулялись по Торговой и Монастырской, а обратно — вдоль реки. К обеду пришли Знамеровские и оставались до 11 1/2.

Погода была полусолнечная, 2°.

Пермь, 10 мая. Пятница.

Около 11 3/4 Борунов и я переехали на лодке на другую сторону Камы, там мы пошли вдоль опушки леса и вернулись обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем-австрийцем — мы их угостили кофе. В 5 1/2 Наташа, Джонсон и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, служил он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме вечера, 2°.

Пермь, 11 мая. Суббота.

Утром Борунов и я отправились на другую сторону Камы, где

Дом Тупициных, здесь неоднократно бывал в гостях Михаил Романов. Фото из фондов ГАПК

прошли в лес направо и дошли до полигона (напротив Пермских пушечных заводов³). Возвратились к завтраку.

Днем Наташа, Джонсон и я неудачно съездили в цветочные магазины, а затем в рыбный магазин Анны К. (Мотовилиха), затем пешком пошли к архимандриту Матвею (ректор семинарии). Мы смотрели его квартиру, так как все ищем, куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой — он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда с Монастырской мы возвратились пешком домой. В 8 час. мы пошли в театр, где шла «Мечта любви» — Борегар⁴ заходила к нам в нижнюю ложу. С нами сидели Сергей и Ольга Тупицины.

На Украине переворот. Рада разогнана, генерал Скоропадский назначен гетманом Украины. Немцы заняли Ростов и Таганрог.

Михаил Александрович внимательно следил за политическими событиями, происходившими в стране.

Пермь, 12 мая. Воскресенье.

Утром читали. Днем меня фотографировал П.Н. Второв. Около 4 3/4 Наташа, Джонсон и я пошли к г-же Алиной на Сибирской, где пили чай, а затем нам показывали комнаты, дом очень хороший. По возвращении прошли немного вдоль реки. В 8 час. — театр, сегодня последний спектакль. Я лег рано.

Кабинет на Украине составлен из кадет и беспартийных. Скоропадскому депутация хлеборобов подала петицию о восстановлении дореволюционного земства. На русско-украинском фронте установилось перемирие. 7 мая подписан договор между Румынией и центральными державами.

Пермь, 16 мая. Четверг.

Утром читал. Днем Наташа и я пошли, были в магазинах и на маленьком рынке на Монастырской. После чая я прошелся немного с Джонсоном вдоль берега. После обеда я играл на гитаре. Погода была солнечная, хорошая, 14°. Днем мы заходили к Знамеровским на Кунгурскую улицу. До завтрака приходил Петр Нилович Второв прощаться, он уехал в Москву, до Нижнего пароходом. Вечером недолго шел дождь.

Пермь, 17 мая. Пятница.

Утром писал письма. Днем Наташа и я гуляли, были в гостином дворе, затем пошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его, по Сибирской возвратились домой. До обеда я написал Снегурочке письмо. Весь вечер Наташа укладывалась, благодаря чему легли поздно. Отъезд Наташи был решен вчера вечером, очень грустно опять оставаться одним.

Пермь, 18 мая. Суббота.

Встали около 8 1/2. В 9 1/2 Наташа и я поехали на извозчике

на вокзал Пермь-2 — я, за нами ехали Джонсон и Екатерина Даниловна. Там ждали долго поезда на платформе. В результате Сибирский экспресс запоздал примерно на 36 часов. Наташа получила место в маленьком купе международного вагона вместе с чужой дамой. Поезд пошел в 12 час. 10 мин. В.М. Знамеровская тоже поехала. Наташа едет через Москву. Джонсон и я возвратились на извозчиках. Зашли в милицию, затем немного сидели в театральном саду. В 1 час. завтракали. Знамеровский пришел, а в 3 час. я с ним совершил большую прогулку пешком — мы отправились на другую сторону Камы и вдоль берега дошли до железнодорожного моста, там сели на лодку и переплыли обратно реку, и затем этой стороной возвратились домой, куда пришли в 7 час. Я играл на гитаре. С отъездом Наташи стало грустно.

Общее уныние великого князя с отъездом Натальи Сергеевны стало все более и более усиливаться.

Пермь, 21 мая. Вторник.

В 11 час. Джонсон, Василий (камердинер В.Ф. Чельшев. — прим. автора) и я отправились в Пермскую окружную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, которой мне

предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое!?) После этой явки я отправился домой, а Джонсон и Василий пошли по делам. После завтрака я с Знамеровским пошел в магазин за сапогами, простые солдатские штиблеты. После 4-х Джонсон и я переплыли на другую сторону реки и там прошли вправо на полигон и возвратились частью лесом. Бедный Джонсон провалился одной ногой в болото. В 7 3/4 возвратились домой. После обеда я играл на гитаре. Джонсон лег рано, а Знамеровский подсчитывал на счетах. Получил открытку от Ольги Павловны.

Требование об ежедневной явке в ЧК, естественно, возмутило Михаила Александровича. По этому поводу мы наблюдаем редкий случай его эмоциональной реакции.

Пермь, 23 мая. Четверг.

Утром пошли в милицию, где спросили — почему мы больше туда не являемся? Мы ответили, что являемся последние дни в Чрезвычайный комитет⁵, где сказано было, что они известят об этом милицию, но, конечно, забыли это сделать. Возвратились из Чрезвычайного комитета, я читал. Днем Знамеровский и я прошли по городу, за город нельзя было идти, такая была грязь. До обеда стриг-

Цареубийцы: Марков, Колпащиков, Мясников, Иванченко, Жужгов. Фото из фондов ПКМ

ся, стриг австрийский пленный из Львова, который стремится домой. Затем читал, играл на гитаре. Вечером мы втроем пошли в кинематограф «Триумф». Получил от Наташи две телеграммы из Москвы, мне их передали не с телеграфа, а в Чрезвычайном комитете.

Пермь, 25 мая. Суббота.

Утром читал. Джонсон и я каждое утро ходим расписываться в Чрезвычайный комитет. Днем Знамеровский и я отправились за Каму, как тут выражаются, и вдоль берега шли до Верхней Курьи, затем лесной дорогой прошли на полигон и возвратились в Среднюю Курью, и на лодке в город. Пришли домой в 7 час. После обеда ко мне пришли двое американцев — Мр. О'Бриен и Мр. Гесс. Они оба здесь проездом из Баку, откуда им пришлось бежать, а завтра они едут во Владивосток, если только смогут проехать. Сегодня только узнал о смерти милого князя Шервашидзе.

В переписке Михаил Александрович проявлял постоянную заботу о близких и друзьях, справлялся о их здоровье.

Пермь, 28 мая. Вторник.

Утром читал, днем тоже до 4 3/4, а после чая Знамеровский и я пошли гулять по Покровской, дошли до Перми-2, сделали круг вправо, к сожалению, зашли в очень грязные места, затем по Монастырской возвратились домой в 7 1/2. Вечером читали, а Джонсон пошел с визитом к Борегар. Почти на некоторых деревьях начинают разворачиваться в листочки, весна страшно запоздала, а в Гатчине черемуха уже цветает. Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылают довольно много рот Красной армии на разные внутренние фронты. Получил письмо от Ольги Павловны.

В 20-х числах мая ситуация в Перми стала резко ухудшаться. Железнодорожный транспорт был практически парализован, в городе скопились тысячи пассажиров, беженцы, военнопленные, которые не могли выехать.

Пермь, 29 мая. Среда.

Газет не было из Петрограда уже два дня, а из Москвы почему-

то поезда не пришли. Утром читал, а после завтрака играл на гитаре. В 4 часа Джонсон и я пошли к Тупициным, другой семьей, которая живет рядом с нами. Возвратились домой по набережной. До обеда видели Обыденова, только что возвратившегося из Екатеринбурга, по-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть (имеется в виду мятеж чехословацкого корпуса. — прим. автора), то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири. Вообще трудно понять, что творится, но что-то крупное зреет. Вечером к нам зашел инженер Андреев. Получил от Наташи из Москвы телеграмму.

Пермь, 30 мая. Четверг.

Утром читал. Днем играл на гитаре. От 5 до 6 3/4 Знамеровский и я гуляли, прошли за собором (Спасо-Преображенским. — прим. автора) в саду над рекой. Обедали в 7 3/4, потом втроем отправились в театр. Шла «Бездна», кроме Казаровского и Полякова, играли плохо. Затем смотрели один акт «Веселой вдовы» под аккомпанемент пианино, но, несмотря на мизерную обстановку, было приятно послушать музыку, тем более что двое главных играли хорошо. Насколько нам известно, поезда отсюда ходят только до Вятки, до Екатеринбурга, кажется, не доходят.

Пермь, 31 мая. Пятница.

Утром кончил читать «Записки из мертвого дома». Днем Знамеровский и я прогулку сделали через старое кладбище, за ним спустились и поднялись через лесистый овраг, покрытый пихтами, внизу которого вьется речка, и пошли через деревню Горки и обратно в город мимо Петропавловского собора. После чая играл на гитаре. В 9 3/4 мы пошли в кинематограф «Триумф» — «Белые голуби». Получил телеграмму от Юлии Владимировны, которая пишет, что хотя положение Кирюши тяжелое, но надежда на выздоровление есть.

Здесь Михаил Александрович единственный раз указал, какую именно книгу читал.

Пермь, 1 июня. Суббота.

Утром читал. Днем играл на гитаре, а после чая Знамеровский и я прошли. Сначала пошли на пристань и хотели обойти паромом, но приехавшие пассажиры нам помешали, потом сделали небольшой круг по городу и возвратились в 5 1/2. До обеда читал, а затем купался (номер в гостинице имел ванну. — прим. автора). Обедали в 7 3/4 и пошли в театр в 8, но нам объявили, что спектакль не состоится, т.к. мало публики. Очень досадно, потому что должны были играть рабочие, и было бы интересно их послушать. Знамеровский и я прошли по городу и сидели довольно долго в саду, который над рекой в конце Сибирской. Возвратились домой в 9 час. и читали.

Любопытен интерес великого князя к театральному творчеству рабочих. Известно, что рабочие театром не очень-то увлекались.

Пермь, 2 июня. Воскресенье.

Утро прошло как всегда. Днем Джонсон и я пошли к датскому вице-консулу, видели его секретаря Шейфлера, очень милый и любезный австриец. Затем я писал Ольге Павловне. В 5 час. к чаю пришли Алин (сын) с женой. От 7 1/2 до 8 1/2 Знамеровский и я пошли гулять по набережной и в сад за собором, дивный вечер. Вечером докончил письмо Ольге Павловне; затем писал Снегурочке. Погода была дивная, первый действительно хороший летний день, 18°. Получил письма от Снегурочки, Алеши, Дворжицкого и Клевезаль.

Пермь, 3 июня. Понедельник.

Утром писал Алеше письмо. Днем продолжал писать Наташе. Письмо посылаю с оказией. Думаю, что Наташа еще в Москве. К чаю пришли Кобяк: мать, дочь и сын, — старичок не мог прийти, потому что заболел. После их ухода Знамеровский и я хотели сделать прогулку, но поднялся такой ветер с пылью, что мы сейчас же возвратились. Вечером мы дошли до Алиных, на Сибирскую и обратно до Московских и петроградских газет опять не было, и причина, кажется, та, что идет переброска

Красной армии с запада на восток к Екатеринбург и еще в другие места, но куда — не знаю.

По дневниковым записям легко заметить, что погода весной 1918 года отличалась неустойчивостью.

Пермь, 5 июня. Среда.

Утром зашел Знамеровский и принес письмо, которое привезла его жена, приехавшая из Гатчины с сыном и братом Петра Людвиговича. Днем читал, а после этого Джонсон и я пошли к Тупициным, шли по Монастырской. Там сидели на террасе все время, кроме самой хозяйки и детей, никого не было. Джонсон немного пел в гостиной. Обратно мы шли вдоль набережной. К Василию пришел доктор. Василию придется еще пролежать несколько дней; он чувствует боль в области отростка слепой кишки (приступ аппендицита. — прим. автора). После обеда Джонсон читал газету вслух. Погода была чудная, черемуха начинает цвести. Письма получил: от Таты, В.А. Козерской, Власова В.Н., Андреевской, Котона, Меня и его сына. Недавно мы прочли, что на Дону образовалось войсковое правительство, во главе которого стоит генерал Краснов, он также и войсковой атаман.

Пермь, 6 июня. Четверг.

Утро прошло как всегда. Днем я читал. Заходили на короткое время С. Тупицын, а также мой крестник правовед Нагорский. После чая Джонсон и я пошли в городской сад, что у Сибирской заставы, где сидели и слушали музыку, струнный оркестр. Встретились с Шейфлером (секретарем датского вице-консула Рее. — прим. автора). Пришли домой к обеду. Вечером читал. Сегодня у меня появились знаменитые боли в желудке, лег поэтом раньше. На днях по приказанию Совнаркома часовая стрелка была переведена на 2 часа вперед, т.е. на два часа против солнца.

В связи с обострением давней болезни состояние здоровья Михаила Александровича стало вновь ухудшаться.

Пермь, 7 июня. Пятница.

В Чрезвычайном комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со

Воздвижение креста на предполагаемом месте гибели Михаила

мной⁶. Днем я читал, позже зашел С. Тупицын, и мы втроем пошли на Каму по Сибирской улице, собирались прокатиться на моторной лодке, но шоферы никак не могли наладить мотор, так что кататься не удалось. Джонсон и я возвратились домой и пили чай в 4 1/2 у хозяйки наших номеров Королевой, где нас гостеприимные хозяева угостили чудным кофе и кексом. В 8 час. Джонсон и я отправились в сад слушать струнный оркестр, который ежедневно там играет. Там мы ходили по саду и после часа возвратились домой к обеду. Вечером Джонсон сходил к Кобяк. Пузо мое нет-нет и напоминало о себе.

Семья Кобяк доставляла к столу великого князя продукты с учетом его заболевания.

Пермь, 8 июня. Суббота.

Утро провел как всегда. Днем читал. Около 3 час. зашел инженер Умберто. В 7 час. пришел папа Кобяк, с которым интересно поговорили. После 12 час. дня я больше не ел, т.к. боли у меня все продолжались.

Предположительно, Знамеровский сообщил Михаилу Александровичу о том, что по слухам его «пророчили в цари».

Пермь, 9 июня. Воскресенье.

Провел целый день в постели у окна и ничего не ел со вчерашнего дня, т.е. даже ни капли молока.

Боли по временам все-таки появлялись. Днем зашел Знамеровский и рассказал много интересного о ходящих по городу слухах. Вечером мне читал Джонсон. Погода чудная.

Пермь, 10 июня. Понедельник.

Весь день был на ногах, но чувствовал себя неважно. Днем спал. В 6 час. приходил доктор Шипицын. Боли периодически являлись. За целый день выпил стакана полтора молока пополам с водой, больше ничего. Весь день читал ту же французскую книгу. К обеду зашел Знамеровский. Получил телеграмму от Наташи из Гатчины, они приехали туда прошлую среду.

Последняя запись в дневнике (за день до гибели), не предвещающая страшного конца.

Пермь, 11 июня. Вторник.

Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицын зашел около 8 1/2. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь. 13°, вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник

правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград.

В ночь с 12 на 13 июня 1918 года, по сообщению газет, Михаил Романов был похищен из «Королевских номеров» тремя неизвестными вооруженными людьми в солдатской форме.

В стране тем временем разгоралась Гражданская война. С захватом белочехами Челябинска в мае 1918 года движение поездов на Сибирь прекратилось. В Перми скопилось около 10 тысяч пассажиров. Среди них было много военных, сочувствующих белому движению. Местные власти опасались контрреволюционных заговоров и переворотов.

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ» МИХАИЛА РОМАНОВА

Какая счастливая,
простая и ясная мысль!
Убежал и ...Что поделает?
Убежал и только.
Г.И. Мясников⁷

Идеологом операции по уничтожению великого князя Михаила Александровича Романова считается Гавриил Мясников. Более того, всю ответственность за злодеяние он совершенно сознательно взял на себя. Впоследствии им был написан известный трактат, который так и называется: «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова». Личность Гавриила Ильича Мясникова, по прозвищу Ганька, неординарна и крайне противоречива. Будучи малообразованным человеком, он был склонен к философским размышлениям, любил выступать на публике, говорил ярко, эмоционально и резко. Всю жизнь он боролся за «правду», как ее понимал, за торжество революции, за «светлое будущее». Однако в его больном воображении складывалась уродливая картина мира. По натуре Мясников был крайне экспрессивен, игнорировал все общепринятые «буржуазные» этические и моральные нормы. Он всегда исходил только из соображения революционной целесообразности.

Его в полной мере можно отнести к «левым коммунистам», для которых основным методом борьбы был террор.

Наиболее полно операция по уничтожению Михаила Романова описана в воспоминаниях А.В. Маркова⁸, непосредственного исполнителя ареста великого князя и его расстрела: «Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. (...) И вот все это, взятое вместе, и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова **изъять из обращения** (выделено ред.) путем похищения его (...). Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г.И. Об этом он сказал в управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми (...). Но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить, по рекомендации тов. Иванченко, тов. Жужгова Николая, а по моей — тов. Колпащикова Ивана (...).

В Перми лошадей поставили во дворе Губчека, посветили в это дело председателя Губчека тов. Малкова и помощника Иванченко тов. Дрокина В.А. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, по-

ставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подпisał (...).

А.В. Марков так описывает события: «Проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100–120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай!».

Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок (Джонсон. — прим. автора) то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (...). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же (...).

Все сохранившиеся воспоминания участников трагических событий весьма схожи. Насколько они соответствуют действительности, трудно сказать. Дело в том, что сам план и официальная трактовка, составлялись с ведома ЧК. Однако приходится, к сожалению, принять главное: великий князь Михаил Александрович был убит в Перми. На тот момент ему шел сороковой год от роду.

Вместе с тем распространилось немало слухов, домыслов и легенд. С появлением сообщения о похищении Михаила Романова

власти якобы сразу послали погоню «по свежим следам», но безрезультатно.

Так называемый побег Михаила Романова был использован властями для ужесточения режима содержания царской семьи в Екатеринбург и великих князей в Алапаевске. Фиктивное следствие по делу об исчезновении великого князя и его секретаря Джонсона позволило арестовать как заложников и впоследствии расстрелять всех, кто был с ним в близких отношениях.

Из газетных публикаций тех лет: «Распространились слухи, что великий князь Михаил Романов находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами...»⁹.

«Задержание Михаила Романова»¹⁰.

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской губернской Чрезвычайной комиссии были разосланы агенты по всем направлениям... 12 сентября в 10 верстах от Чусовского завода... было обращено внимание на двух проходящих по направлению к Чусовскому заводу лиц... Один из них высокого роста, с густой бородой «буланже», особенно обратил на себя внимание... Вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую губернскую Чрезвычайную комиссию...».

Однако многие верили, что Михаилу Романову действительно удалось бежать и что он многие годы жил под чужой фамилией за границей. Ждала возвращения мужа и супруга Михаила Александровича Н.С. Брасова, пережившая его на 34 года.

Лев ПЕРЕСКОКОВ, краевед

ских орудий Пермских пушечных заводов (ныне Мотовилихинские заводы) производились непосредственно с территории завода через Каму в сторону правого берега в квадрат, располагающийся ниже по течению реки от Верхней Курьи в глубь леса. В 1918 г. завод практически не действовал.

⁴ В Перми в тот период гастролировала известная артистка Лина Петровна Борегар.

⁵ В некоторых случаях Михаил Александрович пишет: «Чрезвычайный комитет».

⁶ Это была единственная личная встреча Михаила Александровича с Г. Мясниковым.

⁷ См.: Минувшее: Исторический альманах. — М.: СПб., 1995. — Вып. 18. — С. 53.

⁸ Воспоминания А.В. Маркова «Расстрел Михаила Романова»// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталева, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 144–149.

⁹ Из хроники газеты «Свободный путь»// Там же. — С. 127–128.

¹⁰ Сообщение Пермского ЧК// Там же. — С. 130–131.

Вот такой могла быть Шуручка Лихачева

ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГИМНАЗИСТКИ

По мотивам личного дневника Александры Лихачевой

В фондах Пермского краеведческого музея хранится один очень интересный дневник. Его сто лет назад вела юная пермская барышня, которой весной 1905 года исполнилось 15 лет. Фамилия этой девушки вряд ли кому-то что-то скажет. Ее отец никогда не упоминался в пермских адрес-календарях, а это значит, что он не был губернским служащим или вообще сколь-нибудь известным человеком. Но, судя по записям, семья в деньгах не нуждалась, а значит, глава семейства, скорее всего, был не очень крупным, но успешным торговцем.

Итак, знакомьтесь, Александра (или Шура, как она сама себя называет) Лихачева. Ученица пермской Марининской гимназии. Вести дневник она начала в феврале 1903 года, когда еще являлась ученицей Пермской женской прогимназии. Со следующего учебного года ее перевели в Мариинскую — самую крупную женскую гимназию города Перми. Дневник охватывает период с 1903 по 1906 год. Записи Шура делала нерегулярно, забывала о дневнике или у нее просто не было желания что-то записывать:

«Я хотела писать здесь каждый день, но эту книжку потеряла и только сегодня нашла¹ ...Если бы мне хотелось писать, то написать очень много²...». Исходя из контекста и структуры всех записей, можно предположить, что вести дневник было правилом среди девичьего сообщества того времени. Первые Шурины записи часто сопровождаются комментариями о том, что ей не хочется писать, и даже дневник она называет не дневником, а книжечкой. «Сегодня я вечером читала эту книжечку. Дневник я так и не завела, ну да и так ладно...»³. «Ужас как не хочется писать. Лучше буду кратко и буду записывать только то, что для меня интересно...»⁴. Исходя из последней записи, можно предположить, что у девочек существовали какие-то правила, по которым следовало делать записи. На это же указывает и структура записей, сначала Шура рассказывает, что произошло за день, как она к этому относится, а своеобразным итогом дня является перечисление мальчиков (а иногда и девочек), которые являются ее симпатией. По мере ее взросления записи

становятся более подробными, но она уже не перечисляет события, а описывает свои эмоции и переживания по какому-либо поводу.

Дневник состоит из трех тетрадок — две самодельные⁵ и одна фабричная в кожаной обложке. Самодельные тетрадки — это сшитые нитками странички обычной тетради, в линейку, без обложки, подписанные «дневник Александры Лихачевой» на первой странице. Одна тетрадка размером примерно 5 на 10 см, вторая — 7 на 15 см. Эти самодельные тетрадки по времени являются первыми, и записей там совсем немного, они охватывают период с февраля по декабрь 1903 года. Записи с августа 1904 года по февраль 1907 года сделаны в фабричном блокноте, или, как говорит сама Шура, в «настоящем дневнике»⁶. В первом дневнике большая часть записей сделана при помощи шифра. Судя по контексту, эти записи касаются романтических переживаний, связанных с молодым человеком по имени Яков Субботин, в которого она влюблена на протяжении всех трех лет, что охватывает дневник. В дальнейшем шифрованные записи больше ни

разу не используются. Кроме Якова Субботина, постоянными героинями Шуриных записей являются две ее подруги-одноклассницы: Вера Субботина (сестра Якова) и Анюта Егорова, а также брат Веры и Якова — Михаил.

Авторская орфография и пунктуация сохраняются.

Шура была совершенно обычной пермской гимназисткой. Ее жизнь, как и любого человека во все времена, состояла из привычных действий, она ходила на уроки в гимназию, в церковь и в библиотеку, по магазинам и в театр; встречалась с друзьями, ссорилась с родителями, увлекалась мальчиками, переживала равнодушие Якова и радовалась его вниманию. Моя задача состоит в том, чтобы на основании дневниковых записей Александры Лихачевой реконструировать образ жизни провинциальной гимназистки в начале XX века.

Сама Шура и все ее друзья обучаются в пермских средних учебных заведениях. В то время в городе Перми было три казенных (государственных) гимназии — мужская Александровская, женская Александровская, женская Мариинская, две частные гимназии — женская и мужская, Алексеевское реальное училище с горнозаводским отделением и мужская духовная семинария, две городские прогимназии — мужская и женская. Перед революцией в городе появилось еще несколько частных гимназий и вторая мужская казенная гимназия. Обучалось в них, по приблизительным подсчетам, порядка 3000–3500 учеников в год. Мариинская женская гимназия была самой крупной в городе. Она занимала большое специально построенное каменное здание в центре города. Рядом был театр и театральная площадь, а по другую сторону этого сквера была расположена мужская Александровская гимназия. Реальное училище располагалось в пяти-шести кварталах от Мариинской гимназии. Это становится важным, когда Шура описывает свои перемещения по городу с целью «случайно» встретиться с нужным ей молодым человеком.

Ученицы Мариинской женской гимназии. Фото из фондов ПКМ

В средних учебных заведениях обучались не только дети городских жителей, но был и большой процент приезжих из городов и уездов губернии. Все они были в подавляющем большинстве выходцами из крестьян или мещан. Но если обратить внимание на то, какие мальчики кажутся Шуре перспективными в плане знакомства, она ни разу не упоминает о приезжих из уездных городов, живущих в пансионах или в чьих-то семьях, тогда таких было принято называть «нахлебниками».

Обучение в средних учебных заведениях было платным. По

сведениям, которые приведены в конце Шуриного дневника, она должна была заплатить за обучение в 1904 году 15 рублей. Оплата производилась по полугодиям, два раза в год. Но в 1914–1915 учебном году плата за обучение во 2-й казенной мужской гимназии составляла уже 60 рублей в год⁷. В Алексеевском реальном училище в 1902 году плата за право обучения была повышена с 45 до 50 рублей в год⁸. Обучение в женских гимназиях всегда стоило меньше, чем в мужских учебных заведениях. Кроме платы за обучение, ро-

В Пермской женской учительской семинарии. 1909 г.

дители должны были обеспечить своего ребенка школьной формой, учебниками и всеми необходимыми учебными принадлежностями. Классы в гимназиях были переполнены. Рост числа учеников, а равно и желающих поступить в учебные заведения, происходил каждый год. В учебных заведениях открывались по одному, а то и по два параллельных отделения. Средняя школа в этот период впервые столкнулась с нумерацией классов по буквам (1а, 1б, 1с классы). В каждом классе было по 40–50 учеников. К 7–8 классу их оставалось порядка 20–30 человек. Однако при этом стоит отметить, что технология обучения в две смены, широко применявшаяся в советской образовательной системе, в дореволюционные годы не рассматривалась как возможная. Пермские школьники впервые были вынуждены столкнуться с такой организацией учебного времени только в 1916–1917 учебном году, когда некоторые школьные здания были отданы под госпитали для раненых воинов.

Но всего этого мы не найдем в Шурином дневнике. Зато мы можем узнать, как была устроена жизнь пермской учащейся молодежи за стенами учебных заведений. Мы можем узнать о круге интересов обычной молодой девушки, ее пристрастиях и особенностях оценки происходящих событий. То есть о том, что учеными принято называть жизненным миром. Этот жизненный мир для Шуры Лихачевой состоит из катания на коньках, регулярных походов в церковь, покупки новых кофточек, писем поклонника Васи из Казани, болтовни с подругами, любимой лампы, поклонов и приветствий Якова Субботина и других молодых людей, ссор с родителями, знакомств с новыми людьми и непроговариваемой уверенностью в том, что ее главная цель и мечта — выйти замуж и быть счастливой в браке.

За отправную точку реконструкции образа жизни гимназистки примем Шурино обучение в гимназии, хотя как раз про гимназию она пишет совсем немного. Иногда она указывает, что они делали письмен-

Мариинская гимназия

ную работу в классе по какому-либо предмету, один раз упоминает, что ее спрашивали на уроке. «Сегодня у нас была письменная по алгебре я не знаю верно или нет решила ... Нам велели приобрести книжечки как у реалов [ученики реального училища. — В.Я.] и гимназеров [гимназисты. — В.Я.]. Я купила. Говорят, что у нас весной будут форменные шляпы со значком»⁹. Три раза, пока она еще учится в пятом классе (1903–1904 учебный год), перечисляет четвертные оценки по всем предметам свои и своих подруг. По мере Шуриного взросления записей про гимназию становится все меньше и меньше, они вытесняются описанием романтических переживаний. Еще несколько раз она упоминает о гимназии в конце шестого класса (1904–1905 учебный год), когда над ней нависла угроза остаться на второй год: «На душе ничего хорошо. Да и о чем тужить, ну что же если и переэкзаменовка. Даже если и останусь ничего! Все сойдет!»¹⁰ ... В этот учебный год она активно знакомилась и встречалась с молодыми людьми и о своих проблемах в гимназии упоминает лишь вскользь: «Вчера Миша поцеловал мне руку. От обедни шла с Ленкой. Меня сейчас смущает физика. Ничего не учено»¹¹ ... Получила сегодня письмо от Васи. Достигла

чего добивалась, но ... все таки не то, что тогда. Меня смущает геометрия. Вдруг переэкзаменовка»¹². В седьмой класс Шура Лихачева была все же переведена.

Еще один очень важный контекст, в котором встречается упоминание об учебе в гимназии, — это революционные волнения осени 1905 года. В Перми, как и во всей стране, бушуют революционные беспорядки, но Шура Лихачева замечает только то, что она не может получить письмо из Петербурга (Яков к тому моменту окончил Пермское реальное училище и поступил в Петербургский технологический институт) от своего возлюбленного из-за забастовок. Про учебу в это время она упоминает дважды: «Забастовка. Не учимся. Не знаю когда начнем. Хоть бы скорее»¹³ ... Все еще не учимся»¹⁴. Революция попросту проходит мимо нее. По этому поводу можно высказать два предположения. Либо политические события были действительно настолько ей неинтересны и неважны, что она не считает необходимым о них упоминать. Либо по какой-то причине Шура Лихачева не считала возможным писать о них, как например, о ссорах с родителями, но об этом чуть позже.

Церковь является неотъемлемой частью жизни Шуры и всех, кто ее окружает. Она регулярно упоминает о том, что она одна или с кем-то ходила к обедне или к всенощной. Для нее это само собой разумеется. Однако нельзя сказать, что религия занимает какое-то особое место в ее жизни, она просто является ее обязательной частью. «Вчера ходила ко всенощной. Яша не был. Завтра пойду к учительнице музыки. Была у Веры. Яков только одну партию сыграл в крокет...»¹⁵ Была у Веры. Яков только здоровался. Вчера была у Лихачевых. Заходила к Вере. Ходили ко всенощной. Яков сидел в кухне, звала его ко всенощной, но он не пришел, впрочем и не обещался¹⁶...». Религиозная обрядовость для учеников средних учебных заведений имела и свои правила, о которых Шура тоже иногда упоминает. Так, например, ученики Реального училища (где учился Яков и его брат Михаил) обязаны были посещать определенную церковь «Яша ходит в Слудскую... и им нужно туда ходить обязательно...»¹⁷. В учебных заведениях перед началом учебного года обязательно служили молебны, на котором обязаны были присутствовать все учащиеся, учителя и приветствовались присутствие родителей. «Вчера у нас был молебен о здравии наследника, а сегодня перед учением...»¹⁸. Посещение служб в церкви нередко использовалось как повод для свиданий с молодыми людьми или просто общения с друзьями. «Сегодня ходила с Верой в церковь. Никого не видела... Леня хочет придти к заутренней к нам в гимназию. Вчера за всенощной было очень весело. Все время дурили с Веркой. То она меня вербой свиснет, то я ее... Скоро Пасха. Я очень довольна. Я очень люблю ходить к заутрене особенно хорошо идти обратно. На душе светло, хорошо. Леонид Николаевич собирается со мной христосоваться. И Яшенька тоже»¹⁹.

Из развлечений, которые доступны 15-летней ученице гимназии, у Шуры — театр, ученические вечера и акты в гимназии, балы и приемы у знакомых ее родителей. Все эти мероприятия (за исключе-

нием тех, которые устраивались в гимназии) разрешалось посещать только в сопровождении взрослых родственников. «Завтра иду в театр на Купца Калашникова. Ложу собрал из б, из нашего класса иду только я да Мухина. С нами пойдет Анна Яковлевна и Докучаева...»²⁰ Завтра думаю идти на вечер к Алиным Т.А. именинница. ...8 были с мамой у Алиных у них был наш директор Л.И. потом Алекс Нест [Александр Нестерович Зеленин учитель рисования в Мариинской гимназии, в дальнейшем известный пермский художник и иллюстратор. — В.Я.] с женой. Анна Яковлевна и другие не танцевали, но было весело. Домой пришли в 3 часа утра...»²¹. Пермь тогда была небольшим городом, поэтому на приемах в честь именин кого-либо вполне могли одновременно оказаться и ученики и преподаватели. Все были друг с другом знакомы, круг общения у людей, принадлежащих примерно к одному социальному слою был ограничен.

Но самое большое значение для гимназисток имели, конечно же, вечера в гимназиях, на которые приглашались учащиеся всех учебных заведений. Вести себя там нужно было совершенно определенным образом. «...12 октября. Сегодня был акт... Миши С. не было, а Яков был я ходила все время с Зинкой Б. и танцевала тоже с ней. Яков сначала все стоял у дверей... с реалами. Мы с Зиной шли он ей поклонился, а мне нет. Потом мы с Зиной танцевали потихонечку, протанцевали и вышли в коридор. На встречу нам попался Яков, он поздоровался со мной за руку и пригласил Зину танцевать. Я говорю Зинке чтобы она меня довела до кого-нибудь а то я останусь одна неловко. Она пошла Яков говорит: «ну пойдём же Зина!» а я ее тащу, потому что увидела Олю В. тащу, чтобы она меня довела. Яков наверно понял знак, что я будто рассердилась на него, зачем не меня пригласил и говорит ну пойдём те с вами Шура. Я ничего не сказала и побежала догонять Олю. Потом я стала гулять с Симой, с которой меня Надя Ш. познакомилась... кончилось и мне сказали, что меня ищет Зинка. Я пошла в зал и

Мариинская гимназия, выпуск 1900 г. Фото из фондов ПКМ

нашла Зину и стала с ней гулять, а Сима ушла. Потом мы с ней вышли в коридор нам опять попался навстречу Яков, в это время в зале начали готовиться танцевать... Он мне говорит: «Шура! Как вы изменились. Не узнаешь». В это время мы как есть были у дверей, и я зашла в зал с Зиной как бы не слыша, что он мне говорит потом он гулял все время с Надькой Головиной и танцевал тоже. На акте мне было весело, но я не этого ожидала. Домой мы шли с Анютой и Верой около часовни Стефана Великопермского сидел на скамейке Яша с двумя каким-то реалами. Я не поглядела даже на него. На душе у меня не совсем спокойно конечно от того что не танцевала я с Я.»²² Танцевать много считалось хорошим тоном, но большое значение имело и то, с кем именно танцевать «Вчера у нас был бал. Я хотя много танцевала, но вдвое меньше чем Зинка. Яков и Михаил меня приглашали. ...Верка

сказала мне, что Миша говорил, что я танцевала с отчаянья с техниками и торговиками [учениками Пермского технического железнодорожного училища и Торговой школы общества приказчиков. — В.Я.]. От этого мое радужное настроение испортилось...»²³

На протяжении всех трех лет, которые охватывает дневник, Шура влюблена в Якова Субботина. Яков то проявляет к ней внимание, то не проявляет, Шура тяжело переживает его равнодушие, но при этом она не ограждает себя от общения с другими молодыми людьми. Она активно знакомится, участвуя в той светской жизни, которая ей была доступна. Юноши оцениваются по двум критериям: эмоциональному (нравится — не нравится) и социальному статусу. «...Всех больше мне теперь нравится Коля Суслин гимназист 6

класса... и Спасская хочет меня с ним познакомиться. Я спрашивала, желает ли он со мной знакомиться, она говорит, что да. Потом говорит, что он меня знает и много гимназистов тоже знают. Мне кажется неправдоподобным, что он желает со мной познакомиться. Он так же как и я кудрявый. Вообще прелесть мальчик. Суслина я не могу назвать симпатией, но мне больше всех нравится. Я его считаю гораздо выше себя и буду считать за счастье знакомство с ним. Мне кажется только, что не познакомлюсь, уж больно я для него мизира... Горькое разочарование будет, если они мне наврали про желание познакомиться. Ах, хоть бы не так! Страшно желаю...»²⁴

Описание эмоциональных переживаний, связанных с мальчиками, является основным содержанием Шуриного дневника.

Почти каждый день она уточняет, кто является ее симпатиями, а кто просто нравится. Судя по контексту некоторых записей, свои симпатии они часто обсуждали с подругами, потому что иной раз она указывает, кто является симпатией Веры или Анюты. «Симпатия уже конечно Яшенька. Он вчера ходил провожать Анюту. Вот уж скоро 2 года, как он у меня симпатия»²⁵... Думаю, что моей симпатией будет Губанов. Только он на меня будет обращать нуль внимания»²⁶. «Симпатии нет, нравятся Суслин, Ковнацкий, Кириллов и Я. Субботин»²⁷. Указание на то, кто является ее симпатией, Шура всегда делает в самом конце записи за день, подводя таким образом его своеобразный итог.

Кроме того, что все искали себе симпатии, в гимназиях было принято за кем-либо «бегать». Скорее всего, под этим подразумевалось публично оказывать знаки внимания, признавая, таким образом, человека значимым для себя, подражать ему. Так выстраивалась если не дружеская коммуникация, то социальная иерархия в учебном заведении. Те, за кем «бегали», покровительствовали своим «протезе», мирили их с подругами или другими одноклассниками, а те, кто «бегал», оказывали мелкие услуги своим «патронессам». «Спаская за мной серьезно бегаёт. Мне приятно»²⁸... За мной ужасно бегаёт Вера Спасская. Я ей говорю, что бегаю за ее сестрой, но всего вероятней на самом деле наверно за ней. Ее сестра и еще Таранова (3 класс) за мной тоже бегают»²⁹... бегала за Коросулевой Симочкой. Потом мне нравилась Спасская, она бегаёт за Олей Вахрушевой. Теперь мне никто не нравится. Она меня помирила с Трухиновой. Очень жалко, что выпустила из рук Спасскую»³⁰... Бегаю за Надей. У Веры не была. Неделю помирились. На акте с Надей (сама), а сегодня она меня помирила с Гачеговой. Она кажется бегаёт за Зинкой...»³¹

Знакомились молодые люди на ученических вечерах и приемах, встречались потом в театре и в церкви, а также у пермской молодежи в начале XX века местом встречи был каток и несколько

кварталов улицы Сибирской, по которой они прогуливались туда и обратно. Вот примерно как могли развиваться подобные события: «Вчера у Веры не была, а была с учительницей музыки в благородном собрании на елке. Было очень весело. Меня Лиза познакомила с Воробьевым, он со мной танцевал вальс. Он меня пригласил. Я пошла вперед и оглянулась, а он говорит: «Вы думаете, что я такой ненадежный кавалер, что удеру?» «Нет, не думаю». Потом она еще познакомила с торговцем Скопиным. Я гуляла с Завадской, ко мне подходит Оля и говорит, что со мной желает познакомиться Ковнацкий. Потом он меня пригласил танцевать, я говорю «Вы почему мне кланяться не стали?». «Я право не знаю зачем перестал». Он потом со мной все время танцевал. Теперь он моя симпатия. Михаил был пьяный и говорил, Шура в вас Ковнацкий влюбился. Я танцевала еще с Мамоновым и потом еще какие-то маленькие приглашали с Шурой К. была почти все время. Скоро пойду к Алиным. Тетя сказала, что у них будут гимназеры. Я очень много разговаривала с Шурой, но мало помню. Он спрашивал, в котором я классе, почему не хожу на каток и еще много. «Мне говорят, что у меня противная физиономия» я говорю «Я не нахожу». Он хочет идти в четверг в театр. Я тоже, хоть бы пошла ужасно хочется его увидеть...»³²

На каток Шура все-таки иногда ходила. «Вчера я Вера и Зина ходили на каток. Со мной здоровались Ковнацкий, Ремяшников и Мамонов. Сегодня заходила к Вере. Яков здоровался и просил какую-то книгу. Завтра думаю к

ним идти, хотя не особенно хочется благодаря Михаилу. Симпатия кажется Суслин, а впрочем я не знаю не могу разобраться³³. ... Были на катке (Яков не пошел). Познакомились с Чермиловским и Уваровым. Плотников со мной все время гулял, начинал за мной бегать провожал до Шитловских. Сегодня в большую перемену ходили на Сибирскую видели Ув. Чер. Пл. все кланялись. Плотников меня провожал. Ходили в библиотеку там был Плотников. Я ему не позволила за мной бегать. Наверно не будет. А все таки мне жалко, что так скоро все кончила с ним³⁴. Функцию катка, как места встречи, в другие времена года выполняла улица Сибирская: «...Ходила с Анютой на Сибирскую. Шура подошел. Проводил до дома и отдал свою карточку, я тоже³⁵ ...В пятницу ходила на Сиб. с Анютой, а Зина с Верой. Видели Леню, но он не подходил ...Прошла раз по Сибирской с Соней и Маней, а потом с Зиной и Ксеньей К. подошел Леня. Провожал меня до Веры. Яков мне написал сочинение. Теперь всех больше мне нравится он. К великому огорчению Анютки Шурка слишком горд. Женька ничего себе, да компания мешает. Леня хвастается тем, что не дорожит жизнью. Ну и остается один Яшенька»³⁶.

Но не всегда барышни полагались на случайные встречи, они их могли и подстраивать: «...Я завтра хочу остаться списывать на 5 урок по естественной истории, чтобы увидеть Губанова. Не знаю исполнится мое желание или нет...»³⁷ Оставались с Зиной на 5 час, да только без успеха. Женьку нигде не видно...»³⁸.

О своей семье Шура почти ничего не пишет. Она очень редко упоминает о своих родителях и тех бытовых условиях, в которых она живет. Из ее записей можно только узнать, что отец часто слушает граммофон, а мать сидит в гостиной вместе со служанкой Варварой, которую они называют Вака. Самая содержательная и на многое проливающая свет запись о семье датируется 16 ноября 1905 года. Шура описывает свои разногласия с родителями, особенно с матерью, и упоминает о том, что разногласия эти постоянны, просто она по каким-то причинам не хотела о них раньше упоминать: «...Вот дело то какое ...старая песенка, а я о ней никогда не писала...». Шура довольно подробно описывает, как бы она хотела себя вести со своей матерью, и указывает, что тогда бы и они «...подумали что и «образованные» могут быть лучше их во сто раз, но увы!...»³⁹. Отсюда мы можем сделать предположение, что Шурино обучение в гимназии часто бывало предметом насмешек со стороны родителей, а значит, сами они, скорее всего, гимназии не заканчивали.

Так в переживаниях, радостях и горестях проходила жизнь обычной провинциальной гимназистки начала XX века. Я очень благодарна сотрудникам Пермского краевого музея: Татьяне Починовой — именно от нее я и узнала о существовании этого дневника, Елене Мамаевой — хранителю фонда документальных источников и многим другим за поддержку и внимание к моей работе.

Валерия ЯКОВЛЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии ПГИИИК

¹ Запись от 16 апреля 1903 г./ П.К.М. Дневник Александры Лихачевой ВХ 1993/646.
² Запись от 13 мая 1903 г.
³ Запись от 3 октября 1903 г.
⁴ Запись от 23 октября 1903 г.
⁵ П.К.М. Дневник Александры Лихачевой ВХ 1993/646, ВХ 1993/647.
⁶ П.К.М. Дневник Александры Лихачевой ВХ 1993/648.
⁷ Отчет 2-й мужской гимназии за 1914 год// ГАПК. Ф. 171. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.
⁸ Об увеличении платы за право учения в Пермском Алексеевском реальном училище в 1902 году// ГАПК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 223. Л. 1.

⁹ Запись от 10 октября 1903 г.
¹⁰ Запись от 10 апреля 1905 г.
¹¹ Запись от 24 апреля 1905 г.
¹² Запись от 9 мая 1905 г.
¹³ Запись от 21 октября 1905 г.
¹⁴ Запись от 12 ноября 1905 г.
¹⁵ Запись от 22 августа 1904 г.
¹⁶ Запись от 30 августа 1904 г.
¹⁷ Запись от 7 октября 1903 г.
¹⁸ Запись от 17 августа 19904 г.
¹⁹ Запись от 10 апреля 1905 г.
²⁰ Запись от 19 октября 1903 г.
²¹ Запись от 7 октября 1903 г.
²² Запись от 12 октября 1903 г.
²³ Запись от 1 декабря 1903 г.
²⁴ Запись от 26 августа 1904 г.

²⁵ Запись от 14 октября 1904 г.
²⁶ Запись от 1 декабря 1903 г.
²⁷ Запись от 25 января 1905 г.
²⁸ Запись от 10 сентября 1904 г.
²⁹ Запись от 13 ноября 1904 г.
³⁰ Запись от 12 декабря 1904 г.
³¹ Запись от 30 ноября 1904 г.
³² Запись от 27 декабря 1904 г.
³³ Запись от 22 января 1905 г.
³⁴ Запись от 31 января 1905 г.
³⁵ Запись от 27 февраля 1905 г.
³⁶ Запись от 24 марта 1905 г.
³⁷ Запись от 1 декабря 1903 г.
³⁸ Запись от 21 марта 1905 г.
³⁹ Запись от 16 ноября 1905 года// П.К.М. ВХ 1993/648.

Серафима и Степан Бортник

Н и дневников, ни каких-либо записей я никогда не вела. Но сейчас, когда жизнь клонится к закату (уже 85)¹, все чаще всплывают в памяти кадры-картинки прошлого. Решила, буду их фиксировать, пусть это будет дневник воспоминаний, запоздалый дневник давно прошедшего детства и юности².

«И ВОТ НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ...»

Из дневника воспоминаний Серафимы Павловны Бортник: 1930–1940-е гг.

1932 год. Усолье

Ранняя весна. Родной дом недалеко от берега. Кама разлилась, затопила огород и палисадник. С первого этажа, где располагались кухня и сапожная мастерская, все вещи уже убраны на второй. Утро, просыпаясь, слышу, как в стену дома легонько постукивает лодка. Значит, вода зашла в дом ночью, вечером она уже едва шуршала в подвале. Мама зовет завтракать, едим кашу с лепешкой. Наконец открывается окно, я с сестрой и младшим братом аккуратно садимся в лодку и едем в школу. На уроках мучает одна мысль: быстрее домой — кататься на плотах.

Через две недели вода спадает. Нанимают работников. Моют стены и чистят пол, предварительно присыпанный дрсевой³, тупяками⁴. Дом сияет чистотой. Открывают окна, все сохнет. Спрашиваю папу: — Почему наш дом дед построил так близко к реке?

— Не о реке думал, о рынке. Люди были торговые, чтоб товар далеко не возить, ваш дед выбрал это место у поля, на улице Остров Рубеж.

Вообще-то затапливало не так много домов, но наш всех сильнее.

Утро. Просыпаюсь от монотонного голоса за стеной, слышится: «Ду-ду-ду-ду». Там комната бабушки. Она больна, не ходит. Но по утрам, когда к ней заходит дед, она дает ему полное распоряжение на день. Мама говорит: — Старая привычка, от прежних времен. Аполинария Николаевна гимназию окончила, вела бухгалтерию по лавке и мастерской, привыкла командовать серьезным хозяйством. Сейчас уже все не то... В мастерской только сыновья, да два наемных работника. Дед ее уважает, без своей Аполинарии никуда.

— Симочка, ты учишься, грамотный человек сам себе хозяин. Как я хотела после школы поступить в гимназию, тятенька не разрешил. Сказал: «Женщине образование не надобно». А вот сейчас я очень жалую, что не выучилась.

Мама. Сажу в светелке около мамы. Окно открыто, смотрю в него и замечаю ребят из детско-

го дома, в красных демисезонных пальто. Говорю:

— Смотрите, мама, у них есть еще одно пальто, кроме зимнего.

— Так ты что, Симочка, в детский дом хочешь?

— Нет, что вы, мама, конечно, не хочу.

Дочь папиного брата замужем за сотрудником ГПУ Кисиним. Люди они очень обеспеченные, а детей нет. Я им нравлюсь, они часто берут меня к себе погостить, просят у мамы отдать совсем. Мама не отдает. Да и мне у них тоскливо. Я говорю маме:

— У нас так весело: Лидка Полину бьет, Полина Сергея⁵.

Первое мая. С подружками идем на площадь. На возвышении сколочена сцена, на которой разместились духовой оркестр. Старший брат Александр играет на трубе. Я, увидев его, восторженно кричу: «Шурка!».

В этом году весна поздняя, снег на северной стороне еще не растаял, кругом огромные лужи. На мне белая льняная жакеточка, поскользвываясь на снегу и падаю в лужу.

Лето. Я в пионерском лагере. Расположен он в старой школе села Пыскор. Оставлена на вторую смену, домой нельзя — в семье тиф. Таких, как я, три человека, повар специально для нас не готовят, дают сухим пайком — сметану и хлеб. Эту сметану уже не могу видеть, отдаю собаке. Из дома передали деньги, покупаю козье молоко, пью, очень нравится.

Наконец день «заезда», приехали ребята, человек сто. Устраиваются, знакомятся. Мне хочется быть нарядной, из носового платка выкраиваю белый воротничок, пришиваю к платью черными нитками (других нет) прямо через край. Подружилась с Ниной и ее братом. Всюду ходим вместе. Оказалось — не положено. Вызвали на совет вожатых, стыдили, называли «невестой». А вообще — весело, ходим купаться на Каму, играем в чижика и лапту. Нас водят в лес за земляникой и грибами. Из грибов повара варят вкусный суп.

Зима. Мы с сестрой Лидией стоим у нашей бани и ждем прадеда. Наконец он выходит, желаем ему: «С легким паром!», усаживаем в санки и везем через двор к дому. Дед Филипп гостит у нас уже полгода. Спрашиваем его:

— А почему вы не переедете в Усолье насовсем?

— Да что вы, голубушки, как я перееду, ведь у меня в Сарапуле одной медной посуды — баржа! — шутит он.

Коньки. Полой⁶ застывает очень ровно, старшие ребята регулярно его чистят от снега, и вся округа катается на коньках. Тут же делается ледяная горка. У меня «фигурки» на валенках, у брата Александра — «норвежки» на ботинках. Малыши катаются до полного оледенения, иду домой, когда пальто уже буквально встает ледяным колоколом.

1933 год.

Рождество. Вхожу в дом с парадного крыльца, поднимаюсь на второй этаж, слышу в столовой запах новой клеенки. Значит, зав-

тра Рождество. Мама каждый год к этому дню приберегала новую клеенку. В зале стол застелен чудной черной филейной скатертью, шитой малиновыми гарусными розами (работа монашек). Вечером родители идут в церковь к всенощной, нас с собой не берут. Днем праздничные пироги. Елки нет, не ставили.

На следующий день все садимся за стол и, делая спокойные лица, с нетерпением ждем. Мама печет пирожки. Ею была заведена особая очередь — каждому по сковородке, начиная с младших. Пирожки кажутся абсолютным чудом. Откуда взялись белая мука и масло? Звучит загадочное слово Торгсин⁷, почти все мамыны колечки и сережки уже там. В обмен на золото — продукты. Мама печалилась, что взвешивают только золото (как она говорила, камушки — рубинчики, изумрудики, сотрудник изымал бесплатно и забрасывал в ящик стола).

Школа. Преподаватели все очень культурные, из «бывших». Мой любимый предмет — математика. По устному счету я первая в классе. Успеваю посчитать, пока поднимаю руку. Называются не классы, а группы. Оценки за четверть выводят голосованием. Группа всегда голосовала за меня как за ударника по математике.

Очередь. Мама всю ночь дежурила в очереди за тканью, утром прибежала за нами. Бежим, встает в очередь и ждем. Начинаю мерзнуть, думаю про маму: как же она стояла всю ночь, прыгаю, чтобы согреться, и молчу. Наконец получаем на карточки по пять метров пестренького ситца. Мама шьет мне новое платье, братьям рубашки. Старшим одежда перешивалась из папиных сюртуков, в ход шел даже подклад (благо, что рост у папы 195 см).

Пасха. Кухня. Мама с помощницей хлопочут со стряпней. Будет три пирога: с мясом, рыбой и открытый, в решоточку с курагой. Я с младшими братьями на русской печи, сидим и ждем заветно-

го момента, когда дадут облизать посуду после начинки для пирогов. Видим, как из печи достают огромный кулич, он остывает на столе, а для него уже готово блюдо с проросшим овсом. Достают из кастрюли крашеные яйца и раскладывают на полотенце сушиться. Поздно вечером родители уходят к всенощной.

Утром во двор выносят маленький высокий стол, покрывают красивой салфеткой, на нее ставят пироги и яйца, детей не допускают, мы смотрим издали. Приходит священник, святит пищу, благословляет присутствующих, получает небольшие дары. После его ухода все заносят в дом. В столовой начинается праздничный пасхальный обед. Пироги сказочные. Опять Торгсин.

Старший брат Александр

Семья Фофановых. Усолье, 1931 г.

Застолье продолжается, но уже без детей. К взрослым разговорам детей не допускали.

Троица. День очень теплый. Мама командует собираться на чай на Каменскую гору (сейчас там городские кварталы). Очень весело. Папа несет самовар, мама в специальной корзине пироги, старший брат посуду. Спиртного в такие дни с собой не брали. Приходим, все раскладывается на скатерти. Самовар заполняют водой из ключика, растапливают шишками. С нетерпением ждем, когда вскипит. Степенно пьем чай со стряпней. Рядом располагаются соседи. Родители с ними беседуют. Мы с ребятами, спустившись пониже, затеваем игру в мяч.

Постояльцы. Первый этаж, где раньше была мастерская, сдали постояльцам. Это китайцы. Ведут себя очень дружелюбно. Торгуют на рынке одеждой, привезенной из Китая, бумажными игрушками, веерами. Моим сестрам подарили красивые пуховые кофточки. Через два года уехали.

1936 год.

Рыбалка. В чулане стоят две огромные бочки соленой рыбы, одна с простым засолом, другая с сиговым. Это папина заслуга, он заядлый рыбак. Относится к этому делу крайне серьезно — сам зимой плетет сети, делает из ивовых веток «морды»⁸ и другие снасти, весной готовит лодку. Человек он добрейший, но, когда дело касается рыбалки, требует беспрекословного подчинения (еще он не терпит долго спящих). В дни, когда старший брат занят, на рыбалку обязаны идти девушки. Особенно доставалось Лидии, как более крепкой. Надев специальные болотные сапоги, она шла по другую от папы сторону сети, а мы с Полиной баграми загоняли рыбу. Продвигаемся вдоль реки, при этом я мечтаю, чтобы нас никто не увидел — мне неудобно, все-таки это мужское занятие. Лидия же ведет себя иначе — идет, гордо подняв голову и величественно озирая окрестности. Я ее спрашиваю:

— Ты что?

— А ты что, не видишь — я королева, смотри, какой у меня длинный шлейф, его несет паж. А вы мои слуги.

— Лидия, ты, видно, совсем зачиталась Вальтером Скоттом, а в драматический кружок тебе ходить вредно, — заметила я.

Охота. В семье два ружья: легкое дамское и тяжелое мужское. Пока сыновья были малы, с папой на охоту ходили дочери, чаще Лидия. Да и большая темно-рыжая охотничья собака к Лидии относилась с особым вниманием. Бить уток ездили на лодке в дальнюю сторожку на брошенный хутор. На ночлег там обычно собирались несколько человек. Папа строго предупреждал: «Мужики, сегодня не выражайтесь, я тут с дочкой», и мужики сдерживались. Рано утром шли на уток в лес на озера. На воду садили специальную пустую утку для приманки. Папа тихонько командовал Лидии: «Не дыши!», это означало, что нужно стрелять. Собака приносила уток из воды.

Днем идут на рыбалку, на Каму. Лидия тянет лодку бечевою, папа правит одним веслом к месту рыбалки, в сторону Пыскора. На месте расставляют сеть с грузилами.

Рыбаки-охотники наконец дома. На папе висят три утки, спущенные из пещура⁹. Лидия сообщает: «Привезли два ведра рыбы». В руках у папы кусочки сахара, все в прилипших травинках. Он отдает его младшим детям со словами: «Это вам от зайца», те действительно верят, раньше верила и я.

1938 год.

Осень. Старший брат Александр должен идти в армию. Мама готовит провода. Меня посылают на фабрику-кухню в Березники, купить белугу, будут стряпать пироги. Александр — мой любимый брат. Мы с ним особенно понимаем друг друга, несмотря на разницу в возрасте. В день зарплаты Шура вел меня в магазин и спрашивал, каких конфет мне хочется, а я неизменно выбирала цветной горшок. Ему хотелось угостить меня лучше, но я стояла на сво-

ем. Часто бегала в Городской парк послушать, как он играл на трубе в духовом любительском оркестре, посмотреть, как ребята постарше танцуют.

Вместе с братом уходил в армию и его друг Вениамин. Он, очевидно, влюблен в нашу сестру Полину, вечером пришел с ней проститься; просит фотографию, Полина не дает. Я говорю: «Венька, возьми тогда мою карточку». Он смеется.

Вскоре брат прислал фотографию, на ней надпись: *07.09.1938 г. Владивосток. Краснофлотец Тихоокеанского флота Александр Павлович Фофанов*. Через год он писал, что назначен боцманом на торпедный катер.

Больше мы с ним не виделись. Он погиб под Ленинградом, куда их перебросили с Тихоокеанского флота.

1940 год.

Лето, каникулы. Едем с подружками втроем на пароходике в Пожву, в гости к Аниной бабушке. Дом поражает абсолютно прозрачной, звенящей чистотой. Весь в белоснежных, жестко крахмаленых шторках и занавесках, даже на кухне, по верху печи. Непривычно пахнет кофе. Оказывается, бабушка служила прачкой у графа Львова, а дед — истопником. Он с одной рукой — потерял на фронте в 1915 году. Бабушка рассказывала, что хозяйка была строга, на нее гладить не просто, если какая замятинка — бросит в переделку. Вот и привыкла все делать идеально.

Гуляем в парке. Он необыкновенно красив. Пошел дождь, и вдруг вышла радуга. Сняли босоножки, бегает по траве босиком. Восторг!

Мама, как много с ней связано. На берегу стоят соляные амбары. От них в песке, не доходя до реки, — небольшие озера. Все младшие школьники бегают купаться именно туда. Озера глубокие, но вода теплая и берега пологие. В самой Каме плавают ребята уже покрепче. Мои старшие брат и сестра — Лидия и Александр переплывают на другой берег. Первый раз и я

Подруги. Серафима слева. Усолье, 1940 г.

плыву с ними. Устала, легла спиной на воду, отдыхаю. Ну вот, теперь можно дальше...

Потом уже плавала с одногодками.

Ноябрь. Настроение приподнятое. (Мама сшила из черного атласного подклада папиного сюртука новое платье.) Бежим в школу, нужно идти на демонстрацию. Забегаем с Ольгой Халевиной к нашей третьей подруге — Ане Шелонцевой. Ждем у ворот. Появляется Аня. На ней новое пальто. От неожиданности застываем на месте: настроение падает. Обида не от нового пальто, а оттого, что не сказала.

1942 год.

Осень. Родители с двумя младшими детьми уехали в Керчево. В Усолье стало очень голодно, папа считал, что ближе к сельской местности будет легче. В Керчево он решил работать бакенщиком и шить обувь на деревенских, те расплачивались овощами и зерном. Позже рассказывал, что однажды зашел в глухое село, где люди настолько поизносились, что один молоденький паренек работал на поле в юбке из грубого мешка. Мешок такой, что выкраивать из него бесполезно, вот он юбку до пола и смастерил. Папа сокрушается: «Начудил, так начудил!».

Старшие сестры уже жили со своими семьями в Березниках. Ольга работает замдиректора по хозяйственной части калийного комбината, в числе других обязанностей она подписывает продуктовые и продовольственные карточки работникам. Но даже и речи не могло быть о какой-то помощи нам. Кроме того, она партийный секретарь. Муж Ольги имеет бронь, работает начальником цеха. Лидия работает в лаборатории, а муж ее на фронте. У каждой из них по двое детей.

Мы с сестрой Полиной остались в Усолье в родительском доме. Я продолжаю учиться в школе, пошла в девятый класс, Полина работает телефонисткой. Мне как школьнице, Полине — на производстве дают карточки. На них можно купить крупы, хлеб, сухие грибы.

Перед отъездом мама как могла позаботилась о нас — нашла квартирантов на первый этаж, их небольшие деньги должны поддержать нас. Квартиранты мне кажутся людьми очень странными, не знаю, откуда они появились в нашем городе. Это семья татар: муж лет на двадцать старше жены Фатимы, маленькая дочка и работник Осип. Фатима часто болеет, в это время зовет меня и просит подать ей пить. Потом она говорила:

«Как Симочка даст попить, я сразу же поправляюсь». Они были необыкновенные трудяги. Всю осень ходят за грибами и ягодами, обычно очень далеко, с ночевой. Приносят каждый по две огромных корзины (на коромыслах). Большую часть продавали на рынке, этим жили.

Глядя на них, я решила заработать себе денег на дорогу до института и первый год жизни там. Попросила Фатиму взять меня с собой. Едем речным трамваем до Орла на другую сторону Камы, потом идем 3 км пешком до болота. В единственных туфлях по лесу идти жалко — снимаю, иду босиком, едва успеваю. Ночью спим у костра, только рассвело — начинаем собирать бруснику или клюкву. Возвращаемся домой, я тоже несу две корзины. Сижу реву. Оказывается, я не могу заставить себя идти на рынок продавать ягоды — стыдно. Пошла к сестре Лидии, прошу ее. Она сжалась, согласилась. стакан — 1 рубль. Ведро — пятьдесят стаканов. Всю осень, когда удается, хожу с квартирантами. Деньги не трачу.

Весна. Сижу, ем затируху (ржаная мука, заваренная в кипятке). Прибежала Архиповна — мамин приятельница, поднимаясь на второй этаж, запыхалась, не отдышавшись, кричит: «Сима, иди скорее, там на угол ваши квартиранты выкинули зеленые капустные листья. Ты их собери, посолишь, будешь щи кислые варить». Бегу, собираю, солю.

Радио. Сестра Полина договорилась: к нам в дом провели радио. Через день прихожу, в комнатах все перевернуто, стоящих вещей не осталось. Особенно жаль красивое постельное белье, скатерти, шали работы монашек (из маминого приданого). Сестра осталась без верхней одежды, да к тому же еще именно в это время потеряла продуктовые карточки. Через неделю Полина увидела женщину в своем пальто, пошла за ней, та привела ее к дому радиомонтера. Милиция ничего не смогла сделать...

1943 год.

Весна. Только что прибежала из школы. Скорее открываю портфель, достаю математику, смотрю, что задано, и, не удержавшись, тут же решаю. Теперь можно и спокойно что-то сварить. Обедаю — ем суп из редьки и думаю: «Нет, ни за что не буду есть такой суп всю жизнь. Обязательно поступлю учиться, вот и мама говорит: «Учитесь, девки, будете самостоятельными, я до сих пор жалею, что тятенька отговорил меня учиться». Часть супа оставляю Полине, она вечером придет с работы, да и себе на ужин. Бегу на дежурство в госпиталь. Обрабатываю и перевязываю раны, уже не боюсь. Бегу домой. Ужинаю. Доделяваю оставшиеся уроки. Хорошо, что с меня, как с малоимущей, деньги за обучение в старших классах не берут.

Выпускной. Сестра где-то достала черный шелк, сшила мне платье с вырезом «каре», по нему рамочкой вышила цветочки. На чердаке, из старых дедовых запасов нашли кожу. Заказали туфли, как тогда было модно — сандалеты. Я счастлива, иду на выпускной вечер. Настроение веселое, я много танцую, много приглашают на фронт, девушки — работать, я окончательно решила учиться дальше.

Август. Собираюсь уезжать, поступать в институт. Одноклассница Нина получила «вызов» в Алма-Атинский сельскохозяйственный институт. Наши школьные подружки уже год, как учатся в Ташкентском текстильном институте. Они пишут, что им нравится. Я уговариваю Нину ехать в Ташкент, ведь у нас нет ни теплых шуб, ни валенок. Нина соглашается. Недолго думая, исправляем «Алма-Ату» на «Ташкент», вписываем свои фамилии и отправляемся с этим «вызовом» в паспортный стол за разрешением. Все сложилось хорошо. Получаем разрешение. Теперь уже можно идти на вокзал за билетами.

Из Керчево приехала мама, привезла сушеную картошку (как

чипсы, но без жира). Повидалась со мной, одобрила мое решение, но с тяжелым сердцем сказала: «Симочка, помочь тебе мы не сможем». Мы с ней съездили в Березники к сестрам, я попрощалась надолго.

Складываю вещи в плетеную квадратную корзину с крышкой и замком. Полина отдала мне свою полудошку¹⁰ из колонка (стриженного под норку). Деньги, заработанные за два года на ягодах, зашиваю в бюстгальтер.

Дорога. До Челябинска едем через Свердловск в общем вагоне. Полки второго уровня, опускаюсь, соединяются вплотную — можно спать втроем. В Челябинске пересадка. Идем компостировать билеты, вещи доверяем солдатам-фронтовикам, они гораздо честнее гражданских пассажиров. От Челябинска до Ташкента билеты только в товарный вагон. Заходим, внутри поперек вагона установлены деревянные лавки без спинок, проход с одной стороны. Люди сидят вплотную; дремлем на плече друг у друга. Едим хлеб с кипятком. На остановках пассажиры выскакивают и бегут в двух направлениях: под вагон — в туалет, на вокзал — за кипятком.

Ташкент. Приехали вечером в воскресенье. Никого не найти, решили: ночуем на вокзале. Утром в понедельник идем в институт. Вдоль улиц у частных домов горят костры. На них в больших казанах варят плов и тут же порциями продают. Плов на вид очень красивый. Спрашиваем цену. Говорят: «Два с полтиной» Мы в недоумении. Оказывается это местная традиция. Реальная цена 25 рублей. Для нас это дорого.

Идем дальше, наконец общежитие текстильного института. Ищем усольских девушек. Они нам сообщают, что в общежитии мест нет. Советуют идти на улицу Воровского, там, в ФЗУ мукомолов, расположен эвакуированный Одесский институт мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства им. И.В. Сталина. В общежитии есть места, а самое

Студентки первого курса Одесского института мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства. Ташкент, 1944 г.

главное — там кормят обедом: на первое дают затируху, и даже бывает второе. Отправляемся туда.

Поступление. Находим деканат. Представляем аттестаты. По физике и математике у меня пятерки, поэтому сразу, без экзаменов, зачисляются на механический факультет. Мужчин-студентов для этого факультета не хватает, я соглашаюсь.

Институт расположен в двухэтажном здании: внизу аудитории, сверху живут преподаватели с семьями и студенты. Нас селят в бывший актов зал. В нем оборудованы две комнаты: первая — бывший зал, вторая — бывшая сцена, между ними деревянная перегородка, а внутри перегородки-занавески, из самых разных тканей. В зале живут 36 человек, на сцене — 14. Нас селят на сцену.

Осматриваемся. Студентки-одесситки очень странного вида, многие в возрасте, лет за 30. Пока еще не понимаем, зачем они решили учиться. С мужчинами все яснее — это бывшие фронтовики с ранениями, чаще нижних конечностей.

Перегородка очень слабая, по сути, вместе живут 50 человек. Слышно каждое слово. Из соседней комнаты раздается своеобразный одесский говор:

— Тетя Бэла, послушайте, я шла с рынка и встретила настоя-

щего мужчину! (видимо, это говорит одна из возрастных студенток).

— Соня, говори громче, кого ты встретила?

— Это такой красавец! Он так на меня посмотрел!

— Соня, что же ты опять в этих рваных тапках ходила и худых чулках, ведь ты такая симпатичная!

Из другого конца комнаты слышится:

— Кто за меня вынесет помойное ведро, даю три рубля! (Это Тома из Магнитогорска, ей родители всегда присылали достаточно денег.)

Ни водопровод, ни канализация не работают. Туалет на улице у невысокой каменной стенки.

Занятий пока нет. Я устроилась работать в институте истопником. Работа заключается в том, чтобы в титане, который стоит на улице, все время была кипяченая питьевая вода. Первый раз, растапливая, положила дрова в поддувало, пошел страшный дым. Прибежали ребята, научили дрова класть выше.

Хлопок. В конце августа едем в колхоз на хлопок. Размещаемся в палатках прямо на поле. Работа — рыхлить хлопок. Землю рыхлим кетменем, весит он килограмм до пяти. От бесконечных поливов земля закаменела, обработать ее нелегко. В обед купаемся в арыке. Вода мутная, желтая, глубина

не более метра. В перерыве бригадир-узбечка поит нас чаем. Мы приговариваем: «Апа, бар чай!!» («Тетя, дай чай»). Работали до конца октября.

Институт. Начинаются занятия. Тут только становится понятно, куда я поступила, что такое механический факультет. Тут вам и детали машин, и электротехника, теплотехника, строительное дело, черчение, коллоидная химия, неорганическая химия, органическая химия, фармакология, телефонная связь и т.д. Некоторые предметы просто вызывают недоумение, почему мы их должны изучать, например — фармакология, телефонная связь (особенно упорно изучали полевую). Со временем все становится ясно, просто все хотят жить, в том числе и преподаватели. Вообще институт очень сложный. Оказывается, изучается такой набор предметов, что выпускники могут работать инженерами почти на любом предприятии, вплоть до строительства промышленных зданий.

В Ташкент вывезена почти вся библиотека вуза, частично лабораторное оборудование, поэтому качество обучения терпимое.

В ноябре становится очень прохладно. В аудиториях начинают топить буржуйки. Иногда выдают кипак¹¹. Мы разводим его водой, делаем лепешки и потихоньку сушим на этих печках прямо во время занятий.

Хлебный паек нам назначен первоначально 600 граммов. Приняли решение отказаться от 100 граммов пайка в пользу голодающих ленинградцев, получилось по 500. Хлеб выдают сразу на комнату, ходит дежурный с мешком, тут же расплачивается. На хлеб общая касса от комнаты, кто в нее задолжает, идет сдавать кровь. Но есть такие студенты, кому из дома исправно посылали деньги. Меня выбрали делить буханки на пайки. Сообразила сделать весы: перекладина и на веревках две фанерки. Делила очень точно, чтоб никого не обидеть последнюю порцию брала себе. Когда узнала, что «История

ВКПб» весит 450 граммов, стала пользоваться ей, как гирей, оказалось, нам каждому не доведется по 50 граммов.

Стипендия 180 руб. Изредка можем позволить себе купить на рынке хлеб, густую манную кашу или черепашков суп (очень похож на куриный). Иногда меняем свой хлебный паек на трехлитровый бидон абрикос. При этом главное — смотри в оба, чтоб беспризорники не схватили хлеб. И все-таки постоянно хочется есть. Сдаем кровь, есть ребята, которые сдают даже по два раза в месяц. Я решаюсь только по одному, очень кружится голова. Да и «ягодных» денег еще немного осталось.

Преподаватели выглядят не лучше студентов, особенно одинокие пожилые мужчины. Практически всем им за 50 лет, молодые ушли на фронт. Особенно важный, истощенный вид у Бориса Исаевича (прозвище Бенчик). Он всегда настолько голодный, что если куда-то уходит во время обеда, то оставляет нам свой котелок со словами: «Первое и второе сложите вместе». Борису Исаевичу любили сдавать зачеты неуспевающие. Они угощали его горячим чаем, он разморенный дремал, а те спокойно списывали. Однажды какая-то группа принесла к чаю пирожки. Преподаватель взбодрился, стал очень быстро вызывать без подготовки, так что многие не смогли сдать экзамен.

1944 год.

Весна. С каждым днем становится все теплее. 10 апреля 1944 года войска 3-го Украинского фронта освободили Одессу. У преподавателей и студентов-одесситов настроение приподнятое — конец эвакуации, скоро домой. Я, безусловно, рада нашим победам, но в Ташкенте теплее... Часть преподавателей тут же уезжают в Одессу для организации восстановления вуза. Сдаем экзамены. Каникулы отводятся на переезд в Одессу. Домой никто не едет.

На первый курс в общей сложности было зачислено около 100 человек, к концу года осталось меньше шестидесяти. Одни ушли в

армию, другие отчислились по семейным обстоятельствам, третьи бросили учебу, не выдержав бытовых условий.

Июль. Институту предоставлен состав для переезда в Одессу. Число странных возрастных студентов резко увеличилось. Это одесситы. Они нашли такой вариант возвращения домой.

На дорогу нам выдали сухой паек — по 5 кг муки. Часть ее продаем, покупаем что-то из продуктов. Самые осведомленные закупили соли, потом всю дорогу на остановках меняли соль на фрукты и даже пуховые платки. Наша комната, как всегда, ничего не знала...

Одесса. Приехали мы буквально на пепелище. Перед нами сгоревшие здания учебных корпусов, учебной мельницы, домов преподавателей. Разрушен лабораторный корпус, оборудование разграблено. Здания без крыш, оконные проемы пустые. Конечно же, нет отопления, электричества; водопровод и канализация отсутствуют.

Мы включаемся в восстановление общежития и лабораторного корпуса. Общежитие большое, можно расселиться в комнаты хоть по одному. Объединяемся, кто с кем сдружился, и выбираем наиболее пригодные для жилья комнаты, ремонтируем их. В нашей комнате пять человек. Ремонтируем рамы, недостающие стекла вынимаем из свободных комнат и других зданий. Только зимой поняли, что нужно было занимать помещения подряд, чтоб было теплее.

Пока продукты не подвозят, нужно стоять за хлебом в нескончаемых городских очередях. Одеваемся получше — шубки, модные резиновые ботинки (очень низкие, в каблук вложены картонки) пытаемся проскочить вне очереди. Иногда удается.

Наконец организован подвоз хлеба в институт. Одну комнату выделили под приемный пункт хлеба, начали выдавать пайки. Зал, где находилась столовая, разрушен. Восстановить его очень

сложно, поэтому к общежитию делают пристрой. Начали кормить обедом — баландой из кукурузной муки и какого-то жира. Свои пайки хлеба мы можем съесть сразу, поэтому выбрали от комнаты хранителя — Валю Лосевую. Она держит его под замком и выдает по кусочку три раза в день. За обедом мы просим: «Валя, не наелись, дай еще!», она не дает, мы начинаем наступать: — Это ведь наш хлеб, немедленно давай сюда. — Ничего не получите! — говорит она. — Вечером что есть собираетесь? — и убегает.

II курс. Начались занятия. Уже восстановлено около десятка лабораторий, три кабинета, студентов со всех курсов набирается человек 400. Нормальных аудиторий не хватает, но все-таки занятия идут. Началась зима — сырая, промозглая. Хорошо, если в аудитории есть буржуйка, а если нет, чернила замерзают, писать невозможно. Учебные предметы очень серьезные, нужно вечером готовиться, вместо электричества пользуемся коптилкой на

Одесса, 1947 г.

Одесса, 1948 год.
Третья слева Серафима,
четвертый — Степан Бортники

масле. Все лица закопченные, особенно почему-то носы, вода замерзла, умыться нечем. Студентов, накануне побывавших в бане, сразу же видно.

Одна из девушек прокопчилась почти как беспризорник. Ее девчата спрашивают: «Почему в баню не идешь?», она отвечает: «Денег нет». «Так пойдем с нами, мы тебе 25 копеек дадим». Она идет. Оставшиеся в комнате вспоминают, что ведь ей из дома прислали козий пух, она вяжет шали, и недавно одну продала. Открывают чемодан замарашки и обнаруживают 2 тысячи рублей.

Лидия написала письмо, что раздобыла мне валенки и выслала почтой. Получаю посылку, валенок нет — вытащили.

Лестница. Наша комната счастлива — мы раздобыли буржуйку! Теперь главное — иметь дрова. Это почти неразрешимая задача. Удачно, если в аудитории паркетный пол. Садимся туда, где уже не хватает досочек, и

незаметно всю лекцию носком ботинка выбиваем следующую паркетину. Потом что-то роняем и поднимаем, прикрыв досочку. Прячем ее под пальто и незаметно, чтобы в коридоре не увидела швейцар, несем в комнату.

На улице уже ни заборов, ни деревьев нет. И вот просто-таки небывалая удача! На площадке перед корпусами института мы с девчонками увидели огромную деревянную пожарную лестницу, метров 15. Она состоит из трех частей, соединяющихся между собой особыми металлическими крючьями.

Не сговариваясь, хватаемся, разъединяем по частям и смотрим, куда нести прятать до вечера. Поблизости подвал разрушенного корпуса, тащим туда. Идем к сторожике столовой, просим пилу. Вечером потихоньку пилим, но встает вопрос: как теперь ее пронести в комнату через коменданта общежития? Решаем ждать, когда пойдут ребята со спектакля оперного театра.

Театр не разбомбили, каким-то чудом этот красавец хорошо сохранился, и мы обожали в него ходить. Особенно нравилась постановки «Евгений Онегин» и «Риголетто». Цены были доступные, и мы буквально все стали здесь балетоманами. Ходили всегда большими группами. Да и в кинотеатр «Бомонд», находившийся рядом, также ходим компанией. По одному вообще не принято выходить в город, очень опасно.

Слышим голоса возвращающихся, просим прикрыть нас. Проносим «дрова» в комнату. Растапливаем печку и блаженствуем до утра, не забыв прикрыть трубу в форточке банкой, чтоб подольше сохранялось тепло.

Утро, мы еще дремлем, прибегает Тинка (ее отец замректора по хозяйственной части) и сообщает, что кто-то украл пожарную лестницу. Отец собирается организовать поиск, у кого найдут, сразу же отчислят. Мы признаемся Тинке, что это мы, и в ужасе соображаем, что же теперь делать, ведь у нас еще большой запас переключков. Тина подсказывает: «Выбра-

сывайте все из чемоданов и складывайте туда, в чемоданах искать не будут». Мы так и поступаем. Сидим, замерев, с совершенно бледными лицами. Комиссия заходит, кто-то говорит: «Да нет, у них не может быть!». Мы выдыхаем, комиссия выходит.

Вечером крадемся в заветный подвал, но там уже ничего нет. Обидно!!!

1945 год. Весна

Практически восстановлены все лаборатории, кабинет проектирования, черчения, начертательной геометрии и рисования. Я вспоминаю своих усольских учителей с благодарностью, мне сейчас легко учиться.

Корпуса, не подлежащие восстановлению, разобраны. Территория принимает культурный вид. По утрам уже работает дворник. Поставили движок, есть электричество. Восстановлен водопровод. Директор издал приказ: «Помои из окон не выливать, нарушителям — отчисление». Маня Станиславская, забывшись, по привычке выплеснула грязную воду из ведра в окно. Внизу сторожика все видит. Кричит: «Ага, четвертый этаж, 145-я комната, берегитесь!». Вся комната в страхе. Одной из девушек накануне пришла посылка с таранькой. Все решают, что я должна сейчас же идти с рыбой к дворничихе и просить ее не сообщать в деканат. Я упрасываю, клянусь, что больше не повторится, и нас прощают.

Сегодня отоварили яичным порошком и растительным маслом. Это настоящий праздник, едим «десерт» — макаем хлеб в смесь масла с порошком.

Победа. Вечер 8 мая. Очень тревожные ощущения. Вдруг понимаю, стоит какая-то необычная тишина. С улицы у вокзала не слышно никакого движения. Долго не могу уснуть. Утром странное затишье продолжается. Побежали с девчонками на Куликово поле (одноименное название), видим у кинотеатра «Бомонд» собрались люди, весь сквер у железнодоро-

рожного вокзала также заполнен людьми. Люди начинают петь, танцевать. Победа! Гуляли всю ночь!

Каникулы. Еду домой. Но уже не в Усолье. Там в 1944–1945 годах голод усилился, были резко снижены пайки. Родители продали отличный двухэтажный дом практически за бесценок — швейную машину и тулуп, и поехали на Украину. Ехали по вызову старшей дочери, которую перевели из Березников в город Славянск. Ольгу назначили первым секретарем Славянского изоляторного завода. Ей был выделен отдельный дом. Для родственников она добилась комнат в бараке.

В день моего приезда все наши окучивали картошку, мама посмотрела на мою работу и решила, что я сделалась совсем ленивая. Муж сестры начал критиковать: «Вот, доучилась, досдавалась крови!». Я же ничего с собой не могла поделать, двигалась как муха. На другой день пошли в гости к Ольге, мне сделалось очень нехорошо, очнувшись в больнице. Видимо, заразилась в дороге тифом. Пришла Лидия, я со слезами прошу, чтобы упростила врача не обривать голову. Лидия просит: «Пожалуйста студентку». Врач соглашается подождать. Наутро увидела на своей подушке вошь и сама попросила обрить. Поправляюсь медленно. Пришли проведать младший брат с племянником, принесли хлеб; говорят, выменяли у пленных немцев на яблоки¹².

На занятия выезжаю в конце октября, с большим опозданием. Сил нет, но думаю, если сейчас не уехать, то можно и совсем не собраться.

Еду в поезде, пассажиры едят домашние постряпушки, а у меня с собой только черный хлеб. Очень обидно.

III курс. Прихожу в институт, голова повязана в форме чалмы красивым шелковым платком, как тогда носили. Показываю декану справку о болезни. Он недоверчиво смотрит на меня и говорит: «Фофанова, да ведь, наверное, врешь?». Я снимаю платок, ему делается неудобно. Он оправдывается: «Тут все приезжают со справками». Зато через некоторое время отрастают чудные волосы и даже начинают виться. Меня на улице останавливают женщины с вопросом: «Где вам делали перманент?». Я задумчиво отвечаю: «Свои волосы такие».

Появляется много студентов-фронтовиков, кто-то поступает на первый курс, а многие восстанавливаются после фронта на свои курсы, с условием — до сдачи экзаменов — ведь многие уходили на фронт, прослушав курс, но не сдав экзамены.

Я подаю заявление в деканат о переводе меня на технологический факультет, все-таки механика это мужское занятие. Поскольку появились ребята, мою просьбу удовлетворяют.

Выдают керогазы. Студенты образуют коммуны и готовят обеда. В комнате варить не разрешается. Варим в коридоре. Нужно смотреть в оба, зазеваешься, отойдешь — керогаз уже с твоей кастрюлькой стоит на полу, табурет унесли на дрова. Фронтовики-украинцы из соседней комнаты потихоньку в наш суп подкладывают сало, подкармливают нас.

На Привозе¹³ появляется много трофейной одежды. Иду, подыскиваю себе платье. Одно понравилось, рассматриваю, вижу на подоле много мелких дырочек, показываю их хозяйке. Она мне замечает с одесским говорком: «Не смотри, где худо, смотри, где цело!». В продуктовых рядах по-

Одесса, 1948 г.

купаю тарелку горячего борща и кусочек мамалыги — это сказка!

1946–1948 годы

Начинают образовываться пары. Многие студенты женятся. В 1947 году и я вышла замуж. Кавалеров было много, выбрала наиболее доброго ко мне человека, ведь мне нужно будет взять к себе родителей и младшего брата — шестиклассника.

Защитили дипломы. При распределении выбираем Ворошилов-Уссурийск Приморского края. Хочется быть самостоятельными инженерами, ни в Одессе, да и в Киве (откуда муж) это не получится.

И вот, начинается новая жизнь...

**К публикации
дневник подготовила
Людмила БОРТНИК, архивист**

¹ В настоящее время Серафиме Бортник 88 лет.

² Родилась я 04.06.1924 г. в Томске, в 1925 году родители вернулись в Усолье, где и жили до 1945 года. Дневник записывает дочь — Людмила Бортник.

³ Дресва — крупный песок.

⁴ Туляк — тупой нож.

⁵ В семье семеро детей.

⁶ Полой — небольшой залив, впадина.

⁷ Имеется в виду магазин Торгового син-

диката (существовали с января 1931 по январь 1936 года — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, Торговый синдикат). В обмен на валюту и драгоценности в таких магазинах можно было купить продовольственные и промышленные товары. Цены в этих магазинах были хотя и выше пайковых, но ниже государственных коммерческих и рыночных цен.

⁸ «Морда» — ловушка для рыбы с длин-

ным тупым концом, рыба не может вернуться и выйти из нее.

⁹ Пещур — средней величины корзина, которую носили на спине.

¹⁰ Полудоха — шуба чуть выше колена.

¹¹ Кипак — отходы от выжимки масла из семян хлопка.

¹² До сих пор удивляюсь, как они тогда не стали хулиганами, где только не бродили.

¹³ Привоз — продуктово-вещевой одесский рынок.